

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт Европы
Российской академии наук

Май
Июнь

3-2023

Современная **ЕВРОПА**

ISSN 0201-7083

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Современная **ЕВРОПА**

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 г.

3 (117) май-июнь 2023 г.

ШЕФ-РЕДАКТОР

член-корр. РАН Ал.А. ГРОМЫКО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ

ГРИНБЕРГ Р.С. (Россия), ГРУШКО А.В. (Россия),
ЖУРКИН В.В. (Россия), КАРРЕР Д'АНКОС ЭЛЕН (Франция),
НЕКИПЕЛОВ А.Д. (Россия), НИВА ЖОРЖ (Швейцария),
РОГОВ С.М. (Россия), ФАРА ДЖАН МАРИЯ (Италия),
ФРАНКО МАРК (Бельгия), ЧУБАРЬЯН А.О. (Россия)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р.Н. ЛУНКИН

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

К.А. ГОДОВАНЮК

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

А.А. РОЖИН

РЕДАКТОРЫ: Т.Н. СТЕПАШИНА, О.К. ШИМАНСКАЯ,

С.А. ЗАБЕЛИН, Д.И. КОЛЕСОВ, Р.М. ПЛЮСНИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРБАТОВ А.Г., АЛЛИСОН Р. (Британия), БЕЛОВ В.Б., БОРКО Ю.А.,
БЕРГМАНН В. (Германия), БУТОРИНА О.В., ВОДОПЬЯНОВА Е.В.,
ГОЛОВНИН М.Ю., ДАНИЛОВ Д.А., ЗОЛОТАРЁВ П.С., КАВЕШНИКОВ Н.Ю.,
МИРОНЕНКО В.И., НОСОВ М.Г., ПОТЕМКИНА О.Ю., РИЧЧЕРИ М. (Италия),
РУБИНСКИЙ Ю.И., СМЕРНОВ В.А., ФЛОГАИТИС С. (Греция),
ШВЕЙЦЕР В.Я., ШИШЕЛИНА Л.Н.

МОСКВА

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF EUROPE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Contemporary EUROPE

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCH JOURNAL

EST. JANUARY 2000

CONTENTS

KAVESHNIKOV N., DOMANOV A. The Impact of the EU Enlargement on the Speed of Decision-Making • **VOYNIKOV V.** EU Travel Restrictions for Russian Citizens: Political and Legal Issues • **KOTSUR G.** “Strategic Sovereignty” and “Strategic Autonomy” in the EU’s Official Discourse: a Morphological Analysis of Ideology • **VELIKAYA N., BEREZKINA E.** Russia in Public Discourse and Public Opinion of Citizens of the Italian Republic • **KANDEL P.** The Kosovo Problem: Serbia Faces a Decisive Choice • **SHUGUROV M.** The EU Assistance in Solving the Problem of Scientific and Technological Development of Jordan • **PLATONOVA I., KAREVA A.** The Support of Small and Medium Enterprises for Sustainable Development in the EU • **YAKOVLEV P.** Spanish Economy on the Trajectory of the Modernisation Process • **VODOPIANOVA E.** Accelerated Universities: European and Asian Experience • **TIMOSHENKOVA E.** State and Civil Society: Peculiarities of the German Approach • **YANGLYAEVA M.** Political Mediageography: Consumption of Feminism in Northern Europe • **SCHIPKOV A.** Theology and Politics. Political Attempts to Subordinate the Church • **PRONINA T., TALALAEVA E.** Migration and Islamic Fundamentalism in the Context of Discourse of Postmodernism • **NOSOV M.** Europeans in Japan: from Trade to Knowledge • **NEIMARK M.** Geopolitics’ Past and Future: Negation of the Negation • **KANUNNIKOV A.** Russian View on the Political Landscape of Latin America • **ARSLAN O.** Portrayal of Russian Foreign Policy towards Georgia in 2008 and Ukraine in 2014 in the Western and Russian Academia • **MAZGA N.** Pages of the Struggle of Soviet Diplomacy for the Membership of the Ukrainian SSR and the BSSR in the UN • **SCHOLARLY LIFE**

INHALT

KAVESHNIKOV N., DOMANOV A. Einfluss der Erweiterung der EU auf der Geschwindigkeit der Entscheidungsfindung • **VOJNIKOV V.** Einschränkungen auf Einreise der Russischen Bürger in EU-Länder: politische und gesetzliche Aspekte • **KOZUR G.** Strategische Souveränität und strategische Autonomie im EU-Diskurs: morphologische Analyse der • **VELIKAJA N., BEREZKINA E.** Russland im öffentlichen Diskurs und Meinung Italiens • **KANDEL P.** Serbien vor die entscheidende Wahl • **SCHUGUROV M.** EU-Förderung der wissenschaftlichen und technologischen Entwicklung Jordaniens • **PLATONOVA I., KAREVA A.** Unterstützung kleiner und mittlerer Unternehmen im Rahmen der nachhaltigen Entwicklungsziele in EU • **JAKOVLEV P.** Spanische Wirtschaft am Scheideweg der Modernisierung • **VODOPJANOVA E.** Accelerated Universitäten europäische und asiatische Erfahrungen • **TIMOSCHENKOVA E.** Staat und Zivilgesellschaft: Besonderheiten des deutschen Ansatzes • **JANGLJAJEWA M.** Politische Mediageographie: Verbrauch von Feminismus in Nordeuropa • **SCHTSCHIPKOV A.** Theologie und Politik. Versuche der politischen Unterwerfung der Kirche • **PRONINA T., TALALAEVA E.** Migration und islamischer Fundamentalismus im Zusammenhang mit postmodernistischem Diskurs • **NOSOV A.** Europäer in Japan: vom Handel zum Wissen • **NEJMARK M.** Gegenwart und Zukunft der Geopolitik: eine doppelte Verneinung • **KANUNNIKOV A.** Russische Ansicht über die politische Landschaft des Lateinamerikas • **ARSLAN O.** Darstellung der russischen Außenpolitik gegenüber Georgien in 2008 und Ukraine in 2014 in der westlichen und russischen Wissenschaft • **MJESGA N.** Seiten des Kampfs von sowjetischen Diplomaten um ursprüngliche Mitgliedschaft der UdSSR und BSSR in UN • **WISSENSCHAFTLICHES LEBEN**

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

<i>Кавешников Н.Ю., Доманов А.О.</i> Влияние расширения ЕС на скорость принятия решений	5
---	---

<i>Войников В.В.</i> Ограничения на въезд российских граждан в страны ЕС: политические и правовые аспекты	20
---	----

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЦЕСС: СТРАНЫ И РЕГИОНЫ

<i>Коцур Г.В.</i> «Стратегический суверенитет» и «стратегическая автономия» в дискурсе ЕС: морфологический анализ идеологии	33
---	----

<i>Великая Н.М., Берёзкина Е.Ю.</i> Россия в публичном дискурсе и общественном мнении Итальянской Республики	45
--	----

<i>Кандель П.Е.</i> Сербия перед решающим выбором	57
---	----

<i>Шугуров М.В.</i> Содействие ЕС в решении проблемы научно-технического развития Иордании	68
--	----

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

<i>Платонова И.Н., Карева А.О.</i> Поддержка малого и среднего бизнеса в целях устойчивого развития ЕС	82
--	----

<i>Яковлев П.П.</i> Экономика Испании на траектории процесса модернизации	95
---	----

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА

<i>Водопьянова Е.В.</i> Ускоренные университеты: опыт Европы и Азии	107
---	-----

<i>Тимошенкова Е.П.</i> Государство и гражданское общество: особенности немецкого подхода	118
---	-----

<i>Янглева М.М.</i> Политическая медиагеография: потребление смысла «феминизм» в странах Северной Европы	131
--	-----

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

<i>Щипков А.В.</i> Теология и политика. Попытки политического подчинения Церкви	143
---	-----

ОБЩЕСТВО И РЕЛИГИЯ

- Пронина Т.С., Талалаева Е.Ю.** Миграция и исламский фундаментализм
в контексте постмодернистского дискурса 152

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Носов М.Г.** Европейцы в Японии: от торговли к знаниям 164

РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОЧИТАННОМ

- Неймарк М.А.** Прошлое и будущее геополитики: отрицание
отрицания 178
- Канунников А.А.** Взгляд из России на политический ландшафт
Латинской Америки 188

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

- Arslan O.** Portrayal of Russian Foreign Policy towards Georgia in 2008
and Ukraine in 2014 in the Western and Russian Academia 198

РЕЦЕНЗИИ

- Мезга Н.Н.** Страницы борьбы советской дипломатии
за первоначальное членство СССР и БССР в ООН 210

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Форум “Россия, Европа, мир” 214
- 80-летие Владимира Яковлевича Швейцера** 218

*Точка зрения авторов публикуемых материалов
может не совпадать с мнением редколлегии журнала.*

*Подписка на наш журнал производится
в отделениях связи по каталогу “Роспечать”, индекс 79701
и объединённому каталогу “Пресса России”, индекс 14492*

УДК 327.7

ВЛИЯНИЕ РАСШИРЕНИЯ ЕС НА СКОРОСТЬ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ¹

© 2023 г. **КАВЕШНИКОВ Николай Юрьевич***

Кандидат политических наук

Заведующий кафедрой интеграционных процессов МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76;

Ведущий научный сотрудник Института Европы РАН

125009, Россия, Москва, Моховая ул., д. 11, стр. 3

***E-mail:** nikandrrr@mail.ru

© 2023 г. **ДОМАНОВ Алексей Олегович****

Научный сотрудник Института Европы РАН

125009, Россия, Москва, Моховая ул., д. 11, стр. 3

***E-mail:** domanov.aleksey@gmail.com

Поступила в редакцию 22.01.2023

После доработки 05.03.2023

Принята к публикации 12.04.2023

Аннотация. В статье проведено количественное эмпирическое исследование влияния расширений Европейского союза 1995 и 2004 гг. на скорость процесса принятия решений (законодательный процесс). Используются два метода: анализ прерванных временных рядов и анализ выживаемости (модель Кокса), что повысило обоснованность полученных выводов. Базу эмпирических данных составили директивы и регламенты вторичного права ЕС. Методы, дизайн и периоды исследования позволили разделить влияние расширений и изменений институциональных параметров процесса принятия решений. В статье показано, что в момент расширения 2004 г. законодательный процесс значительно ускорился. Это связано с тем, что, во-первых, предпочтения новых государств-членов в целом находились внутри диапазона предпочтений старых и ось конфликта западных и восточных государств-членов возникла только в ограниченном числе сфер деятельности ЕС. Во-вторых, перед вступлением новых стран Совет ЕС принял новый процедурный регламент, существенно повысивший эффективность его рабо-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00096, <https://rscf.ru/project/23-28-00096>

ты. Что касается расширения 1995 г., то в связи с недостаточной достоверностью расчетов можно с осторожностью утверждать, что оно не оказало явного замедляющего влияния на процесс принятия решений. Вывод о том, что расширение 2004 г. в среднесрочной перспективе не повлекло торможения законодательного процесса, значим для понимания особенностей функционирования ЕС.

Ключевые слова: Европейский союз, расширение ЕС, принятие решений, законодательный процесс, скорость принятия решений, анализ выживаемости, метод прерванных временных рядов.

DOI: 10.31857/S0201708323030014

EDN: bqbjug

Расширение Европейского союза в 2004 г. дало толчок исследованиям о том, в какой степени увеличение числа государств-членов осложняет и замедляет процесс принятия решений в ЕС. Риски торможения стали предметом не только академической, но и политической и общественной дискуссии. Несмотря на доминирование этого нарратива и наличие ряда конкретных примеров, нет точного ответа на вопрос, насколько расширение Евросоюза оказало систематический негативный эффект на процесс принятия решений.

Цель статьи – внести вклад в исследование продолжительности законодательного процесса в Евросоюзе касательно влияния расширений ЕС на длительность и эффективность принятия решений. Используемые база данных и методы позволяют более корректно оценить влияние расширений, в частности, отделив его от влияния институциональных изменений.

Теоретические основания

Существует ряд теоретических подходов относительно возможного влияния увеличения числа членов политического процесса на согласование решений. Наиболее известные – это пространственный анализ (*spatial analysis*), теория клубов, индексы влияния (*voting power*) и теория транзакционных издержек.

Пространственный анализ исходит из базового предположения, что эффективность принятия решений связана со степенью различий в позициях акторов и институциональными параметрами [Enelow, Hinich, 1984]. С этой точки зрения, увеличение числа стран ЕС должно вести к усложнению процесса принятия решений и увеличению длительности рассмотрения законодательных актов [König, 2007; Klüver, Sagarzazu, 2013].

Однако на результат и скорость законодательного процесса влияет не столько число участников, сколько уровень гетерогенности их предпочтений. Если предпочтения новых государств-членов находятся в пределах диапазона предпочтений старых, это может не оказать значимого влияния на скорость принятия решений [Steunenbergh, 2002; Tsebelis, 2002]. Таким образом, увеличение акторов само по себе не влияет на скорость принятия решений. Кроме того, изменение институциональных параметров может как ускорять, так и замедлять законодательный процесс.

Разработанная в рамках теории общественных благ теория клубов (теория клубных благ) объясняет, что с увеличением числа участников готовность каждого из них вносить вклад в формирование клубных благ сокращается [Cornes, Sandler, 1996]. Этот феномен должен четко проявляться при обсуждении общих финансов и их распределения. С теоретической точки зрения увеличение числа акторов должно вести к усилению споров и замедлению процесса принятия решений, что подтверждает ряд исследований на примере ЕС [Thomson, 2009; Zimmer et al., 2005].

Концепция индексов влияния предполагает анализ всех возможных выигрывающих коалиций и расчет индекса влияния каждого актора на основе того, как часто он является ключевым членом коалиции (т. е. его участие необходимо для того, чтобы коалиция набрала необходимое число голосов для принятия решения). Индекс Банцхафа [Banzhaf, 1965] часто используется при исследовании голосования квалифицированным большинством в Совете министров ЕС. В рамках этого подхода расширение Евросоюза должно усложнять принятие законодательства [Baldwin, Widgren, 2004], если оно не сопровождается существенными институциональными изменениями.

Теория транзакционных издержек постулирует, что с увеличением числа акторов транзакционные издержки должны расти, если не происходят изменения институциональных параметров, которые могут компенсировать этот эффект [Buchanan, Tullock, 1965]. Эксперты, проводившие теоретический анализ деятельности институтов ЕС, приходят к аналогичным выводам [König, 2007].

Таким образом, существующие теоретические подходы предлагают ряд каузальных механизмов, которые могут привести к замедлению процесса принятия решений в ЕС при увеличении числа государств-членов. Однако это не означает, что замедление происходило в реальности. Более того, большинство теоретических подходов отмечают значимость институциональных параметров процесса принятия решений. Их изменение может компенсировать негативный эффект расширения. Следовательно, с концептуальной точки зрения увеличение числа государств-членов может не повлиять на скорость принятия решений.

Обзор эмпирических исследований

Существует ряд эмпирических исследований, в основном выполненных по методологии исследования продолжительности процесса (*duration studies*), которые прямо или косвенно оценивают эффект различных расширений ЕС на скорость законодательного процесса.

Используя модель Кокса, Джонатан Голуб и Бернард Стеуенберг пришли к выводу, что увеличение состава интеграционного объединения до ЕС-9, ЕС-10, ЕС-12 и ЕС-15 ускорило процесс принятия решений [Golub, 2007; Golub, Steunenberg, 2007]. Однако исследования проведены на массиве данных за 1968–1998 гг. В качестве референтного использовался период 1968–1972 гг. (до расширения 1973 г.). Можно предположить, что ускорение было заметно при сравнении с медлительностью процесса принятия решений из-за политики Франции при Шарле де Голле.

На основе модели Кокса Эйке Клювер и Инаки Сагарзасу, исследуя влияние идеологических различий на законодательный процесс в ЕС, пришли к выводу, что расширения не оказали влияния на скорость принятия решений [Klüver, Sagarzazu, 2013]. Анализ построен на массиве данных за 1979–2010 гг. Это дает основание задать вопрос, насколько корректно учтено влияние многочисленных изменений институциональных параметров на скорость принятия решений.

Эдвард Бест и Пьерпаоло Сеттембри на основе дескриптивного анализа не выявили эффекта расширения 2004 г. по таким параметрам, как число принимаемых актов, средний срок принятия актов и т.д. [Best, Settembri, 2008]. Однако первый параметр до и после расширения не является надежным показателем, поскольку подход не принимает во внимание увеличение предметной сферы компетенции ЕС (появление новых отраслевых политик). Кроме того, анализ на основе среднего срока принятия актов не учитывает множество других факторов (тип актов, законодательная процедура, порядок принятия решения в Совете ЕС и т.п.), которые оказывают влияние на длительность законодательного процесса.

Робин Херц и Дирк Лёффен провели исследование с использованием модели Кокса на материале 1976–2006 гг. и пришли к выводу, что расширения ЕС-10, ЕС-12 и особенно ЕС-15 и ЕС-25 замедлили процесс принятия решений [Hertz, Leuffen, 2011]. Однако результаты их исследования следует принимать во внимание с учетом некоторых оговорок. В частности, Люксембургский компромисс 1966 г. негативно повлиял на развитие ЕС. Существование принципа политического вето привело к тому, что до середины 1980-х гг. законодательные решения в Совете принимались исключительно на основе единогласия, что замедляло процесс принятия решений. На этом фоне новая динамика развития Евросоюза конца 1980-х – 1990-х гг. может быть ошибочно интерпретирована как эффект расширений 1986 и 1995 гг. Р. Херц и Д. Лёффен попарно сравнивали периоды, когда в составе ЕС было разное количество государств. Полученные результаты выглядят парадоксально. Например, авторы не обнаружили значительного влияния численности государств-членов на скорость принятия решений при сравнении ЕС-12 с ЕС-10 и ЕС-15 с ЕС-12, однако выявили при сравнении ЕС-15 с ЕС-10. Если расширения с 10 до 12 членов и с 12 до 15 членов по отдельности не оказали значимого влияния, сомнительно, что различия между периодами ЕС-10 и ЕС-15 связаны именно с увеличением состава, а не с иными факторами. Исследователи также не обнаружили значительного влияния численности государств-членов при сравнении ЕС-25 с ЕС-15, однако выявили при сравнении ЕС-25 с ЕС-12 и ЕС-25 с ЕС-10. Это вызывает сомнения в интерпретации результатов.

Димитер Тошков [Toshkov, 2017] детально исследовал влияние расширения 2004 г. на законодательный процесс, используя различные методы, и пришел к выводу об отсутствии негативного эффекта на процесс принятия решений.

Использованные методы по отдельности уязвимы для критики. Анализ количества актов до и после расширения не учитывает возможное расширение компетенции ЕС и развитие новых отраслевых политик. Однофакторный анализ выживаемости с использованием кривой Каплана-Мэйера не способен учесть влияние иных факторов, кроме состава ЕС, на скорость принятия решений (изменение договоров, различие процедур и т.п.). Исследование неоднородности изначальных позиций

государств-членов проведено на основе базы данных *DEU-II* [Thomson, 2009]. Она наиболее обширная из существующих, но не в полной мере релевантная для анализа процесса принятия всего массива законодательства в ЕС. Анализ предпочтений государств-членов на основе результатов голосования имеет ряд недостатков, которые упоминает Д. Тошков [Toshkov, 2017: 186]. Тем не менее в совокупности использованные исследователем методы дают основания для утверждения об отсутствии сильного и системного влияния расширения 2004 г. на процесс принятия решений [Toshkov, 2017: 189].

Предшествующие эмпирические исследования дают противоречивые результаты. Это может быть связано с различиями в формировании баз данных (директивы или все акты) и рассматриваемым периодом. Имеющиеся работы не делают различия между документами вторичного и третичного права, а особенности последних (многие акты третичного права носят технический характер) отражаются на процессе принятия решений и его скорости. Недостаток большинства исследований в том, что их методология не позволяет корректно отделить влияние расширений от иных факторов, прежде всего изменения институциональных параметров (реформы основополагающих договоров и текущая эволюция практики принятия решений).

Методы исследования

Задача исследования – на эмпирическом материале оценить влияние, которое оказали расширения 1995 и 2004 гг. на длительность процесса принятия решений в ЕС. Исследование построено с использованием двух методов: анализ прерванных временных рядов и анализ выживаемости с применением для расчетов модели Кокса.

Основная идея анализа прерванных временных рядов (*interrupted time series analysis, ITS*) [Morgan, Winship, 2007] состоит в том, чтобы смоделировать поведение зависимой переменной (в нашем случае – длительности процесса принятия решений) до и после события. При корректном построении модели и выборе переменных, разрыв последовательности в момент события можно интерпретировать как влияние этого события. Применительно к исследованию законодательного процесса в ЕС метод прерванных временных рядов использован Йоргеном Болстадом и Джеймсом Кроссом для оценки эффекта Амстердамского, Ниццкого и Лиссабонского договоров [Bølstad, Cross, 2016].

Эффект каждого расширения исследовался с использованием линейной регрессии, которая рассчитывалась отдельно для периода до и после события, как предлагают Гвидо Аймбенс и Томас Лемье [Imbens, Lemieux, 2008]. Для анализа выбраны симметричные окна – два года до события и два года после. Они должны быть достаточно малы, чтобы минимизировать влияние других возможных факторов, и достаточно велики, чтобы количество эмпирического материала (число принятых актов) обеспечило приемлемую точность расчетов.

Линейная регрессия построена по формуле:

$$\ln Y_t = \beta_0 + \beta_1 E_t + \beta_2 t + \beta_3 E_t t + \sum_{m=1}^M \beta_{m+3} X_{mt} + \varepsilon_t$$

Для каждого расширения введена бинарная переменная E (*enlargement*), отражающая, был ли документ принят до расширения ($E = 0$) или после ($E = 1$)¹. Переменная времени t центрирована по моменту расширения, т. е. $t = 0$, когда E меняется с 0 на 1. X – это вектор дополнительных переменных (в нашем случае они учитывают эффекты сезонности и сфер деятельности ЕС), ε – ошибка. При таком построении формулы линейной регрессии коэффициент β_1 отражает немедленный эффект расширения, β_2 задает тренд длительности законодательного процесса до расширения, β_3 – изменение тренда после расширения.

Активность законодательного процесса в ЕС имеет четко выраженную сезонность. Эти фиксированные эффекты учтены путем введения дополнительных переменных, показывающих месяц принятия документа. Таким же образом учтены фиксированные эффекты, связанные с различиями в скорости принятия законодательства в различных сферах деятельности ЕС².

Для того чтобы учесть нелинейный характер взаимосвязи переменных и не перегружать модель трудновычислимыми компонентами, традиционно используют функции связи (*link function*). Исходя из характеристик базы данных, использована логарифмическая функция связи, как это рекомендуют Джон Фокс [Fox, 2015: 392] и Джозеф Хилбе [Hilbe, 2011: 193].

Результаты расчетов соответствуют критериям Бройша-Годфри и Энгеля, что подтверждает корректность применения метода прерванных временных рядов к базе данных.

Второй метод – это анализ выживаемости (*survival analysis*) с применением для расчетов модели Кокса. Он заключается в изучении закономерностей появления ожидаемого события у представителей наблюдаемой выборки во времени в зависимости от воздействующих на них факторов.

В основе модели Кокса лежит метод множественной регрессии [Cox, 1972]. Этот полупараметрический метод предполагает прогнозирование риска наступления события (*hazard risk*) для рассматриваемого объекта и оценивает влияние независимых переменных на этот риск. В качестве результата модель дает значение отношения рисков (*hazard ratio*, *HR*) между показателями рисков в экспериментальной и контрольной группах.

Применительно к исследованию процесса принятия решений в ЕС событие – это принятие законодательного акта. Контрольная группа – это массив документов, принятых до расширения. Экспериментальная группа – документы, принятые после расширения. Риск – это вероятность, что документ, не принятый в день N с момента начала законодательной процедуры, будет принят в день $N + 1$. Соответственно, отношение

¹ Законодательные акты, инициированные до расширения, но принятые после, закодированы как принятые после расширения. Мы полагаем, что значительная часть переговоров по законодательному досье состоялась до расширения, а роль вновь вступивших государств была невелика.

² Для этих целей все законодательство было разделено на восемь крупных блоков: торговая политика; Единый рынок; Экономический и валютный союз; сельскохозяйственная политика; социальная и региональная политики; прочие отраслевые политики; Пространство свободы, безопасности и правосудия; внешние связи.

рисков (*HR*) показывает, в какой степени отличается вероятность принятия документа в любой день законодательного процесса после расширения от принятия до расширения¹.

Периоды два года до и два года после соответствующих расширений были выбраны, во-первых, чтобы обеспечить сопоставимость результатов исследования по модели Кокса и методу прерванных временных рядов. Во-вторых, они позволяют минимизировать влияние, связанное с изменением институциональных параметров процесса принятия решений. Расчеты проводились по многофакторной модели с целью исключить влияние институциональных и системных факторов. Для этого в модели использованы контрольные параметры: процедура принятия акта, порядок принятия решений в Совете, новизна, сложность и срочность акта. Результаты расчетов удовлетворяют критериям теста Грамбш-Терно, что подтверждает корректность применения метода Кокса к базе данных.

Базу эмпирических данных исследования составили директивы и регламенты вторичного права ЕС с официального портала законодательства *EUR-Lex*². В целях сбора эмпирических данных использовано ключевое различие между актами вторичного и третичного права – юридическая база документа. Для актов вторичного права – это статьи основополагающих договоров, для актов третичного права – акты вторичного законодательства.

Из собранной базы данных исключены документы, непосредственно связанные с расширениями 1995 и 2004 г., т. к. институты ЕС принимают их за очень короткий срок³. Как правило, эти документы фиксируют договоренности, достигнутые ранее в ходе переговоров о вступлении новых стран. Итоговая база эмпирических данных включает 1538 документов за оба исследуемых периода.

Использование двух методов анализа должно повысить обоснованность полученных выводов. Исключение из выборки документов третичного права позволяет оценить закономерности законодательного процесса *stricto sensu*. Используемые методы и временные периоды позволяют разделить влияние расширений и изменений институциональных параметров.

Результаты

Результаты математического моделирования представлены в таблицах 1 и 2. Расчеты по методу Кокса в подавляющем большинстве случаев подтверждают известные закономерности, связанные с использованными в модели контрольными параметрами (данные по контрольным параметрам не включены в Табл. 1 чтобы не перегружать ее). Участие Европарламента, особенно использование обычной законодательной процедуры⁴, замедляет процесс принятия решений. Голосование ква-

¹ Подробнее о применении модели Кокса к исследованию законодательного процесса в ЕС см. [Кавешников, Доманов, 2022].

² EUR-Lex. URL: www.eur-lex.europa.eu (дата обращения: 22.01.2023)

³ Большинство директив такого рода принимаются за 50-60 дней. Средний срок принятия обычной директивы составляет около двух лет.

⁴ В исследуемые периоды она называлась процедурой совместного принятия решения.

лифицированным большинством в Совете ускоряет процесс. Принятия новых, сложных и бессрочных актов требует больше времени, чем принятие поправок, простых и срочных актов.

Относительно расширения 1995 г. два использованных метода дают разные результаты. Модель Кокса не выявила влияния расширения на принятие решений. Отношение рисков при анализе всех актов равно 0,87. Если оно отличается от единицы менее, чем на 0,2, то фактор незначим. Метод *ITS* свидетельствует о существенном одномоментном влиянии расширения: при обachte всех актов β_1 равен 0,54. Однако точность расчетов в обоих моделях невелика ($p < 0,05$). Более того, при использовании обоих методов для анализа отдельно директив и регламентов расчеты не имеют точности, которая позволила бы делать содержательные выводы.

Таблица 1

Влияние расширений на скорость принятия решений (модель Кокса)

	Расширение 1995 г.			Расширение 2004 г.		
	все акты	директивы	регламенты	все акты	директивы	регламенты
Отношение рисков (HR)	0,87*	0,76	0,88	1,23**	1,26	1,20
Число актов (N)	856	179	677	682	195	487
Период, месяцы	48	48	48	48	48	48

Контрольные параметры: процедура, единогласие/ГКБ, новизна акта, срочность акта, сложность акта.

Точность расчетов: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

Таблица 2

Влияние расширений на скорость принятия решений
(метод прерванных временных рядов)

	Расширение 1995 г.			Расширение 2004 г.		
	все акты	директивы	регламенты	все акты	директивы	регламенты
E – расширение (β_1)	0,54*	0,91	0,71	0,43***	0,42**	0,53***
t – время (β_2)	1,0001	1,0004	1,0001	0,9997	0,9994	1,0001
$E \times t$ (β_3)	1,0001*	0,9999	1,0001	1,0018***	1,0025***	1,0008
константа (β_0)	179,97***	541,74***	128,81	464,93***	951,89***	288,48***
Фикс. эффекты (месяцы)	да	да	да	да	да	да
Фикс. эффекты (сферы деятельности)	да	да	да	да	да	да
Число актов (N)	856	179	677	682	195	487
Период, месяцы	48	48	48	48	48	48

Точность расчетов: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

Таким образом, исследование не позволяет сделать однозначного вывода об эффекте расширения 1995 г. в связи с недостаточной достоверностью расчетов. Вместе с тем можно утверждать, что оно не оказало негативного (замедляющего) влияния на процесс принятия решений.

Более достоверные выводы можно сделать о последствиях расширения 2004 г. Оба метода моделирования свидетельствуют, что процесс принятия решений заметно ускорился: отношение рисков равно 1,23 и коэффициент β_1 равен 0,43. Аналогичные результаты дает моделирование процесса принятия директив и регламентов по отдельности. Расчеты имеют высокую степень достоверности как для всех актов (оба метода), так и для директив и регламентов по отдельности (метод *ITS*).

Существующие концептуальные подходы не позволяют дать однозначного объяснения этого феномена, но можно высказать ряд предположений. Предположение, что ускорение процесса принятия решений было эффектом Ниццкого договора не заслуживает доверия. Договор вступил в силу 1 февраля 2003 г. Анализируемый 24-х месячный период времени до расширения (с 1 мая 2002 г. до 30 апреля 2004 г.) включает 15 месяцев, когда Ницкий договор действовал. Соответственно, его влияние на принятие решений проявилось задолго до момента расширения и не могло повлиять на результаты моделирования. Эмпирические исследования убедительно подтверждают, что Ницкий договор не оказал заметного влияния на продолжительность законодательного процесса [Bølstad, Cross, 2016; Кавешников, Доманов, 2022].

В указанный период активно развивалась практика триалогов – неформальных встреч представителей Комиссии, Европарламента и Совета для обсуждения законопроекта [Brandsma, 2015; Кавешников, 2021b]. Эмпирические исследования подтверждают, что они способствуют ускорению законодательного процесса [Toshkov, Rasmussen, 2012]. На скорость принятия решений мог также повлиять процесс размывания консенсусной культуры в Совете [Wallace et al., 2015: 83].

Практика триалогов и процесс размывания консенсусной культуры развивались постепенно. Маловероятно, что они могли вызвать заметный одномоментный эффект, о котором свидетельствуют результаты моделирования. Косвенно это подтверждает тот факт, что долгосрочные тренды, определяемые в методе *ITS* коэффициентами β_2 и β_3 , близки к единице. Кроме того, не наблюдается изменение долгосрочных трендов после расширения.

Отсутствие заметного замедления законодательного процесса после расширения 2004 г. можно объяснить тем, что предпочтения новых членов, по крайней мере в первое десятилетие после их вступления в ЕС, в целом находились внутри диапазона предпочтений старых. Эмпирические исследования позиций и результатов голосования свидетельствуют, что новое измерение конфликта (западные *versus* восточные государства-члены) проявляется в незначительной степени [Mattila, 2009; Plechanovova, 2011; Thomson, 2009; Toshkov, 2017]. В явно выраженной форме его можно наблюдать в немногих сферах деятельности ЕС, например в климатической и миграционной политике, особенно в области предоставления убежища [Thomson, 2009: 767; Toshkov, 2017: 188]. Отраслевые исследования свидетельствуют, что системное и устойчивое расхождение предпочтений происходило в сфере миграцион-

ной политики и убежища [Geddes, 2018; Потемкина, 2019], в перераспределительных (*redistributive*) политиках в широком смысле, включая структурные фонды, сельскохозяйственную политику, охрану окружающей среды [Veen, 2011], климатическую политику [Jevnaker, Wettestad, 2017; Кавешников, 2021a], обеспечение энергетической безопасности [Goldthau, Sitter, 2015; Youngs, 2020]. Значительная часть этих направлений стала приоритетной спустя долгое время после расширения 2004 г. (миграционный кризис, проблематика энергетической безопасности). Следовательно, различия в предпочтениях между государствами-членами не могли существенно повлиять на общую динамику законодательного процесса непосредственно после расширения.

Вышеперечисленное не объясняет значительное одномоментное ускорение законодательного процесса после расширения 2004 г, о котором свидетельствуют результаты математического моделирования. Можно полагать, что ускорение стало следствием изменений в работе Совета ЕС. Перед вступлением новых членов институт принял новый процедурный регламент¹, который предусматривал ряд мер для повышения эффективности. В частности, установлено, что на этапе подготовки заседаний:

- 1) вопрос направляется в Корепер, только если на уровне рабочих групп достигнут определенный прогресс;
- 2) государство-председатель должно проводить активные консультации между заседаниями;
- 3) делегациям рекомендуется до заседания письменно сообщать о своей позиции;
- 4) государство-председатель должно поощрять рабочие контакты между делегациями в промежутках между заседаниями;
- 5) делегациям с близкими позициями рекомендуется готовить к заседанию совместные письменные предложения.

Новые правила установили, что на заседаниях Совета в повестку не включаются вопросы для ознакомления (информационные сообщения такого рода должны быть представлены делегациям заранее в письменной форме) и время выступлений следует довольно жестко ограничивать. Делегациям с близкими позициями рекомендуется заранее провести консультации и поручить одной из них озвучить позицию всей группы. Согласно новым правилам, делегациям рекомендуется не просто выступать с возражениями, а предлагать вариант формулировки для включения в текст.

Выводы

Исследование проясняет вопрос о системном влиянии расширений на скорость законодательного процесса в ЕС. В связи с недостаточной достоверностью расчетов можно с осторожностью утверждать, что расширение 1995 г. не оказало негативного (замедляющего) влияния на процесс принятия решений.

¹ Council Decision 2004/338 of 22 March 2004 adopting the Council's Rules of Procedure.

В момент расширения 2004 г. произошло значительное одномоментное ускорение законодательного процесса. Отсутствие заметного замедления связано с тем, что предпочтения новых государств-членов в целом находились внутри диапазона предпочтений старых и новая ось конфликта возникла лишь в ограниченном числе сфер деятельности ЕС. Если некоторое замедление законодательного процесса произошло в результате расширения, оно было компенсировано малозаметными институциональными изменениями. Новый регламент Совета ЕС существенно повысил эффективность работы института и оказал позитивное влияние на длительность законодательного процесса.

Степень разногласий новых и старых государств-членов ЕС была недостаточной для замедления законодательного процесса (усредненная оценка динамики принятия решений по всему кругу вопросов, входящих в компетенцию ЕС). Устойчивое расхождение предпочтений по отдельным направлениям политики могло оказать негативное влияние на динамику законодательного процесса только спустя долгое время. Вывод о том, что расширение 2004 г. в среднесрочной перспективе не повлекло торможения законодательного процесса имеет принципиальное значение для понимания особенностей функционирования Евросоюза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кавешников Н.Ю. (2021a) Анализ влияния Европейского парламента и Совета ЕС на примере реформы Системы торговли парниковыми газами. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 65. № 6. С. 21–32.

Кавешников Н.Ю. (2021b) Обычная законодательная процедура в ЕС как пример кооперативных практик. *Вестник МГИМО-Университета*. № 14(1). С. 126–147.

Кавешников Н.Ю., Доманов А.О. (2022) Скорость законодательного процесса в Европейском союзе. Количественный анализ. *Международные процессы*. Т. 20. № 1 (68). С. 80–108.

Потемкина О.Ю. (2019) После кризиса: «новый старт» миграционной политики ЕС. *Современная Европа*. № 6. С. 18–29.

Baldwin R.E., Widgren M. (2004) *Council voting in the Constitutional Treaty: Devil in the details*. CEPS Policy Brief 53. CEPS, Brussels, Belgium. 8 p.

Banzhaf J.F. (1965) Weighted Voting Doesn't Work: A Mathematical Analysis. *Rutgers Law Review*. Vol. 19. P. 317–343.

Best E., Settembri P. (2008) Surviving enlargement: How has the Council managed? *The Institutions of the Enlarged European Union. Continuity and Change*. Ed. by E. Best, T. Christiansen, P. Settembri. Edward Elgar, Cheltenham, UK. P. 34–53.

Bølstad J., Cross J.P. (2016) Not all Treaties are Created Equal: The Effects of Treaty Changes on Legislative Efficiency in the EU. *Journal of Common Market Studies*. Vol. 54. No. 4. P. 793–808.

Box-Steffensmeier J., Bradford J. (2004) *Event History Modeling in Political Science*. Cambridge University Press, Cambridge, UK. 218 p.

Brandsma G.J. (2015) Co-decision after Lisbon: The politics of informal trilogues in European Union lawmaking. *European Union Politics*. Vol. 16. No. 2. P. 300–319.

Buchanan J.M.G., Tullock G. (1965) *The Calculus of Consent. Logical Foundations of Constitutional Democracy*. University of Michigan Press, Ann Arbor, USA. 361 p.

- Cornes R., Sandler T. (1996) *The Theory of Externalities, Public Goods, and Club Goods*. Cambridge University Press, Cambridge, UK. 590 p.
- Cox D.R. (1972). Regression Models and Life Tables (with Discussion). *Journal of the Royal Statistical Society, Series B*. Vol. 34. P. 187–220.
- Enelow J., Hinich M. (1984) *The Spatial Theory of Voting: An Introduction*. Cambridge University Press, Cambridge, UK. 238 p.
- Fox J. (2015) *Applied regression analysis and generalized linear models*. SAGE Publications, Thousand Oaks, USA. 816 p.
- Geddes A. (2018) The Politics of European Union Migration Governance. *Journal of Common Market Studies*. Vol. 56. Issue 51. P. 120–130.
- Golub J. (2007) Survival Analysis and European Union Decision-making. *European Union Politics*. Vol. 8. No. 2. P. 155–179.
- Golub J., Steunenberg B. (2007) How Time Affects EU Decision-Making. *European Union Politics*. Vol. 8. No. 4. P. 555–566.
- Hertz R., Leuffen D. (2011) Too big to run? Analysing the impact of enlargement on the speed of EU decision-making. *European Union Politics*. Vol. 12. No. 2. P. 193–215.
- Hilbe J. (2011) *Negative Binomial Regression*. Cambridge University Press, Cambridge, UK. 546 p.
- Imbens G.W., Lemieux T. (2008) Regression Discontinuity Designs: A Guide to Practice. *Journal of Econometrics*. Vol. 142. No. 2. P. 615–635.
- Jevnaker T., Wettestad J. (2017) Ratcheting Up Carbon Trade: The Politics of Reforming EU Emissions Trading. *Global Environmental Politics*. Vol. 17. No 2. P. 105–124.
- Klüver H., Sagarzazu I. (2013) Ideological congruency and decision-making speed: The effect of partisanship across European Union institutions. *European Union Politics*. Vol. 14. No. 3. P. 388–407.
- König T. (2007) Divergence or convergence? From ever-growing to ever-slowng European legislative decision-making. *European Journal of Political Research*. Vol. 46. P. 417–444.
- Mattila M. (2009) Roll call analysis of voting in the European Union Council of ministers after the 2004 enlargement. *European Journal of Political Research*. Vol. 48. No. 6. P. 840–857.
- Morgan S.L., Winship C. (2007) *Counterfactuals and Causal Inference: Methods and Principles for Social Research*. Cambridge University Press, N.Y., USA. 328 p.
- Plechanovova, B. (2011) The EU council enlarged: north-south-east or core-periphery? *European Union Politics*. Vol. 12. No. 1. P. 87–106.
- Steunenberg, B. (2002) An even wider Union: The effects of enlargement on EU decision-making. *Widening the European Union: The Politics of Institutional Change and Reform*. Ed. by B. Steunenberg. Routledge, London, UK. P. 97–118.
- Thomson R. (2009) Actor alignments in the European Union before and after enlargement. *European Journal of Political Research*. Vol. 48. No. 6. P. 756–781.
- Thomson R., Arregui J., Leuffen D., Costello R., Cross J., Hertz R., Jensen T. (2012) A new dataset on decision-making in the European Union before and after the 2004 and 2007 enlargements (DEUII). *Journal of European Public Policy*. Vol. 19. No. 4. P. 604–622.
- Thomson R. (2009) Actor alignments in the European Union before and after enlargement. *European Journal of Political Research*. Vol. 48. No. 6. P. 756–781.
- Toshkov D. (2017) The impact of the Eastern enlargement on the decision-making capacity of the European Union. *Journal of European Public Policy*. Vol. 24. No. 2. P. 177–196.
- Toshkov D., Rasmussen A. (2012) Time to decide: The effect of early agreements on legislative duration in the EU. *European Integration Online Papers*. Vol. 16. No. 11. pp. 1–20.
- Tsebelis G. (2002) *Veto players: How political institutions work*. Sage, N.Y., USA. 317 p.

Veen T. (2011) The dimensionality and nature of conflict in European Union politics: On the characteristics of intergovernmental decision-making. *European Union Politics*. Vol. 12. No. 1. P. 65–86.

Wallace H., Pollack M., Young A. (ed) (2015) *Policy-Making in the European Union*. Oxford University Press, Oxford, UK. 575 p.

Youngs R. (2020) EU foreign policy and energy strategy: bounded contestation. *Journal of European Integration*. Vol. 42. No. 1. P. 147–162.

Zimmer C., Schneider G., Dobbins M. (2005) The contested Council: Conflict dimensions of an intergovernmental EU institution. *Political Studies*. Vol. 53. P. 403–422.

Zorn Ch. (2007). Temporal Change and the Process of European Union Decision-Making. *European Union Politics*. Vol. 8. No. 4. P. 567–576.

The Impact of the EU Enlargement on the Speed of Decision-Making

Acknowledgments: the research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation in the framework of scientific project No 23-28-00096, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00096>

N.Yu. Kaveshnikov*

Candidate of Sciences (Politics)

Head of Department of Integration Studies, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs (MGIMO University)

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454;

Leading Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009

***E-mail:** nikandr@mail.ru

A.O. Domanov**

Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009

****E-mail:** domanov.aleksey@gmail.com

Abstract. This paper presents a quantitative empirical study of the impact of the EU enlargements in 1995 and 2004 on the speed of the decision-making process (legislative process). The research is based on two methods: interrupted time series analysis and survival analysis (Cox model). The use of these methods increases the validity of the present study. The empirical data consists of the EU secondary law directives and regulations. The methodology and research design allow to distinguish between the impact of enlargement and the impact of changes of the institutional parameters of the decision-making process. The findings demonstrate that the legislative process significantly accelerated at the time of the 2004 enlargement. Most likely this was because 1) the preferences of the new member states were generally within the range of preferences of the old members and a new axis of conflict (Western versus Eastern member states) emerged only in a limited number of EU areas of activity; 2) the Council adopted new Rules of Procedure immediately before the entry of new members, which significantly increased the effectiveness of the Council. As for the 1995 enlargement, due to the low reliability of estimations, it can only be cautiously concluded that it did not have a visible slowing effect on the decision-making process. The conclusion that the 2004 en-

largement did not entail a slowdown of the EU legislative process is of fundamental importance for understanding the specifics of the functioning of the EU.

Key words: European Union, EU enlargement, decision-making, legislative process, decision making duration, survival analysis, Cox model, interrupted time series analysis

DOI: 10.31857/S0201708323030014

EDN: bqbjug

REFERENCES

- Baldwin R.E., Widgren M. (2004) *Council voting in the Constitutional Treaty: Devil in the details*, CEPS Policy Brief 53, CEPS, Brussels, Belgium.
- Banzhaf J.F. (1965) Weighted Voting Doesn't Work: A Mathematical Analysis, *Rutgers Law Review*, 19, pp. 317–343.
- Best E., Settembri P. (2008) Surviving enlargement: How has the Council managed?, in Best E., Christiansen T., Settembri P. (ed.) *The Institutions of the Enlarged European Union. Continuity and Change*, Edward Elgar, Cheltenham, UK, pp. 34–53.
- Bølstad J., Cross J.P. (2016) Not all Treaties are Created Equal: The Effects of Treaty Changes on Legislative Efficiency in the EU, *Journal of Common Market Studies*, 54(4), pp. 793–808.
- Box-Steffensmeier J., Bradford J. (2004) *Event History Modeling in Political Science*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Brandsma G.J. (2015) Co-decision after Lisbon: The politics of informal trilogues in European Union lawmaking, *European Union Politics*, 16(2), pp. 300–319.
- Buchanan J.M.G., Tullock G. (1965) *The Calculus of Consent. Logical Foundations of Constitutional Democracy*, University of Michigan Press, Ann Arbor, USA.
- Cornes R., Sandler T. (1996) *The Theory of Externalities, Public Goods, and Club Goods*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Cox D.R. (1972). Regression Models and Life Tables (with Discussion), *Journal of the Royal Statistical Society, Series B*, 34, pp. 187–220.
- Enelow J., Hinich M. (1984) *The Spatial Theory of Voting: An Introduction*, Cambridge University Press. Cambridge, UK.
- Fox J. (2015) *Applied regression analysis and generalized linear models*. SAGE Publications. Thousand Oaks, USA.
- Geddes A. (2018) The Politics of European Union Migration Governance, *Journal of Common Market Studies*, 56(51), pp.120–130.
- Golub J. (2007) Survival Analysis and European Union Decision-making, *European Union Politics*, 8(2), pp. 155–179.
- Golub J., Steunenberg B. (2007) How Time Affects EU Decision-Making, *European Union Politics*, 8(4), pp. 555–566.
- Hertz R., Leuffen D. (2011) Too big to run? Analysing the impact of enlargement on the speed of EU decision-making, *European Union Politics*, 12(2), pp. 193–215.
- Hilbe J. (2011) *Negative Binomial Regression*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Imbens G.W., Lemieux T. (2008) Regression Discontinuity Designs: A Guide to Practice, *Journal of Econometrics*, 142(2), pp. 615–635.
- Jevnaker T., Wettstad J. (2017) Ratcheting Up Carbon Trade: The Politics of Reforming EU Emissions Trading, *Global Environmental Politics*, 17(2), pp. 105–124.
- Kaveshnikov N. (2021a) Analiz vliyaniya Evropejskogo parlamenta i Soveta ES na primere reformy Sistemy trgovli parnikovymi gazami [Analysis of the Influence of the European Parlia-

ment and the Council of the EU Exemplified by the EU Emissions Trading System Reform], *World Economy and International Relations*, 65(6), pp. 21–32. (In Russian).

Kaveshnikov N. (2021b) Obychnaya zakonodatel'naya procedura v ES kak primer kooperativnyh praktik. [The Ordinary Legislative Procedure in the EU as an Example of Cooperative Practices], *MGIMO Review of International Relations*, 14(1), p. 126–147. (In Russian).

Kaveshnikov N., Domanov A. (2022) Skorost' zakonodatel'nogo processa v Evropejskom so-yuze. Kolichestvennyj analiz. [Factors Behind Legislative Duration in the European Union. Quantitative Analysis], *International Trends*, 20, 1(68), pp. 80–108. (In Russian).

Klüver H., Sagarazu I. (2013) Ideological congruency and decision-making speed: The effect of partisanship across European Union institutions, *European Union Politics*, 14(3), pp. 388–407.

König T. (2007) Divergence or convergence? From ever-growing to ever-slowing European legislative decision-making, *European Journal of Political Research*, 46, pp. 417–444.

Mattila M. (2009) Roll call analysis of voting in the European Union Council of ministers after the 2004 enlargement, *European Journal of Political Research*, 48(6), pp. 840–857.

Morgan S.L., Winship C. (2007) *Counterfactuals and Causal Inference: Methods and Principles for Social Research*, Cambridge University Press, N.Y., USA.

Plechanovova B. (2011) The EU council enlarged: north-south-east or core-periphery? *European Union Politics*, 12(1), pp. 87–106.

Potemkina O. (2019) Posle krizisa: “novyj start” migracionnoj politiki ES [After the Crisis: “A New Start” of the EU Migration Policy], *Sovremennaya Evropa*, 6, pp. 19–29. (In Russian).

Steunenberg, B. (2002) An even wider Union: The effects of enlargement on EU decision-making, in B. Steunenberg (ed.) *Widening the European Union: The Politics of Institutional Change and Reform*, Routledge, London UK, pp. 97–118.

Thomson R. (2009) Actor alignments in the European Union before and after enlargement, *European Journal of Political Research*, 48(6), pp. 756–781.

Thomson R., Arregui J., Leuffen D., Costello R., Cross J., Hertz R., Jensen T. (2012) A new dataset on decision-making in the European Union before and after the 2004 and 2007 enlargements (DEUII), *Journal of European Public Policy*, 19(4), pp. 604–622.

Thomson R. (2009) Actor alignments in the European Union before and after enlargement, *European Journal of Political Research*, 48(6), pp. 756–781.

Toshkov D. (2017) The impact of the Eastern enlargement on the decision-making capacity of the European Union, *Journal of European Public Policy*, 24(2), pp. 177–196.

Toshkov D., Rasmussen A. (2012) Time to decide: The effect of early agreements on legislative duration in the EU, *European Integration Online Papers*, 16(11), pp. 1–20.

Tsebelis G. (2002) *Veto players: How political institutions work*, Sage, N.Y., USA.

Veen T. (2011) The dimensionality and nature of conflict in European Union politics: On the characteristics of intergovernmental decision-making, *European Union Politics*, 12(1), pp. 65–86.

Wallace H., Pollack M., Young A. (ed) (2015) *Policy-Making in the European Union*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Youngs R. (2020) EU foreign policy and energy strategy: bounded contestation, *Journal of European Integration*, 42(1), pp. 147–162.

Zimmer C., Schneider G., Dobbins M. (2005) The contested Council: Conflict dimensions of an intergovernmental EU institution, *Political Studies*, 53, pp. 403–422.

Zorn Ch. (2007) Temporal Change and the Process of European Union Decision-Making, *European Union Politics*, 8(4), pp. 567–576.

УДК 341.16

ОГРАНИЧЕНИЯ НА ВЪЕЗД РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН В СТРАНЫ ЕС: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

© 2023 г. **ВОЙНИКОВ Вадим Валентинович***

Доктор юридических наук, профессор

*Кафедра европейского права Московского государственного института
международных отношений МИД России, 119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 76;
профессор Балтийского Федерального университета им. И. Канта
236041, Россия, г. Калининград, ул. А. Невского, 14*

***E-mail:** *voinicov@yandex.ru*

Поступила в редакцию 17.01.2023

После доработки 26.02.2023

Принята к публикации 12.04.2023

Аннотация. В 2022 г. произошло существенное ухудшение отношений России и ЕС. Евросоюз впервые предпринял меры, направленные на ограничение въезда граждан РФ, таким образом распространив санкции на рядовых граждан. Эти действия можно квалифицировать как направленные на создание неблагоприятных последствий для России. Принятые на национальном и союзном уровнях меры по ограничению въезда обусловлены исключительно гражданством иностранца. Для государств-членов Евросоюза – это новый феномен в политической и правовой практике. Цель статьи – комплексный анализ мер по ограничению въезда российских граждан на территорию ЕС. Выявлены их ключевые характеристики, возможные последствия и соответствие данных мер базовым принципам современного демократического общества. Сделан вывод, что меры по ограничению въезда российских граждан, за исключением приостановки Соглашения об упрощении выдачи виз, не соответствуют праву Евросоюза и нормам международного права. Наиболее спорными являются национальные меры по запрету въезда на территорию стран ЕС, граничащих с РФ. Они являются контрпродуктивными, поскольку наносят ущерб рядовым граж-

дана и не приносят политической или экономической выгоды странам, которые их вводят.

Ключевые слова: санкции, ограничительные меры, визовые ограничения, ограничения на въезд, Россия, Европейский союз.

DOI: 10.31857/S0201708323030026

EDN: bqijvs

После начала специальной военной операции РФ на территории Украины (СВО) государства-члены ЕС существенно усилили санкционное давление на Россию, последовательно вводя масштабные ограничительные меры. Введение ограничительных мер (санкций) регулируется статьей 29 договора о Европейском союзе (далее – ДЕС) и статьей 215 договора о функционировании ЕС (далее – ДФЕС). Однако помимо санкций Евросоюз, отдельные государства-члены, а также некоторые частные и публичные субъекты стали предпринимать в отношении России, российских юридических и физических лиц недружественные действия. Цели последних – демонстрация несогласия и создание неблагоприятных последствий для России и тех, кто находится под ее юрисдикцией. Среди этих мер можно выделить приостановку работы частных и публичных компаний на территории России, сокращение дипломатического персонала, понижение уровня дипломатических отношений, приостановку сотрудничества и т.д. Они в широком смысле являются частью санкционной политики ЕС, однако с правовой точки зрения выступают самостоятельным видом деятельности и отличаются от ограничительных мер, предусмотренных статьями 29 ДЕС и 215 ДФЕС.

Особое место среди недружественных действий занимают ограничения на въезд российских граждан в страны Евросоюза. Это новое явление в практике ЕС, поскольку до последнего времени любые контрмеры, предпринимаемые Брюсселем или отдельными государствами-членами, в основном имели целевой характер [Тимофеев, 2021: 21]. Наибольший эффект от санкций был направлен на государство и ответственных должностных лиц и минимально затрагивал население страны [Жбанков и др., 2015: 245].

Ограничение на въезд представляет меру, направленную исключительно против населения России. Впервые в истории Евросоюз и его государства-члены вводят ограничения на въезд, обусловленные гражданством лица.

Общий анализ мер по ограничению въезда российских граждан в страны ЕС

После признания Донецкой народной республики и Луганской народной республики и начала СВО Брюссель сконцентрировался на введении дополнительных экономических и индивидуальных санкций против России, которые предусматривали ограничения на въезд только некоторых граждан (политиков, бизнесменов, журналистов и т.д.). Положения права ЕС об ограничительных мерах не преду-

смаатривают возможности введения ограничений, непосредственно касающихся всего населения.

Вопрос об ограничении выдачи виз был поднят в конце февраля 2022 г.¹, но обсуждение началось только в августе. Чиновники Европейской комиссии² и лидеры ведущих государств-членов ЕС³ скептически отнеслись к идее запрета на выдачу шенгенских виз и ограничения въезда на свою территорию. Противоречивая реакция была у экспертного сообщества. Ряд экспертов считали такие меры незаконными⁴, другие отмечали возможность их реализации⁵. Вопрос был вынесен на неформальное заседание Совета ЕС по иностранным делам 31 августа 2022 г.⁶ Мнения государства-членов разделились: часть стран поддерживала жесткий курс, предусматривающий полный запрет на въезд россиян и выдачу виз, включая аннулирование уже выданных, другая считала такие меры неуместными⁷.

В ходе заседания Совета принято компромиссное решение. Оно предусматривает временную приостановку Соглашения об упрощении выдачи виз гражданам РФ и ЕС и выработку общих рекомендаций в отношении въезда россиян на территорию Шенгенского пространства. Члены Совета пришли к согласию, что государства вправе принимать национальные меры, не противоречащие общей политике Евросоюза.

К концу сентября – началу октября 2022 г. сформировалась основная система ограничений на поездки российских граждан в страны ЕС, которая включала четыре группы союзных и национальных мер. К ним относятся приостановка выдачи шенгенских и национальных виз; приостановка действия Соглашения об упрощении выдачи виз; рекомендации Комиссии по ужесточению процедуры выдачи виз и въезда граждан РФ и национальные меры по ограничению въезда.

¹ «Буду делать это с сожалением». Президент Польши – о туристической блокаде для россиян. 23.02.2022. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2022/02/23/14569759> (дата обращения: 08.02.2023).

² Боррель заявил, что полный запрет на выдачу виз россиянам не получит поддержки в ЕС. 29.08.2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2022/08/29/937995-borrel-zapret-vidachu-viz> (дата обращения: 05.04.2023).

³ Шольц заявил, что «с трудом представляет себе» запрет на выдачу виз для россиян. 11.08.2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2022/08/11/935560-sholts-zayavil-chto-trudom-predstavlyayet-sebe-zapret-na-vidachu-viz-dlya-rossiyan> (дата обращения: 05.04.2023).

⁴ Ganty S. Why Banning Russians from Schengen Is Unlawful. VerfBlog. 12.08.2022. DOI: 10.17176/20220812-182033-0; Chamon M. Why Banning Russian Tourists from Schengen Might not Be Unlawful. VerfBlog. 17.08.2022. DOI: 10.17176/20220817-181621-0

⁵ Nicoli F. Why Restricting Tourist Visas to Russians is Legitimate: Sanctions, EU law and conditional gradualism of travel rights. VerfBlog. 16.08.2022. DOI: 10.17176/20220817-061627-0

⁶ HR/VP Press Conference | Informal Meeting of FAM, Prague, Czech Republic. 02.09.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/hrvp-press-conference-informal-meeting-fam-prague-czech-republic_en (дата обращения: 18.02.2023).

⁷ Запрет на выдачу шенгенских виз россиянам. Что важно знать. 23.08.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/08/2022/62ff6cf49a794724e1181f05> (дата обращения: 14.04.2023).

Приостановка выдачи виз со стороны некоторых стран ЕС

На конец февраля 2022 г. многие страны ЕС сохраняли ограничения для иностранцев в связи с пандемией *COVID-19*. Однако по мере их снятия целый ряд стран не возобновил выдачу виз для граждан России.

В соответствии со статьей 77 ДФЕС Союз осуществляет общую визовую политику, которая распространяется на все государства-члены, в полной мере применяющие Шенгенские соглашения. Соответственно, союзные акты имеют прямое действие на территории государств-членов.

Визовое законодательство ЕС состоит из системы актов вторичного права. Среди них ключевое место занимает Визовый кодекс¹, который содержит унифицированные правила выдачи шенгенских виз. Он не предусматривает возможности введения коллективного запрета на выдачу виз гражданам определенного государства ни на союзном, ни на национальном уровне. В соответствии с Визовым кодексом (статья 25а) по предложению Комиссии Совет может принять решение об ужесточении визового режима в отношении граждан государств, отказывающихся сотрудничать в рамках соглашений о реадмиссии, но не прекратить выдачу виз.

Анализ визового законодательства ЕС позволяет сделать вывод, что Евросоюз использует дифференцированный подход к гражданам третьих стран. На основе наличия или отсутствия визовых требований можно разделить граждан третьих стран на тех, кто обязан иметь визу для въезда в Шенгенское пространство, и тех, кто освобожден от этой обязанности. В зависимости от характера сотрудничества третьих стран в области борьбы с нелегальной иммиграцией существуют стандартный, упрощенный и усиленный визовые режимы. Такая дифференциация полностью соответствует международной практике и положениям первичного права ЕС (статья 77 ДФЕС).

В соответствии с правом Евросоюза государства-члены самостоятельно принимают решения о выдаче виз гражданам третьих стран, а также организуют необходимую для этого деятельность. Однако процедура и условия должны соответствовать союзному законодательству. Согласно статье 1 (4) Визового кодекса, государства-члены должны следовать принципу индивидуальной оценки, что исключает возможность тотального запрета в отношении определенной группы иностранцев. Любое решение об отказе в выдаче визы должно быть обосновано (статья 32), а национальное право – предусматривать возможность обжалования решения.

Необходимо отметить, что государства, приостановившие выдачу виз россиянам, не отказывают в ней, а не принимают визовые ходатайства. Иными словами, указанное решение относится к организационным аспектам деятельности, которые не в полной мере подпадают в сферу применения Визового кодекса. Например, правительство Нидерландов объясняет приостановку выдачи виз сокращением численности сотрудников консульских миссий в России, а получить шенген-

¹ Regulation (EC) No 810/2009 of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 establishing a Community Code on Visas (Visa Code). OJ L 243. 15.09.2009. P. 1–58.

скую визу в другом государстве гражданин РФ может только при наличии определенных условий. Однако в большинстве случаев это обусловлено причинами политического характера. В этом случае решение нарушает принцип недискриминации и запрета коллективной ответственности, которые должны соблюдать государства-члены ЕС.

Визовые ограничения, обусловленные гражданством лица, могут быть квалифицированы как мера ответственности, накладываемая на всех лиц без учета роли и вины гражданина, а коллективная ответственность запрещена международным правом. Кроме того, они выступают в качестве разновидности дискриминации по признаку гражданства¹, что также запрещено как международным правом (статья 14 Европейской конвенции по правам человека)², так и правом Союза (статья 21 Хартии ЕС об основных правах)³.

Различие в обращении с собственными гражданами и иностранцам – обоснованное явление в современном мире. Нередко государства устанавливают различные правила в отношении иностранцев на основе их гражданской принадлежности (например, граждане одних стран вправе въезжать без виз, а граждане других обязаны иметь визу). Однако различие в обращении по признаку гражданства – очень чувствительный критерий, требующий серьезного обоснования [Brouwer, de Vries, 2015: 126]. На это обратил внимание Европейский суд по правам человека в постановлении по делу «Дахби против Италии» (*Dhahbi v. Italy*)⁴.

Приостановка действия Соглашения об упрощении выдачи виз гражданам РФ и ЕС

Вторая мера в рамках ограничений на поездки российских граждан в страны ЕС касается приостановки действия соглашения об упрощении визовых процедур.

25 мая 2006 г. РФ и Европейское сообщество подписали Соглашение об упрощении выдачи виз гражданам РФ и ЕС⁵, а также Соглашение о реадмиссии⁶. 1 июля 2007 г. они вступили в силу. Соглашения были заключены во исполнение дорож-

¹ Grundler M. Russian Nationals at the EU's External Borders: Upholding Human Rights. URL: <https://eumigrationlawblog.eu/russian-nationals-at-the-eus-external-borders-upholding-human-rights/> (дата обращения: 22.02.2023).

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод. URL: https://www.echr.coe.int/documents/convention_rus.pdf (дата обращения: 22.02.2023).

³ Charter of Fundamental Rights of the European Union. OJ C 326, 26.10.2012, p. 391–407.

⁴ Case of *Dhahbi v. Italy* (Application no. 17120/09). Judgement of 8 April 2014. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 20.02.2023).

⁵ Соглашение между РФ и Европейским сообществом об упрощении выдачи виз гражданам РФ и ЕС. URL: https://russiaeu.ru/userfiles/file/agreement_on_the_facilitation_of_the_issuance_of_visas_2006_russian.pdf (дата обращения: 08.02.2023).

⁶ Соглашение между РФ и Европейским сообществом о реадмиссии. URL: https://russiaeu.ru/userfiles/file/agreement_on_readmission_2006_russian.pdf (дата обращения: 08.02.2023).

ной карты по общему пространству свободы, безопасности и правосудия и рассматривались как важный шаг к установлению безвизовых отношений [Корнеев, 2012: 613].

Соглашение об упрощении визовых процедур предусматривало упрощения в получении виз для определенных категорий граждан, главным образом тех, кто совершает поездки в служебных целях. Для подавляющего числа граждан РФ и ЕС оно предполагало только уменьшенный визовый сбор [Хернандес-и-Саграна, 2011: 118]. Согласно данным визовой статистики ЕС, более 80 процентов шенгенских виз, выданных гражданам РФ, являлись многократными и долгосрочными¹. Однако это не являлось результатом Соглашения, поскольку оно предусматривало такую возможность только для некоторых категорий граждан. Выдача многократных виз – следствие политики консульских учреждений стран Евросоюза в отношении российских граждан и последующего изменения Визового кодекса, который существенно расширил возможности получения многократных и долгосрочных виз.

В конце февраля 2022 г. в рамках второго пакета санкций [Громыко, Гусев, 2022: 16] Соглашение об упрощении визовых процедур было приостановлено в отношении некоторых категорий граждан (дипломаты, представители органов государственной власти и т.д.)². В сентябре 2022 г. Совет принял решение о его полной приостановке³.

Формально ЕС действовал в рамках условий Соглашения. Согласно статье 15 (5), каждая из сторон вправе полностью или частично приостановить действие документа по соображениям национальной безопасности, охраны общественного порядка или здоровья населения. Однако договор был заключен в одном пакете с соглашением о реадмиссии, и между двумя документами установлена взаимозависимость [Trauner, Kruse, 2008: 415; Hernández i Sagrera, 2010]. Согласно статье 15 (2) об упрощении выдачи виз гражданам РФ и ЕС и статье 23 (2) Соглашения о реадмиссии, они должны вступить в силу в один день. При этом второе не предусматривает возможности приостановки. Соответственно, приостановка Соглашения об упрощении визовых процедур не влечет за собой приостановку Соглашения о реадмиссии.

Приостановка Соглашения об упрощении визовых процедур имеет односторонний характер. В соответствии со статьей 1 решения Совета № 2022/1500 от 9 сентября 2022 г. действие Соглашения приостанавливается только в отношении граждан РФ. Соответственно, для граждан ЕС оно продолжает действовать. Россия при-

¹ Visa policy. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/schengen-borders-and-visa/visa-policy_en#paragraph_1903 (дата обращения: 22.02.2023).

² Council Decision (EU) 2022/333 of 25 February 2022 on the partial suspension of the application of the Agreement between the European Community and the Russian Federation on the facilitation of the issuance of visas to the citizens of the European Union and the Russian Federation. OJ L 54. 25.02.2022. P. 1–3.

³ Council Decision (EU) 2022/1500 of 9 September 2022 on the suspension in whole of the application of the Agreement between the European Community and the Russian Federation on the facilitation of the issuance of visas to the citizens of the European Union and the Russian Federation. OJ L 234I. 09.09.2022. P. 1–3.

остановила Соглашение только в отношении членов официальных делегаций и журналистов¹. Это означает, что РФ не стала предпринимать зеркальные меры, что представляется обоснованным, поскольку они имеют контрпродуктивный характер.

Таким образом, с правовой точки зрения решение Совета ЕС о приостановке действия Соглашения об упрощении визовых процедур является законным, поскольку эта возможность предусмотрена сторонами при заключении договора. Вместе с тем приостановка облегченного визового режима для большинства граждан России означает только увеличение размера визового сбора. Кроме того, сомнительно, что это способно изменить ситуацию в лучшую сторону и приблизить установление мира. Приостановка действия Соглашения демонстрирует отсутствие доверия между сторонами и воздействует на рядовых граждан России, поэтому является контрпродуктивной.

Рекомендации Комиссии по ограничению въезда и выдачи виз гражданам России

По результатам неформального заседания Совета ЕС по иностранным делам в Праге 31 августа 2022 г. был принят ряд политических решений, касающихся визовой политики и въезда граждан РФ на территорию Евросоюза. Совет ЕС также предложил Комиссии проработать общий подход к вопросу об уже выданных россиянам визах. В рамках указанного поручения 9 сентября 2022 г. она подготовила руководство по выдаче виз гражданам РФ, а 30 сентября 2022 г. опубликовала обновленное руководство, объединяющее рекомендации как по выдаче шенгенских виз, так и контролю на внешних границах². По мнению Комиссии, въезд граждан России может представлять угрозу общественному порядку, внутренней безопасности и международным отношениям (п. 7). По этой причине ЕК посчитала необходимым ужесточить визовый режим в отношении российских граждан и усилить паспортный контроль при их въезде на территорию ЕС.

В соответствии со статьей 51 Визового кодекса Комиссия посредством делегированных актов вправе принимать инструкции по практическому применению положений указанного кодекса. В 2020 г. были подготовлены два справочника по применению визового кодекса (*Visa Code Handbook I* и *Visa Code Handbook II*). У принятого Комиссией 30 сентября 2022 г. Руководства в отношении граждан России другая правовая и политическая природа. Основная идея документа состоит не в разъяснении порядка применения Визового кодекса, а в предоставлении госу-

¹ См. Федеральный закон от 01.05.2022 № 119-ФЗ.

² Communication from the Commission. Brussels, 30.9.2022. C(2022) 7111 final. 1. Updating guidelines on general visa issuance in relation to Russian applicants following Council Decision (EU) 2022/1500 of 9 September 2022 on the suspension in whole of the application of the Agreement between the European Community and the Russian Federation on the facilitation of the issuance of visas to the citizens of the European Union and the Russian Federation; and 2. Providing guidelines on controls of Russian citizens at the external borders. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/commission-communication-guidelines-visa-external-borders_en (дата обращения: 22.02.2023).

дарствам-членам инструкций о том, каким образом в рамках Визового кодекса и Шенгенского кодекса о границах¹ можно ужесточить процедуру выдачи виз и ограничить въезд россиян на территорию ЕС. В частности, Комиссия рекомендует консульским учреждениям воспользоваться предусмотренными в Визовом кодексе возможностями для увеличения срока рассмотрения визового ходатайства, предоставления дополнительных документов, проведения предварительных консультаций и т. д.

В отличие от Справочников 2020 г., Руководство принято не в форме решения, а в форме Сообщения Комиссии, которое в силу статьи 288 ДФЕС не отнесено к правовым актам Союза, поэтому не обладает юридической силой. Другими словами, документ можно отнести к актам мягкого права [Берлингуэр, 2012]. При этом положения Руководства противоречат требованиям Визового кодекса, принятого в форме регламента и обязательного в полном объеме для всех государств-членов.

В соответствии с пунктом 24 (ii) Руководства Комиссия предписала государствам-членам воздерживаться от выдачи многократных въездных виз с длительным сроком действия, поскольку неясно, будут ли российские граждане по-прежнему соответствовать условиям въезда, особенно если заявленной целью поездки является туризм.

При этом статья 24 (2) Визового кодекса содержит четкие положения, касающиеся выдачи многократных виз (т. н. каскад правил выдачи многократных виз) [Войников, 2018: 85]. Например, она выдается на один год, если иностранец получил и использовал в течение двух предыдущих лет три однократные визы. Далее выдается многократная виза на два года, а если иностранец получал и использовал двухлетнюю визу, ему выдается многократная виза на пять лет. Визовый кодекс устанавливает некоторые исключения. В частности, согласно пункту 2а статьи 24, срок действия может быть сокращен в отдельных (индивидуальных) случаях, когда есть обоснованные сомнения, что условия въезда будут соблюдены в течение всего периода. Вместе с тем указанная норма не может быть достаточным основанием запрета на выдачу многократных виз всем гражданам России, поскольку она предполагает индивидуальный подход к каждому ходатайству и конкретной ситуации.

В итоге Руководство ЕК предписывает государствам-членам не исполнять правовые нормы Визового кодекса в отношении граждан России. Иными словами, Комиссия посредством принятия акта «мягкого права», не обладающего юридической силой, отменяет действие обязательной правовой нормы в законодательном акте.

В последние годы акты «мягкого права» все чаще выполняют функции «жесткого права». Этот феномен иногда называют «затвердеванием» норм «мягкого права» [Лифшиц, 2020: 68], однако до сих пор нормы «мягкого права» действовали там, где отсутствовали нормы «жесткого права». Рассматриваемая ситуация представляет новое правовое явление, когда норма «мягкого права» не просто дополня-

¹ Regulation (EU) 2016/399 of the European Parliament and of the Council of 9 March 2016 on a Union Code on the rules governing the movement of persons across borders (Schengen Borders Code). OJ L 77. 23.03.2016. P. 1–52.

ет обязательную, а фактически отменяет ее. Такой подход свидетельствует о нарушении принципа верховенства права.

Положения Руководства относительно применения в отношении граждан России наиболее сложных визовых процедур и более тщательного (предвзятого) паспортного контроля противоречат нормам Визового кодекса и Шенгенского кодекса о границах. Оба кодекса исходят из принципа индивидуальной оценки (статья 1 Визового кодекса и статья 4 Шенгенского кодекса о границах). Разработчики Руководства нарушили его и объявили всех граждан России носителями потенциальной угрозы общественному порядку, безопасности и международным отношениям.

Таким образом, Руководство выступает примером отхода Комиссии от принципа верховенства права, поскольку содержит положения, противоречащие законодательным актам ЕС.

Ограничение на въезд граждан России

Еще одно политическое решение, принятое по результатам неформального заседания Совета ЕС 31 августа 2022 г., заключается в том, что приграничные с Россией государства-члены вправе принимать меры по ограничению въезда россиян. При этом меры должны в полной мере соответствовать требованиям Шенгенского кодекса о границах. Тем самым Совет ЕС неформально санкционировал предварительно разработанные национальные меры по ограничению въезда россиян. Стоит отметить, что ограничения на въезд, установленные по национальному признаку, принимаются государствами-членами ЕС впервые. На октябрь 2022 г. все страны ЕС, имеющие сухопутные границы с РФ (Польша, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия), ввели запрет на въезд для большинства граждан РФ.

Запрет на въезд, обусловленный исключительно гражданством иностранца, представляет наиболее жесткую и противозаконную меру среди всех ограничений на въезд российских граждан. Он не только вступает в явное противоречие с требованиями Шенгенских правил, но и нарушает фундаментальные принципы современного общества¹.

Во-первых, страны Евросоюза, установившие ограничения на въезд российских граждан, в полной мере применяют Шенгенские правила, которые относятся к сфере совместной компетенции ЕС и государств-членов. Правовые акты интеграционного объединения не предусматривают введение коллективных запретов в отношении граждан третьих стран.

В соответствии со статьей 6 Шенгенского кодекса о границах установлены условия для въезда на территорию Шенгенского пространства иностранных граждан. Если иностранец соответствует им всем, то у пограничной службы нет оснований запретить ему въезд. Норма имеет прямое действие, и власти стран ЕС обязаны

¹ Jolkina A. The Visa Ban, Nikolai and his Russian Sister: Why Schengen Visa Restrictions for Russian Citizens Risk Tearing Families Apart. VerfBlog. 29.09.2022. DOI: 10.17176/20220929-230609-0

ее соблюдать. Более того, в силу статьи 4 все решения по применению Кодекса должны приниматься на индивидуальной основе. По мнению инициаторов ограничений, все граждане России могут представлять угрозу общественному порядку, внутренней безопасности или международным отношениям, что в силу статьи 6(1)(е) Кодекса является основанием для отказа во въезде.

Указанная норма была разъяснена Судом ЕС в деле C-380/18¹. Суд отметил, что понятие «угроза общественному порядку» имеет различное применение по отношению к гражданам ЕС и иностранцам (пункты 29 и 32). В отношении иностранцев в смысле статьи 6(1)(е) Шенгенского кодекса о границах понятие «угроза общественному порядку» может пониматься шире. Данная норма не требует, чтобы личное поведение заинтересованного лица представляло реальную угрозу (пункт 34), а может охватывать потенциальные угрозы (пункт 32). По мнению суда, в данном случае достаточно потенциальной, а не реальной угрозы общественному порядку, а государства-члены обладают широкой дискрецией в этом вопросе². Однако это не свидетельствует о том, что все граждане России могут быть объявлены источником потенциальной угрозы, и не отменяет принцип индивидуальной оценки. Тем более в резолютивной части Суд отметил, что статья 6(1)(е) Шенгенского кодекса о границах может применяться только при наличии объективных и достаточных доказательств наличия угрозы, что возможно только при индивидуальной оценке.

Во-вторых, запрет на въезд в отношении всех граждан РФ противоречит таким принципам, как недискриминация и запрет коллективной ответственности. Независимо от оценки действий российского руководства, факт участия РФ в вооруженном конфликте не является достаточным основанием для введения дискриминации в отношении всех россиян и квалификации их в качестве носителей потенциальной угрозы безопасности. Большинство стран ЕС в новейшей истории неоднократно участвовало в вооруженных конфликтах на территории третьих государств.

Любое государство обладает суверенным правом решать допускать или не допускать на свою территорию иностранных граждан. Однако если страна является участником интеграционного объединения и международных конвенций, а также позиционирует себя как демократическое государство, то она обязана принимать решения в полном соответствии с союзным законодательством и общепризнанными демократическими принципами. Посредством введения коллективного запрета государства-члены нарушили этот подход.

¹ C- 380/18. Judgment of the Court of 12 December 2019 (Reference for a preliminary ruling — Border controls, asylum and immigration — Regulation (EU) 2016/399. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=ecli:ECLI:EU:C:2019:1071> (дата обращения: 19.02.2023).

² Thym D. Border Closure and Visa Ban for Russians: Geopolitics Meets EU Migration Law. URL: <https://eumigrationlawblog.eu/border-closure-and-visa-ban-for-russians-geopolitics-meets-eu-migration-law/> (дата обращения: 21.02.2023).

Выводы

В широком смысле ограничения на въезд российских граждан выступают частью санкционной политики ЕС по отношению к России. Однако с формальной точки зрения указанные меры имеют самостоятельный характер и не являются частью ограничительных мер, предусмотренных правом Союза.

Законодательство ЕС не предусматривает возможности введения коллективных ограничений на поездки иностранцев в страны Евросоюза, обусловленных исключительно гражданством. Этот подход противоречит духу Шенгенских правил. Учитывая это обстоятельство, меры приняты при отсутствии соответствующих правовых оснований, что вызвало противоречивую реакцию со стороны экспертов и политиков.

Из всех мер по ограничению трансграничных перемещений российских граждан только приостановка действия Соглашения об упрощении выдачи виз в полной мере соответствуют праву ЕС и международно-правовым обязательствам. Оценку приостановки выдачи виз следует осуществлять с точки зрения мотивов принятия такого решения. Если решение обусловлено техническими или кадровыми причинами, то меры можно квалифицировать как обоснованные, а если причинами политического характера, то они противоречат общепризнанным нормам и принципам международного права.

Анализ остальных мер, включающих коллективный запрет на въезд и принятие Комиссией Руководства по ужесточению визовых процедур и паспортного контроля, позволяет сделать вывод, что меры не соответствуют как праву ЕС, так и нормам международного права.

С политической точки зрения ограничения на трансграничные поездки ориентированы в первую очередь на рядовых граждан и не способны достичь заявленной цели изменить политику России. Более того, ограничение контактов будет способствовать большей эскалации конфликта между Россией и ЕС, а также выступает серьезным препятствием для последующей нормализации отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Берлингуэр А. (2012) «Мягкое право» против «жесткого права» в Европейском союзе. *Современное право*. № 12. С. 119–124.

Войников В.В. (2018) Правовые аспекты визовой политики ЕС. *Современная Европа*. № 4. С. 79–89.

Громыко Ал.А. (рук.), Гусев К.Н. (отв. ред.) (2022) Этап специальной военной операции на Украине. Анатомия антироссийской политики в Европе. Институт Европы РАН, Москва, 194 с.

Жбанков В.А., Трубачева К.И., Слепак В.Ю. (2015) Правовой режим ограничительных мер в европейском праве. *Актуальные проблемы российского права*. № 10(59). С. 240–255.

Лифшиц И.М. (ред) (2020) Международное финансовое право и право Европейского союза: взаимодействие и взаимовлияние. Юстицинформ, Москва. 548 с.

Тимофеев И. (2021) Политика санкций Европейского Союза. Опыт событийного анализа. *Современная Европа*. № 2. С. 17–27.

Хернандес-и-Сагера Р. (2011) Установление сотрудничества между Европейским союзом и Россией по вопросу миграции: от «общих пространств» к фактической реализации. *Балтийский регион*. № 3(9). С. 114–121. DOI: 10.5922/2074-9848-2011-3-12

Brouwer E.R., de Vries K.M. (2015) Third-country nationals and discrimination on the ground of nationality: article 18 TFEU in the context of article 14 ECHR and EU migration law: time for a new approach. *Equality and human rights: nothing but trouble?* Ed. by M. Van den Brink, S. Burri, J. Goldschmidt. Utrecht University, Utrecht, Netherlands. P. 123–146.

Hernández i Sagrera R. (2010) The EU–Russia readmission–visa facilitation nexus: an exportable migration model for Eastern Europe? *European Security*. Vol. 19. Issue 4. P. 569–584. DOI: 10.1080/09662839.2010.526934

Korneev O. (2012) Deeper and wider than a common space: European Union–Russia cooperation on migration management. *European Foreign Affairs Review*. Vol. 17. No. 4. P. 605–624.

Trauner F., Kruse I. (2008) EC Visa Facilitation and Readmission Agreements: A New Standard EU Foreign Policy Tool? *European Journal of Migration and Law*. No 10. P. 411–438. DOI: 10.1163/157181608X376872

EU Travel Restrictions for Russian Citizens: Political and Legal Issues

V.V. Voynikov*

Doctor of Sciences (Law), Professor,

MGIMO-University, Chair on European Law. 76, Pr. Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454;

Kant Baltic Federal University, Professor. 14, Ul. A. Nevskogo, Kaliningrad, Russia, 236041

***E-mail:** voynicov@yandex.ru

Abstract. 2022 is a period of significant deterioration in relations between Russia and the EU. Apart from introduction of additional restrictive measures provided by the European Union law, for the first time the EU has taken measures aimed at travel ban of citizens of the Russian Federation, thus extending sanctions to ordinary citizens. Such actions can be qualified as attempts to create adverse environment for the Russian Federation. Measures taken at the national and union level to restrict entry are solely due to the citizenship of the foreigner. For the EU countries, this is certainly a new phenomenon in political and legal practice that needs adequate analysis. The purpose of this article is to comprehensively analyse measures to restrict the entry of Russian citizens into the EU in order to identify their key characteristics, possible consequences, as well as their compliance with the basic principles of a modern democratic society. The author comes to the conclusion that measures on travel ban for Russian citizens, with the exception of the suspension of the Agreement between the European Community and the Russian Federation on the facilitation of the issuance of visas to the citizens of the European Union and the Russian Federation, do not comply with either the EU law or current international law. The most controversial and illegal are the national measures to ban the entry of Russian citizens into the territory of a certain EU countries bordering the Russian Federation. The author believes that these measures are inherently

counterproductive, since they harm ordinary citizens and do not bring any political or economic benefit to the countries that introduce them.

Keywords: sanctions, restrictive measures, visa restrictions, entry ban, Russia, European Union

DOI: 10.31857/S0201708323030026

EDN: bqtijs

REFERENCES

- Berlinguer A. (2012) «Myagkoe pravo» protiv «zhestkogo prava» v Evropejskom soyuze. ["Soft Law" vs. "Hard Law" in the European Union], *Sovremennoe pravo*, 12, pp. 119–124.
- Brouwer E.R., de Vries K.M. (2015) Third-country nationals and discrimination on the ground of nationality: article 18 TFEU in the context of article 14 ECHR and EU migration law: time for a new approach, in Van den Brink M., Burri S., Goldschmidt J. (ed) *Equality and human rights: nothing but trouble?*, Utrecht University, Utrecht, Netherlands, pp. 123–146.
- Gusev K.N. (ed.) (2022) Etap special'noj voennoj operacii na Ukraine. Anatomiya antirossijskoj politiki v Evrope [The stage of special military operation in Ukraine. The anatomy of anti-Russian policy]. In-t Evropy RAN, Moscow, Russia. (In Russian).
- Hernández i Sagrera R. (2011) Ustanovlenie sotrudnichestva mezhdru Evropejskim soyuzom i Rossiej po voprosu migracii: ot «obshchih prostranstv» k fakticheskoj realizacii [The development of cooperation between the European Union and Russia on migration issues: from „the „common spaces” to the actual implementation], *Baltiiskij region*, 3(9), pp. 114–121. DOI: 10.5922/2074-9848-2011-3-12 (In Russian).
- Hernández i Sagrera R. (2010) The EU–Russia readmission–visa facilitation nexus: an exportable migration model for Eastern Europe? *European Security*, 19(4), pp. 569–584. DOI: 10.1080/09662839.2010.526934
- Korneev, O. (2012) ‘Deeper and wider than a common space: European Union–Russia cooperation on migration management’, *European Foreign Affairs Review*, 17(4), pp. 605–624.
- Lifshic I.M. (ed.) (2020) Mezhdunarodnoe finansovoe pravo i pravo Evropejskogo soyuza: vzaimodejstvie i vzaimovliyanie [International financial law and the law of the European Union: interaction and mutual influence], Yusticinform, Moscow, Russia. (In Russian).
- Timofeev I. (2021) Politika sankcij Evropejskogo Soyuz. Opyt sobytijnogo analiza [EU sanction policy: experience of case studies], *Sovremennaya Evropa*, 2, pp. 17–27. (In Russian).
- Trauner F., Kruse I. (2008) EC Visa Facilitation and Readmission Agreements: A New Standard EU Foreign Policy Tool? *European Journal of Migration and Law*, 10, pp. 411–438. DOI: 10.1163/157181608X376872
- Voynikov V.V. (2018) Pravovye aspekty vizovoj politiki ES [Legal aspects of the EU visa policy], *Sovremennaya Evropa*, 4, pp. 79–89. (In Russian).
- Zhbankov V.A., Trubacheva K.I., Slepak V.Yu. (2015) Pravovoj rezhim ogranichitel'nyh mer v evropejskom prave [The legal regime of restrictive measures in EU Law], *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*, 10(59), pp. 240–255. (In Russian).

УДК 327.7

«СТРАТЕГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ» И «СТРАТЕГИЧЕСКАЯ АВТОНОМИЯ» В ДИСКУРСЕ ЕС: МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИДЕОЛОГИИ¹

© 2023 г. КОЦУР Глеб Владиславович*

Кандидат политических наук, ассистент

*Кафедра теории и истории международных отношений, Факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет
193060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3 (8-й подъезд)*

***E-mail:** glebk17@gmail.com, g.kotsur@spbu.ru

Поступила в редакцию 14.11.2022

После доработки 22.02.2023

Принята к публикации 12.04.2023

Аннотация. В статье проведено сравнение двух понятий, которые получают все большее распространение в официальном дискурсе Евросоюза в последние годы – «стратегический суверенитет» и «стратегическая автономия». До сих пор в академическом и экспертном сообществе отсутствует понимание, как они соотносятся на семантическом уровне. Исследование основано на морфологическом анализе идеологии М. Фридена как теоретико-методологической рамки для сопоставления понятий и определения их смысла. Эмпирическим материалом выступили речи высших чиновников ЕС, политиков, а также ключевые документы Союза в период активного распространения концептов в официальном дискурсе Брюсселя. В результате анализа выявлено, что эти два понятия можно назвать близкими по значению, но не полностью синонимичными. Предсказать их дальнейшую эволюцию невозможно, но они уже заняли важное место во внешнеполитическом дискурсе Брюсселя. Их дальнейшее использование будет

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00682, <https://rscf.ru/project/22-28-00682/>.

иметь существенную значимость для всех контрагентов Евросоюза, включая Россию.

Ключевые слова: стратегический суверенитет, стратегическая автономия, идеология, Европейский союз, дискурс

DOI: 10.31857/S0201708323030038

EDN: brfgkt

В ноябре 2019 г. Урсула фон дер Ляйен в своей первой речи перед Европарламентом заявила о «срочной потребности в геополитической комиссии»¹. На содержательном уровне это выразилось в использовании двух категорий в официальном дискурсе Евросоюза – стратегического суверенитета и стратегической автономии. Первая была определена как способность «действовать автономно, а также выбирать, когда, в каких областях и делать ли это с партнерами-единомышленниками»², а вторая – «способность существовать в современном мире, защищать наши ценности и наши интересы»³.

Обе категории быстро распространились внутри дискурса ЕС [Leonard, Shapiro, 2019; Fiott, 2018]. Несмотря на французский генезис понятий, в Глобальной стратегии ЕС 2016 г. уже упоминалось «стремление к стратегической автономии Европейского союза»⁴. Ежегодное обращение главы Еврокомиссии в 2018 г. (тогда – Ж.-К. Юнкера) называлось «Час суверенитета Европы»⁵. После заявления У. фон дер Ляйен о геополитической комиссии президент Европейского совета Ш. Мишель назвал достижение стратегической автономии Европы «целью нашего поколения»⁶. В 2020 г. опубликован документ исследовательской

¹ Leyen U. von der. Speech by President-elect von der Leyen in the European Parliament Plenary on the occasion of the presentation of her College of Commissioners and their programme. European Commission. 27.11.2019. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_19_6408 (дата обращения: 26.01.2023).

² On the path to “strategic autonomy”. The EU in an evolving geopolitical environment. European Parliament. 01.09.2020. P. 3. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652096/EPRS_STU\(2020\)652096_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652096/EPRS_STU(2020)652096_EN.pdf) (дата обращения: 26.01.2023).

³ Macron E. Initiative for Europe. Speech by M. Emmanuel Macron, President of the French Republic. Department of Foreign Affairs. 26.09.2017. URL: <https://www.dfa.ie/media/English-version-transcript---Initiative-for-Europe---Speech-by-the-President-of-the-French-Republic.pdf> (дата обращения: 26.01.2023).

⁴ Shared vision, common action: a stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. European Union External Action Service. 01.06.2016. P. 4. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (дата обращения: 26.01.2023).

⁵ Juncker J-C. President Jean-Claude Juncker's State of the Union Address 2018. European Commission. 12.09.2018. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_18_5808 (дата обращения: 26.01.2023).

⁶ Michel C. “Strategic autonomy for Europe – the aim of our generation” – speech by President Charles Michel to the Bruegel think tank. European Council. Council of the European Union.

службы Европарламента «На пути к стратегической автономии»¹. Эти понятия также отражены в идеях Европейской цифровой стратегической автономии², цифрового суверенитета и в проекте Новой промышленной стратегии ЕС, который гласит, что поиски места Евросоюза в новых трансформациях мира «касаются суверенитета Европы»³.

До сих пор в экспертном и академическом сообществе отсутствует понимание различий двух терминов. Например, по мнению Ш. Мишеля, значения понятий не отличаются: «Европейская стратегическая автономия. Или суверенитет? Или сила?.. Сегодня я хотел бы сосредоточиться на сути слов»⁴. Выбор конкретного термина обусловлен предпочтениями органа ЕС, который его использует или конкретной областью деятельности [Романова, 2021]. Это не отвечает на вопрос о семантической разнице между понятиями, относительно которой возможны три подхода: они полностью синонимичны; находятся в близком, но не абсолютно эквивалентном статусе, или существенно различаются. Цель статьи – установить принцип соотнесения понятий «стратегический суверенитет» и «стратегическая автономия» на семантическом уровне.

Теоретико-методологические основания исследования

Статья основана на базовых идеях социального конструктивизма: «структура человеческого сообщества предопределена скорее общими идеями, нежели материальными силами; идентичности и интересы интенциональных акторов формируются этими общими идеями, а не даны по природе» [Wendt, 1999: 1]. Это предполагает не рассмотрение дискурса в позитивистском ключе в качестве отражения реальности, а встроенность идеологических конструкций в социально-политические структуры. Дихотомия ценностей и интересов преодолена за счет фокуса на дискурсивных практиках, где материальное и нематериальное взаимно обуславливают друг друга. Это означает, что дискурс и идеологические структуры ЕС не могут быть оторваны от условной практики политики.

Методологической основой статьи выступает морфологический анализ идеологий М. Фридена [Frieden, 1996], который, по замечанию А. Финлейсона, является одним из двух ведущих инструментов дискурс-анализа в политической науке наряду

28.09.2020. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/09/28/1-autonomie-strategique-europeenne-est-l-objectif-de-notre-generation-discours-du-president-charles-michel-au-groupe-de-reflexion-bruegel/> (дата обращения: 26.01.2023).

¹ On the path to “strategic autonomy”.

² Cybersecurity actors for the European digital strategic autonomy. Eurosmart. 2020. URL: <https://www.eurosmart.com/towards-european-digital-strategic-autonomy-digital-sovereignty/> (дата обращения: 26.01.2023).

³ A new industrial strategy for Europe. European Commission. 10.03.2020. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1593086905382&uri=CELEX%3A52020DC0102> (дата обращения: 26.01.2023).

⁴ Michel C. “Strategic autonomy for Europe...”

ду с теорией гегемонии Э. Лаклау [Finlayson, 2012]. По мнению Фридена, потенциально политические понятия существуют в повседневном языке во флюидной форме с изменяющимся при каждой артикуляции смыслом. Только внутри матриц конкретных идеологий и идеологических конструкций они приобретают относительно устойчивое значение, проходя процесс деконтекстации и превращаясь в политические концепты¹. По этой причине идеология определяется как «конфигурации деконтекстированных значений политических концептов» [Freeden, 1996: 76], а деконтекстация – как «проходящее внутри конкретной идеологии удаление концепта из потенциальной политической борьбы над точным значением» [Herborth, 2020: 19]. Тезис о том, что значение понятия определяется семантическим полем, имеет много общего с идеями структурализма [Соссюр, 1999: 68–70] и постструктурализма [Derrida, 1997] о важности оппозиций. В процесс деконтекстации может быть вовлечен широкий спектр дискурсивных акторов: от публичных политиков до представителей академической среды и философов. В этот круг входят ключевые чиновники Евросоюза, лидеры государств-членов, спикеры официальных органов, авторы ключевых документов и т. д.

Согласно теории Фридена, идеология состоит из ядра, смежных концептов и периферии. Например, для концепта «свобода» в ядре либерализма смежными являются «права человека», «демократия» и «равенства», а периферийным – «нация». В исследовании сделан фокус на смежных концептах, которые «важны и для артикуляции всей идеологии» [Freeden, 1996: 77]. Можно выделить два типа смежных концептов, а именно: дополняющие и антагонистические. Первые условно «поддерживают» друг друга: в частности, в либерализме «права и свободы человека» не только часто употребляются в паре, но и когерентны по значению, т. е. одно логически вытекает из другого. Вторые неразрывно связаны друг с другом, но выступают на противопоставлении. Например, в устойчивом словосочетании «угроза безопасности» первый концепт условно «атакует» второй. Результатом анализа процесса деконтекстации становится формула из нескольких слов или небольшого предложения, в которой сконцентрировано семантическое содержание концепта. Она представляет не мнение одного дискурсивного актора, а выступает общим знаменателем значения понятия в идеологической конструкции.

Результаты исследования представлены в двух таблицах. В них учтены только так называемые сущностные упоминания концепта, т. е. в выборку не попали его повторные упоминания в соседних предложениях, если они не иницируют новую семантическую линию. В рамках подхода Фридена, синонимичные и производные слова образуют единый концепт (например, экономика и экономический – это разные слова, но один концепт). Мы модернизируем подход, вводя термин концептуального кластера. Контентом кластера становятся смежные концепты, близкие по значению в рамках определенной зонтичной тематики. В таблицах суммированы упоминания данных концептов.

¹ Минимальная единица дискурса, соотносимая с означающим.

Результаты исследования: стратегический суверенитет

В дискурсе Евросоюза концепт «стратегический суверенитет» присутствует относительно недолго, поэтому в выборку попали все упоминания в публичной сфере, где концепт встречается более чем в одном абзаце. Исключены случайные упоминания и отсылки к текстам крупнейших чиновников ЕС и лидеров стран-членов, когда в фокусе их выступлений оказывается тематика деятельности Союза, а также ключевые документы отдельных органов. Критериям отвечают 16 текстов¹ 2016–2021 гг.² Применительно к стратегическому суверенитету в итоговую таблицу попали значения с упоминанием выше пяти единиц.

Первое место занял экономический кластер, в котором, по мнению большинства дискурсивных акторов, должен реализовываться стратегический суверенитет ЕС: «Наш европейский суверенитет – это то, что позволит нам... построить сильную экономику и сделать нас экономической державой в этом меняющемся мире»³. В кластер попали концепты «экономика/экономический», «рынок/рыночный», «торговля/торговый», «финансовый», «промышленный», «инвестиции». Каждый из них обладает спецификой, однако восходит к зонтичной теме экономики. При обращении к этой теме спикеры зачастую делают акцент на необходимости частичной автономии от мировой экономики или вернее – в ее рамках. Вторая позиция в перечне связана с цифровыми технологиями (тематически близкие концепты «цифровой», «технологии/технологический», «данные»). «Без цифрового суверенитета не может быть никакой стратегической автономии»⁴, – заявил глава Европейского совета Ш. Мишель в 2021 г. Стратегический суверенитет также почти всегда определяется дискурсивными акторами как способность действовать, т. е. принимать решения. Внутри децизионистского кластера находятся концепты «действовать», «выбор», «решение» и «независимый», обозначая семантическую линию перехода от пассивного политического состояния ЕС к проактивному. Например, в 2017 г. Э. Макрон подчеркнул: «Суверенитет, который мы хотим, – это суверенитет, который существует именно для того, чтобы объединить наши силы для построения европейской державы, чтобы принимать решения, а не быть лишь объектом того, что сверхдержавы будут делать [с нами]»⁵. Далее в дискурсе ЕС следует кластер, который отсылает к теме безопасности и обороны, затем следует концепт «гло-

¹ В статье не учтены немногочисленные экспертные и академические публикации. В выборку помещены только тексты, непосредственно выражающие официальный дискурс ЕС и государств-членов. Данные дискурсивные акторы занимают привилегированное положение в неолиберальном дискурсе Запада, определяя наполнение того, что Э. Лаклау [Laclau, Mouffe, 2001: 112] называет «узловыми пунктами» семантической системы.

² Хронологические рамки заданы периодом активного распространения концепций внутри дискурса ЕС. События 2022 г. могут привести к радикальной трансформации европейского ценностного поля; это необходимо изучать отдельно уже после окончания российско-украинского конфликта.

³ Macron E. Discours du Président de la République, Emmanuel Macron...

⁴ Michel C. Digital sovereignty...

⁵ Macron E. Discours du Président de la République, Emmanuel Macron...

бальность». В ходе рассуждений о суверенитете Евросоюз не отказывается от традиционной риторики о ценностях и увязывает их воедино: «Одним словом, только Европа может гарантировать подлинный суверенитет и нашу способность существовать в сегодняшнем мире для защиты наших ценностей и интересов»¹. Это не отменяет важности концепта силы, которую Брюссель автоматически наращивает прямо пропорционально обретению/укреплению суверенности. Наконец, относительно значимым для Евросоюза выступает измерение будущего, потому что сейчас (это признается почти всеми дискурсивными акторами) ЕС еще только находится в процессе укрепления/построения стратегического суверенитета. По этой причине суверенность часто описывается в модальности перспективы (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Деконтекстация концепта «стратегический суверенитет» в официальном дискурсе ЕС

Дополняющие смежные концепты	Число упоминаний	Антагонистические смежные концепты	Число упоминаний
экономический (19) + рыночный (9) + торговый (7) + финансовый (6) + промышленный (8) + инвестиции (7)	56	вызовы (8) + риски (7)	15
цифровой (24) + технологический (16) + данные (9)	49	национальный/национализм	9
действовать (10) + выбор (11) + решение (10) + независимый (7)	38	зависимость	5
безопасность (10) + оборона (7)	17		
глобальный	15		
ценности (9) + стандарты (5)	14		
сила	14		
защита	12		
будущее	10		
автономия	9		
демократия	9		

Составлено по: Macron E. Discours du Président de la République, Emmanuel Macron, à la Pnyx, Athens, 7 September 2017. URL: <https://www.elysee.fr/front/pdf/elysee-module-786-fr.pdf>; Macron E. Initiative for Europe; Macron E. Discours du Président de la République à l'Occasion du Lancement de la Conférence sur l'Avenir de l'Europe. Elysee. 09.05.2021. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/05/09/lancement-de-la-conference-sur-lavenir-de-leurope>; Macron E. Transcript: President Macron on his vision for Europe and the future of transatlantic relations. The Internet Archive. 05.02.2021. URL: <http://web.archive.org/web/20220922062216/https://www.atlanticcouncil.org/news/transcripts/transcript-president->

¹ Macron E. Initiative for Europe...

macron-on-his-vision-for-europe-and-the-future-of-transatlantic-relations/; Juncker J-C. President Jean-Claude...; Michel C. Digital sovereignty is central to European strategic autonomy - Speech by President Charles Michel at "Masters of digital 2021" online event. European Council. Council of the European Union. 03.02.2021. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/02/03/speech-by-president-charles-michel-at-the-digitaleurope-masters-of-digital-online-event>; Communication from The Commission to The European Parliament, The Council, The European Economic and Social Committee and The Committee of the Regions. A European strategy for data. An official website of the European Union. 19.02.2020. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1593073685620&uri=CELEX%3A52020DC0066>; A new industrial strategy...; On the path to "strategic autonomy"...; Michel C. 'Strategic autonomy...; Europe: the Keys to Sovereignty. The European Union. 11.09.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/commissioners/2019-2024/breton/announcements/europe-keys-sovereignty_en; Together for Europe's recovery. Programme for Germany's Presidency of the Council of the European Union. EU2020.de. 01.07.2020. URL: <https://www.eu2020.de/blob/2360248/e0312c50f910931819ab67f630d15b2f/pdf-programm-en-data.pdf>; Hudson R. L. Germans kick off their EU presidency with big plans for research and education. Science|Business. 09.07.2020. URL: <https://sciencebusiness.net/news/germans-kick-their-eu-presidency-big-plans-research-and-education>; Merkel A. Speech by Federal Chancellor Dr Angela Merkel opening the 14th Annual Meeting of the Internet Governance Forum in Berlin on 26 November 2019. The Federal Government. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-en/news/speech-by-federal-chancellor-dr-angela-merkel-opening-the-14th-annual-meeting-of-the-internet-governance-forum-in-berlin-on-26-november-2019-1701494>; Leyen U. von der. Shaping Europe's digital future: op-ed by Ursula von der Leyen, President of the European Commission. European Commission. 19.02.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/AC_20_260; Draghi M. Sovereignty in a globalised world. Speech by Mario Draghi, President of the ECB, on the award of Laurea honoris causa in law from Università degli Studi di Bologna, Bologna, 22 February 2019. European Central Bank. URL: <https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2019/html/ecb.sp190222~fc5501c1b1.en.html> (дата обращения: 26.01.2023).

В образовании семантического ядра дискурсивной категории особую роль играют антагонистические смежные концепты, формирующим смысл за счет противопоставления. В перечне первая позиция занята кластером «вызовы/риски»¹ из разных сфер: от военной до информационной и эпидемиологической; вторая – «национализм», понимаемый как узкое мышление в национальных категориях в ущерб общим интересам. «Я верю в суверенитет Европы. Почему? Потому что наши вызовы более не находятся на национальном уровне»², – отметил Э. Макрон в программной речи в Афинах в 2017 г. На третьем месте находится концепт «зависимость», которую суверенитет помогает/должен помочь преодолеть: «Чтобы сократить существующую зависимость в ряде сфер и защитить свой суверенитет, ЕС необходимо построить стратегическую автономию»³.

Формула деконтекстации концепта «стратегический суверенитет» в официальном дискурсе Евросоюза – это способность принимать независимые решения прежде всего в области экономики, информационной сфере и безопасности для борьбы с вызовами выше национального уровня. Подобное понимание почти всегда предполагает выгоду наднационального перед национальным внутри ЕС. Эта дефиниция существенно отличается от определения суверенитета Европы, сформулированного Э. Макроном как «способность существовать в современном мире, защищать наши ценности и наши интересы»⁴, наполняет конкретикой, соотносит с практикой Евросоюза и его текущей политико-правовой повесткой.

¹ В разных вариантах дискурса вызовы и риски отличаются степенью потенциальности.

² Macron E. Discours du Président de la République, Emmanuel Macron...

³ On the path to «strategic autonomy»...

⁴ Macron E. Initiative for Europe...

Результаты исследования: стратегическая автономия

Перечень источников, в которых зафиксированы сущностные упоминания концепта «стратегическая автономия», состоит из 11 пунктов, в связи с чем нижний порог попадания значений в итоговый список опущен с пяти до трех. Результаты отражены в Табл. 2.

Таблица 2

Деконтекстация концепта «стратегическая автономия» в официальном дискурсе ЕС

Дополняющие смежные концепты	Число упоминаний	Антагонистические смежные концепты	Число упоминаний
экономический (13) + промышленный (13) + рыночный (11) + инвестиции (9) + торговый (8) + финансовый (5)	59	угрозы	3
безопасность (21) + оборона (18)	39	протекционизм	3
действовать (14) + выбор (4) + решение (4) + независимый (3)	25		
цифровой (9) + технологический (8)	17		
глобальный	14		
ценности (7) + стандарты (5)	12		
суверенитет	12		
мультилатерализм	7		
защита	6		
сила	6		
будущее	5		
климат (4) + зеленый (1)	5		

Составлено по: Shared vision, common action...; Michel C. "Strategic autonomy for Europe..."; Macron E. Sorbonne speech of Emmanuel Macron – Full text / English version. Ouest France. 26.09.2017. URL: <https://international.blogs.ouest-france.fr/archive/2017/09/29/macron-sorbonne-verbatim-europe-18583.html>; Macron E. Transcript: President Macron...; Cybersecurity actors...; Michel C. Digital sovereignty...; A new industrial strategy...; Leyen U. von der. Speech by President von der Leyen at the European Parliament Plenary on the new MFF, own resources and the Recovery Plan. European Commission. 13.05.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_20_877; Borrell J. Navigating a pandemic world: global disorders and Europe's role. The European Union. 09.07.2020. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/navigating-pandemic-world-global-disorders-and-europe-s-role_en; Conclusions – 19/20 December 2013. European Council. Council of the European Union. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-217-2013-INIT/en/pdf>; Borrell J. Why European strategic autonomy matters. The European Union. 03.12.2020. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/why-european-strategic-autonomy-matters_en (дата обращения: 26.01.2023).

Как в случае со стратегическим суверенитетом, первое место удерживает экономический концептуальный кластер: «Что мы подразумеваем под “стратегической автономией”?... У нас открытая рыночная экономика. И мы считаем, что торговля приносит пользу нашей экономике и нашему населению»¹ (Ш. Мишель). Второе место занимает кластер безопасности, объединяющий данный концепт с родственным понятием «оборона». «С тех пор стратегическая автономия была расширена за счет новых субъектов экономического и технологического характера, как показала пандемия *COVID-19*. Однако аспект безопасности остается преобладающим и чувствительным»², – писал Ж. Боррель в 2020 г. Остается прежним понимание концепта как способности независимо действовать (децизионистский кластер на третьей позиции). В документе «На пути к стратегической автономии» обозначено: «Европейские лидеры признали, что ЕС должен иметь возможность действовать автономно, открывая возможность достижения более широкого политического консенсуса по стратегической автономии... Мы стремимся действовать многосторонне, когда это возможно, и автономно, если это необходимо»³. Далее в порядке убывания следуют цифровой кластер, концепты глобального, ценностей, суверенитета и др., тем самым практически повторяется набор из предыдущей таблицы.

В качестве антагонистических для автономии количественно выделяются два концепта: угрозы и протекционизм. «Европа должна воспользоваться своей цифровой стратегической автономией и укреплять свой потенциал в области кибербезопасности. По мере того как киберугрозы становятся все более изощренными, европейская подготовка и реагирование на эти угрозы также должны развиваться»⁴, – обозначено в документе «Участники кибербезопасности для европейской цифровой стратегической автономии». Кроме того, по словам Ш. Мишеля, «...стратегическая автономия не имеет ничего общего с протекционизмом. Все ровным счетом наоборот»⁵. Развитие автономии не должно приводить к автаркическому модусу мышления и противоречию ценностям свободной торговли. Ш. Мишель поясняет: «Стратегическая автономия не означает производить все самостоятельно. Это нежелательно и нереально [для достижения автономии необходимо] внести свой вклад в лучший, более справедливый и более зеленый мир...»⁶, что должно дополняться развитием внутри Союза современных конкурентоспособных областей экономики.

Таким образом, формула деконтекстации концепта «стратегическая автономия» в официальном дискурсе ЕС – это несводимая к протекционизму и изоляционизму способность действовать прежде всего в сферах экономики, безопасности и цифровой области для противостояния угрозам. Две формулы имеют много общего, однако не совпадают полностью.

¹ Michel C. Digital sovereignty...

² Borrell J. Why European...

³ On the path to “strategic autonomy”...

⁴ Cybersecurity actors...

⁵ Michel C. Digital sovereignty...

⁶ Там же.

Сравнение

Список общих черт деконтекстации двух концептов довольно обширен. В обоих случаях первое место занимает тематика экономики применительно к обеспечению суверенитета и автономии Европы, а также понимание их как способности к независимому действию. Концепт автономии занимает десятое место для суверенитета, а тот – седьмое по отношению к автономии. Это свидетельствует о том, что оба понятия значимы друг для друга, однако это скорее второй, а не первый ряд деконтекстации, т. к. в обоих случаях позиции с первой по пятую заняты другими понятиями. В таблицах традиционный для ЕС кластер ценностей занимает шестое место, до и после которого располагается примерно совпадающий набор концептов – «глобальный», «сила», «защита», «будущее» и др.

Различий в процессе двух деконтекстаций зафиксировано меньше. Цифровой кластер в таблице, посвященной автономии, занимает четвертое место, а не второе, как в случае с суверенитетом. Для последнего безопасность менее значима (четвертая позиция в сравнении со второй). Ключевое различие заключается в наборе антагонистических концептов, хотя угрозы во второй таблице и родственны вызовам и рискам из первой, а протекционизм имеет ряд сходств с национализмом в дискурсе ЕС. Главное – это разное количество антагонистических концептов в двух перечнях. С одной стороны, это означает, что стратегический суверенитет больше связан с конфликтностью в ценностном поле ЕС, с другой – значительное число прямых оппозиций означает большую определенность, следовательно концепт «стратегический суверенитет» является более зафиксированным в дискурсе Брюсселя.

Заключение

Исследование показывает, что для ЕС стратегический суверенитет – это способность принимать независимые решения прежде всего в области экономики, информационной сфере и безопасности для борьбы с вызовами выше национального уровня, а стратегическая автономия – несводимая к протекционизму и изолированности способность действовать прежде всего в сферах экономики, безопасности и цифровой области для противостояния угрозам.

По итогам исследования можно сделать ряд выводов. Во-первых, новые концепты, занявшие прочные позиции в дискурсе ЕС, являются родственными, но не полностью синонимичными. Схожесть семантического содержания объяснима: концепты рассматриваются некоторыми дискурсивными акторами как взаимозаменяемые и развиваются внутри единой ценностной системы Евросоюза в один период. С точки зрения М. Фридена, именно дискурсивная среда вокруг концептов детерминирует их содержание. Присутствующие отличия между двумя категориями не позволяют им слиться полностью. Во-вторых, с 2015 по 2021 гг. ценностное поле ЕС трансформировалось: стигматизированные понятия (например, суверенитет) реабилитированы внутри идеологии Евросоюза. В-третьих, Брюссель переосмыслил новые концепты, например, наполнил суверенитет главным образом экономическим содержанием, адаптировал их под современные реалии (информационный и цифровой аспект безопасности).

Оба концепта заняли важное место во внешнеполитическом дискурсе и их дальнейшее использование имеет существенную значимость для всех контрагентов ЕС, включая Россию. В контексте кризиса безопасности на европейском континенте введение подобных концептов не будет способствовать деэскалации напряженности между сторонами. Эти понятия с высокой долей вероятности станут обрамлением следующего этапа антагонистической политики Брюсселя по отношению к Москве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Романова Т.А. (2021) Дискурс о суверенитете Европейского союза: содержание и последствия. *Современная Европа*. № 5. С. 32–44. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520213244>

Соссюр Ф. де. (1999) *Курс общей лингвистики*. Издательство Уральского университета, Екатеринбург. 432 с.

Derrida J. (1997) *Of grammatology (corrected edition)*. Johns Hopkins University Press, Baltimore, USA. 360 p.

Finlayson A. (2012) Rhetoric and the political theory of ideologies. *Political Studies*. Vol. 60. Issue 4. P. 1–17. doi: 10.1111/j.1467-9248.2012.00948.x

Fiott D. (2018) Strategic autonomy: Towards «European sovereignty» in defence? *The European Union Institute for Security Studies*. 30.11. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Brief%2012__Strategic%20Autonomy.pdf (accessed: 10.01.2023).

Freeden M. (1996). *Ideologies and political theory: A conceptual approach*. Oxford University Press, Oxford, UK. 592 p.

Herborth B. (2020) Ideology as Decontestation. *Theory as ideology in international relations. The politics of knowledge*. Ed. by B. Martill, S. Schindler. Routledge, Abingdon, UK. P. 34–50. DOI: 10.4324/9780429021008-4

Laclau E., Mouffe C. (2001) *Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics*. Verso, London, UK. 198 p.

Leonard M., Shapiro J. (2019) Strategic sovereignty: How Europe can regain the capacity to act. *European Council on Foreign Relations*. 25.06. URL: https://web.archive.org/web/20220520072553/https://ecfr.eu/publication/strategic_sovereignty_how_europe_can_regain_the_capacity_to_act/ (accessed: 10.01.2023).

Wendt A. (1999) *Social theory of international politics*. Cambridge University Press, London, UK. 429 p.

«Strategic Sovereignty» and «Strategic Autonomy» in the EU's Official Discourse: a Morphological Analysis of Ideology

G.V. Kotsur*

*Candidate of Sciences (Politics), assistant
the Department of Theory and History of International Relations
St. Petersburg State University, School of International Relations
1/3 (entr. 8), Smolnogo St., S.-Petersburg, Russia, 193060*

***E-mail:** glebk17@gmail.com, g.kotsur@spbu.ru

Abstract. The article focuses on the two concepts that have become increasingly common in the official discourse of the EU in recent years – “strategic sovereignty” and “strategic autonomy”. Top public officials, politicians and bodies of the Europe-

an Union and of member states refer to each of these terms, depending on the circumstances or the established tradition of using the concept in a particular area of the EU's policy. However, there is still no clear understanding in the academic and expert community of how they relate at the semantic level – in other words, whether these terms are interchangeable with regard to their meaning, adjacent ones or they differ radically from each other. The author uses the morphological analysis of ideology by M. Freeden with the special emphasis on the process of decontestation as a theoretical and methodological framework of the study in order to compare these two concepts and discover their semantic content. The empirical evidence of the article includes speeches of EU's top public officials, politicians, as well as key documents of the EU during the period of active dissemination of concepts in the discourse of Brussels. The analysis reveals that the two concepts occupy related semantic positions, but they are not completely synonymous. It is difficult to predict the further evolution of the concepts within the EU's semantic system, but they have already taken an important place in the foreign policy discourse of Brussels that will inevitably affect all the EU counterparties, including Russia.

Key words: strategic sovereignty, strategic autonomy, ideology, European Union, discourse

DOI: 10.31857/S0201708323030038

EDN: brfgkt

REFERENCES

- Derrida J. (1997) *Of grammatology (corrected edition)*, Johns Hopkins University Press, Baltimore, USA.
- Finlayson A. (2012) Rhetoric and the political theory of ideologies, *Political Studies*, 60(4), pp. 1–17.
- Fiott D. (2018) Strategic autonomy: Towards «European sovereignty» in defence? *The European Union Institute for Security Studies*. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Brief%2012__Strategic%20Autonomy.pdf (accessed: 10.01.2023).
- Freeden M. (1996) *Ideologies and political theory: A conceptual approach*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Herborth B. (2020) Ideology as decontestation in B. Martill, S. Schindler (ed.) *Theory as ideology in international relations. The politics of knowledge*, Routledge, Abingdon, UK, pp. 34–50.
- Laclau E., Mouffe C. (2001) *Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics*, Verso, London, UK.
- Leonard M., Shapiro J. (2019) Strategic sovereignty: How Europe can regain the capacity to act. *European Council on Foreign Relations*. URL: https://web.archive.org/web/20220520072553/https://ecfr.eu/publication/strategic_sovereignty_how_europe_can_regain_the_capacity_to_act/ (accessed: 10.01.2023).
- Romanova T. (2021) Diskurs o suverenitete Evropejskogo sojuza: sodержanie i posledstvija [The EU's Discourse on Sovereignty: Content and Consequences], *Sovremennaya Evropa*, 5, pp. 32–44. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520213244> (In Russian).
- Sossure F. de. (1999) *Kurs obshhej lingvistiki* [Course in General Linguistics], Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Yekaterinburg, Russia. (In Russian).
- Wendt A. (1999) *Social theory of international politics*, Cambridge University Press, London, UK.

УДК 327.57

РОССИЯ В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ И ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ ИТАЛЬЯНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

© 2023 г. **ВЕЛИКАЯ Наталья Михайловна***

Доктор политических наук

Заместитель директора по научной работе

*Институт социально-политических исследований, Федеральный
научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1*

***E-mail:** natalivelikaya@gmail.com

Author ID РИНЦ: 286986 ORCID: 0000-0001-5532-844X

Researcher ID (WoS): A-9577-2017 Scopus ID: 8438345700

© 2023 г. **БЕРЁЗКИНА Елена Юрьевна****

аспирант Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

Старший преподаватель РЭУ им. Г.В. Плеханова

117997, Россия, г. Москва, Стремянный пер., 36

****E-mail:** euproskurina@gmail.com

Author ID РИНЦ: 733398 ORCID: 0000-0001-8082-3880

Поступила в редакцию 10.01.2023

После доработки 23.02.2023

Принята к публикации 12.04.2023

Аннотация. В статье проанализированы социальные основания формирования позитивного образа России в общественном мнении Италии. Цель исследования – определить тенденции в изменении отношения итальянцев к РФ после 2022 г. на основе вторичного анализа репрезентативных результатов социологических опросов граждан ЕС, а также изучения политического публичного дискурса, источниками которого выступали итальянские СМИ и высказывания политических акторов. Устойчивость положительного образа России в общественном мнении итальянцев определяется экономическими, политическими и культурными связями. Результаты дискурс-анализа предвыборных программ, материалов ведущих средств массовой информации Италии и высказываний итальянских политических деятелей продемонстрировали высокий уровень заинтересованности элиты в сохранении устойчивых отношений с Москвой. Лидерами общественного мнения, транслирующими позитивный образ России, можно считать представителей итальянских популистских

партий, которые сегодня составляют большинство в парламенте страны. Позитивное отношение к РФ в общественном мнении остается на высоком уровне на протяжении длительного периода времени, что подтверждается позицией Италии в рейтингах опросов, посвященных отношению граждан ЕС к России. итальянцы демонстрируют позитивное отношение к РФ и ее политике. Специальная военная операция на Украине заметно изменила в худшую сторону восприятие политики Москвы, однако итальянцы по-прежнему симпатизируют России в наибольшей степени по сравнению с гражданами других стран ЕС.

Ключевые слова: образ России, политический дискурс, популистские партии, Италия, Россия, Европейский союз, общественное мнение, мягкая сила, русофилы, популистские партии.

DOI: 10.31857/S020170832303004X

EDN: brgchl

Специфика информационного общества, особенности распространения и производства информации в публичном секторе делают изучение репрезентации субъектов международного права актуальной темой. Имидж страны рассматривается не только как инструмент «мягкой силы», но и как важнейшее условие эффективного экономического сотрудничества [Бочанов, Старых, 2015]. Сложности в выстраивании отношений России с Евросоюзом привели к тому, что к концу первого десятилетия XXI в. в публичном пространстве Евро-Атлантического сообщества сложился негативный медиаобраз России как недружественной и опасной страны [Ведерникова, 2019; Гавра, Науменко 2020].

По сравнению с другими странами Западной Европы, Италия демонстрирует более взвешенную позицию по отношению к России. Более того, новейшая история российско-итальянских отношений позволяет в ряде случаев говорить о большом слое русофилов в итальянской политической элите и обществе. Особенности российско-итальянских отношений широко освещены в отечественной литературе. Основным предметом изучения остаются, как правило, дипломатические [Михайленко, Перевалова, 2018; Маслова, 2019], экономические [Дремова, Узунова, 2012] и культурные аспекты сотрудничества [Галдина, 2022]. Некоторые авторы указывают на неоднозначный образ России в итальянском медиaprостранстве. Позитивные коннотации связывают как с экономическими, так и с культурными составляющими образа [Манфреди 2010; Топорова, 2019]. Если имидж России в итальянских СМИ был в фокусе внимания исследователей [Черепанова, 2016; Радькова 2017], то общественное мнение и специфика политического дискурса практически не анализировались в российской науке.

Проведение Специальной военной операции РФ на Украине (СВО) и последующее нарушение дипломатических, экономических и культурных контактов вследствие санкций в отношении России существенно изменили эмоциональный характер оценок представителей политического истеблишмента. Это во многом определялось существенными сдвигами в общественном мнении. В этом контексте изучение политического дискурса и общественного мнения имеет особое значение для формирования имиджа России.

В статье проанализированы основные факторы формирования образа России в общественном мнении итальянцев, а также описан доминирующий дискурс в отношении РФ за последние пять лет. Внимание акцентировано на изменениях в 2022 г. В основу исследовательской стратегии положены следующие методологические принципы дискурс-анализа: необходимость включения в анализ экстралингвистических факторов [Ван Дейк, 1989]; осуществление оценки дискурса с помощью узловых точек – ключевых слов¹ (теория дискурса Лакло-Муфф) [Казула, 2009]. Авторский дискурс-анализ построен на текстах трех ведущих итальянских СМИ: «Мессаджеро» (*Il Messaggero*), «Репубблика» (*La Repubblica*), «Коррьере делла Сера» (*Il Corriere della Sera*) – за 2017–2022 гг. и публичных выступлений политиков Италии. Пятилетний период исследования обусловлен спецификой итальянских политических институтов и нестабильностью правительств. В течение обозначенного периода сменилось 4 премьер-министра, а правительства представляли различные политические ориентации.

В качестве эмпирической базы были использованы данные глобальных опросов общественного мнения Исследовательского центра Пью (*Pew Research Center*), общеевропейского мониторинга ЮГав (*YouGov*), Европейского совета по международным отношениям (*European Council on Foreign Relations*), а также итальянского Института международных политических исследований (*Istituto per gli Studi di Politica Internazionale, ISPI*).

Отражение итало-российского взаимодействия в политическом дискурсе

У политических связей России и Италии долгая история. Италия – одна из первых европейских стран, официально признавших СССР (1924 г.). Во время холодной войны советско-итальянские отношения поддерживались на институциональном уровне, а первым главой западного государства, посетившим с официальным визитом Советский Союз, был Дж. Гронки. С современной Россией с 1994 г. до 2022 г.² действовал Договор о дружбе и сотрудничестве³ и План действий в отношениях России и Италии с 1998 г. до 2022 г.

Политические и экономические отношения двух государств до 2022 г. можно охарактеризовать как широкое сотрудничество в различных областях [Siddi, 2012]. Италия находится на седьмом месте по объему торгового оборота с Россией, а среди стран ЕС – на третьем после Германии и Нидерландов⁴. Наличие крупных инве-

¹ В качестве опорных узловых точек использовались такие слова, как «Россия» (*Russia*), «Путин» (*Putin*), «российский» (*russo*), в качестве слов-фильтров – имена премьер-министров и лидеров популистских партий Италии.

² Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-п. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203070001?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 04.01.2023).

³ Доклад «Российско-итальянские связи: вчера, сегодня, завтра» Комитета Совета Федерации по международным делам. URL: <http://council.gov.ru/media/files/3mycYu4fL2wCBtJfLI45Q7kyiA9AdkiQ.pdf> (дата обращения: 04.01.2023).

⁴ Официальные данные Росстата об объеме торгового оборота с Россией в 2021 г. URL:

стиционных проектов в России, таких как завод ЕвроХим Северо-Запад в г. Кингисепп, проект газопровода «Южный поток», «Сухой Суперджет – 100», совместный с ФИАТ выпуск легковых автомобилей на предприятии «Соллерс – Набережные Челны», производство техники «Индезит Компани» (*Indesit Company*) в регионах РФ и др., объясняет заинтересованность в продолжении сотрудничества не только представителей бизнеса, но и политического истеблишмента.

Двустороннее интенсивное сотрудничество в области экономики и культуры подкреплялось регулярным политическим диалогом. В отличие от других государств-членов НАТО Италия всегда демонстрировала более взвешенную и осторожную позицию по отношению к России. Italianские премьер-министры неоднократно приезжали в Россию и принимали участие во встречах разного уровня с президентом РФ. С. Берлускони с 1994 по 2019 гг. был в России 17 раз. РФ посещали Р. Проди (1997 и 2006 гг.), М. Д'Алема (1999 г.), М. Монти (2012 г.), Э. Летта (2014 г.), М. Ренци (2016 г.). П. Джентилоне и Дж. Конте встречались с В.В. Путиным в 2017 и 2018 гг., обсуждали вопросы двустороннего экономического сотрудничества, инвестиции в топливно-энергетической сфере и др.

Итальянские политики взяли на себя функцию медиатора между Россией и ЕС. Диалог с Римом оказался устойчивым, несмотря на введенные в 2014 г. санкции, что можно объяснить экономическими проблемами Италии [Siddi, 2019]. С помощью итальянских политиков – «друзей России» [Arbatova, 2011] обсуждались актуальные вопросы взаимодействия РФ с Евросоюзом и НАТО, обсуждались наиболее выгодные для Москвы варианты решения проблем. С. Берлускони, М. Ренци и М. Сальвини неоднократно выступали против экономических санкций¹. С. Берлускони и М. Сальвини посетили Крым в 2015 г. Итогом визита Дж. Конте в Москву в 2018 г. стало подписание 13 торговых договоров².

Итальянские политологи отмечают, что политические отношения с РФ вышли на новый уровень при С. Берлускони, которому удалось активизировать аполитичную аудиторию [Diodato, Niglia, 2018]. Рост влияния популистских партий в Италии позволил укрепить диалог [Weiss, 2020]. Лидерами мнений, продвигающими дружественные отношения с Россией, остаются главы двух правых партий – Силь-

https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/26_23-02-2022.html (дата обращения: 12.11.2022).

¹ Silvio Berlusconi. Facebook. 10.06.2015. URL: <https://www.facebook.com/SilvioBerlusconi/posts/992760224091416/> (Facebook принадлежит компании Meta, признана экстремистской организацией на территории РФ); Renzi con Putin: «Guerra fredda fuori dalla realtà. Ue ridiscute le sanzioni contro Mosca». 17.06.2016. URL: https://www.repubblica.it/esteri/2016/06/17/news/renzi_a_putin_guerra_fredda_fuori_della_realta_-142234257/; Salvini: «Sanzioni alla Russia inutili, pronti ad agire. Ma siamo soli contro il mondo». 25.06.2018. URL: https://www.repubblica.it/esteri/2018/06/25/news/salvini_sanzioni_alla_russia_inutili_pronti_ad_agire_-200012208/ (дата обращения: 04.01.2023).

² Conte da Putin: “Sanzioni da superare”. Firmati 13 accordi commerciali Italia-Russia. 25.10.2018. URL: <https://www.lastampa.it/esteri/2018/10/25/news/conte-da-putin-sanzioni-da-superare-firmati-13-accordi-commerciali-italia-russia-1.34055077/> (дата обращения: 29.01.2023).

вио Берлускони и Маттео Сальвини. Сторонники умеренных отношений – лидеры «Движения пяти звезд».

Другие политики не столь единодушны. Бывший председатель Демократической партии П.Л. Берсани в 2011 г. причислил Россию к диктаторским режимам¹. Отчетливо негативная оценка России в публичном пространстве появилась после присоединения Крыма. Однако долгое время большая часть политиков старалась придерживаться нейтральной позиции. Например, М. Мауро, лидер фракции «Гражданский выбор для Италии», призывал Россию и Украину к мирному урегулированию вопроса².

Неоднозначное отношение выражается в деятельности итальянских представителей в Европарламенте во время обсуждений резолюций о статусе территорий и обстановке в бассейне Черного моря. Например, в 2015 г. «Вперед, Италия», «Лига» и «Движение пяти звезд» несколько раз высказались против принятия резолюций, в которых поддерживалось возвращение Крыма под юрисдикцию Украины. М. Сальвини («Лига») поддержал референдум на полуострове, а региональные представительства партии в регионах Венето, Ломбардии и Лигурии признали территорию частью России.

Против санкционной политики выступили не только представители популистских партий, но и Р. Проди, представитель Демократической партии Италии и бывший премьер-министр. Он отмечал, что сложившаяся напряженность в отношениях России и Европы никому не нужна: «Это просто неестественное положение. Мы нуждаемся в России, в ее энергоносителях, тогда как процесс модернизации, который проводит Россия, не может быть завершен без сотрудничества с Европой»³. В июне 2019 г. Франция и Италия поддержали резолюцию Парламентской ассамблеи Совета Европы, позволяющую вернуть российскую делегацию к работе⁴.

Политические партии Итальянской республики неизменно включают в предвыборные программы вопросы о взаимоотношениях с Россией. Это относится как к Демократической партии Италии, так и к популистским партиям «Вперед, Италия», «Лига», «Братья Италии», «Движение пяти звезд». В условиях конфликта на Украине итальянские политики в своих избирательных кампаниях в 2022 г. выступали за диалог с Россией и мирное урегулирование российско-украинского кон-

¹ Pier Luigi Bersani. URL:

<https://www.facebook.com/PierLuigiBersani.PaginaUfficiale/photos/a.394785472096/10150109548402097/> (дата обращения: 04.01.2023) (Facebook принадлежит компании Meta, признана экстремистской организацией на территории РФ).

² Mario Mauro. 18.02.2014. URL: <https://www.facebook.com/MarioWMauro> (дата обращения: 29.01.2023) (Facebook принадлежит компании Meta, признана экстремистской организацией на территории РФ).

³ Бывший премьер-министр Италии: Европе удалось избежать инфаркта, но проблемы еще не решены. 05.06.2016. URL: <https://tass.ru/interviews/4313700> (дата обращения: 23.01.2023).

⁴ Результаты голосования Парламентской ассамблеи Совета Европы. 2019. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/Votes/DB-VotesResults-EN.asp?VoteID=37964&DocID=18997&MemberID=&Sort=2> (дата обращения: 29.01.2023).

фликта. Однако Италия поддержала введение потолка цен на российскую нефть, что говорит о кризисном этапе в экономических отношениях.

Многолетнее партнерство в области экономики, политики и культуры послужило надежной основой для формирования положительного образа России и сформировало устойчивые группы заинтересованных в сотрудничестве лидеров мнений. Частота упоминаемости итальянских политиков в российском контексте в самых крупных общественно-политических изданиях Италии показывает, что несомненными лидерами, формирующими «российскую повестку» в публичном пространстве Италии, являются М. Сальвини и Дж. Мелони (Табл. 1).

Таблица 1

Количество упоминаний итальянских политиков-популистов в контексте российской политики и итало-российских отношений в итальянских СМИ
(в абсолютных числах)

Итальянский политик	Il Messaggero	La Repubblica	Il Corriere della Sera
Сильвио Берлускони	7710	799	974
Маттео Сальвини	11700	2065	873
Джорджиа Мелони	36400	924	346
Луиджи Ди Майо	4760	1194	528
Джузеппе Конте	7140	1508	897

Составлено на основе данных архивов итальянских СМИ (*Il Messaggero*, *La Repubblica*, *Il Corriere della Sera*) в период с 2017 по 2022 гг.

Однако они выражают противоположные мнения о России. М. Сальвини представляет русофилов и евроскептиков. Он посещал Крым после референдума, призывал снять санкции с России в 2015 г. и совершил 2 неофициальных визита в Москву (2015 г. и 2018 г.). Его неоднократно обвиняли в прессе в связях с российскими политическими структурами. В 2022 г. политик осудил действия России, но в то же время выступил с критикой санкций, называя их неэффективными.

Что касается Дж. Мелони («Братья Италии»), она критиковала санкции 2014 г. Сейчас премьер-министр занимает противоположную позицию – поддерживает новые пакеты санкций и считает, что переговоры ЕС с Россией возможны только после вывода российских вооруженных сил с территории Украины¹.

¹ Фрагмент выступления Дж. Мелони перед встречей Европейского совета от 23.03.2023. URL: <https://www.la7.it/intanto/video/il-discorso-di-giorgia-meloni-contro-putin-che-spopola-in-ucraina-24-03-2023-477402> (дата обращения: 27.03.2023).

Общественное мнение Италии о России

Образ России в общественном мнении итальянцев – следствие внимания к стране в политическом дискурсе ведущих политических акторов Италии и многолетних экономических связей. До 2022 г. она лидировала среди европейских стран по положительному отношению к РФ. Как следует из данных *Pew Research Centre*, до событий 2022 г. почти половина итальянцев положительно оценивали Россию (Табл. 2) и видели потенциал в развитии отношений между странами. В июне 2022 их количество сократилось до 14%¹.

Таблица 2

Отношение граждан стран ЕС к России (2014–2022 гг.)
Распределение ответов на вопрос: «Вы относитесь к России положительно или отрицательно?» (ответ «положительно», %)

Страна	2014 г.	2018 г.	2020 г.	2022 г.
Италия	30 %	37 %	48 %	14 %
Германия	19 %	35 %	30 %	16 %
Франция	26 %	30 %	35 %	14 %
Великобритания	25 %	22 %	24 %	10 %

Составлено на основе данных опросов Global Attitudes Survey центра Pew Research Center: Spring 2014, Spring 2018, Summer 2020 и Spring 2022.

Начало СВО незначительно изменило отношение итальянцев к России в худшую сторону. По данным опросов *YouGov* в период с 24 по 28 февраля 2022 г. только 26% итальянцев поддерживали отправку оружия Украине². Однако в мае 2022 г. их доля увеличилась до 41%³. Тем не менее Италия, наряду с Болгарией, Венгрией и Словакией, вошла в группу пророссийски настроенных стран. В странах Западной Европы доля людей, поддерживающих помощь Украине вооружением, варьировалась от 67% в Испании до 82% в Финляндии. Аналогичным образом распределяются мнения европейцев об отправке вооруженных сил НАТО в зону конфликта.

¹ Summer 2020 Global Attitudes Survey. Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/12/16/views-of-russia-and-putin-remain-negative-across-14-nations/> (дата обращения: 12.11.2022).

² YouGov Survey Results. A range of possible measures that could be taken in response to the Russia-Ukraine situation. URL: <https://docs.cdn.yougov.com/uwnjn00acz/YouGov%20-%20European%20Reaction%20to%20Ukraine.pdf> (дата обращения: 19.01.2023).

³ Thinking about the conflict in Ukraine, to what extent would support or oppose each of the following? % in each country who support each of the following. YouGov. 05.05.2022. URL: <https://yougov.co.uk/topics/international/articles-reports/2022/05/05/support-ukraine-strong-europe-nations-are-not-unit> (дата обращения: 19.01.2023).

Если среди итальянцев эту меру поддерживает только 25% опрошенных, то среди, например, поляков и литовцев 43 и 51% соответственно.

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос:
«Какая страна представляет наибольшую угрозу миру?» (в % от опрошенных)**

Вариант ответа	2020	2021	2022
Россия	7	7	36
Китай	23	34	13
США	10	8	13
Составлено по: Sondaggio ISPI 2023: gli italiani e la politica internazionale. URL: https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/gli-italiani-e-la-politica-internazionale-37296 (дата обращения: 27.03.2023). Общее количество опрошенных в Италии – 7418 респондентов.			

Данные международных исследований сопоставимы с результатами национальных опросов *ISPI*: в 2022 г. более 30% итальянцев видели в России главную угрозу миру, что отражает рост тревожности из-за военного конфликта.

Сравнительный анализ на основе общеевропейских исследований позволяет констатировать, что итальянцы на фоне других жителей стран – старых членов ЕС в минимальной степени считают Россию ответственной за ситуацию на Украине. Они также возлагают ответственность на НАТО. Только 26% опрошенных итальянцев против 58 и 39% в Великобритании и Германии полностью поддерживали введение дополнительных санкций против России после начала СВО (Табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к введению дополнительных санкций против России?» (в % от опрошенных в каждой стране)

	Великобритания	Германия	Франция	Италия
Полностью поддерживаю	25	24	15	9
Частично поддерживаю	29	26	24	25
Скорее не поддерживаю	12	14	20	20
Совершенно не поддерживаю	12	15	23	19
Составлено по: European University Institute SOU and Solidarity 2022 Fieldwork Dates: 1st – 25th April 2022. URL: https://docs.cdn.yougov.com/nzh66rb605/EUI%20YouGov%20-%20EU%20Politics%20and%20Solidarity%20-%20Defence%202022.pdf (дата обращения: 31.01.2023). Общее количество опрошенных в Европе – 23134, в Италии – 2001 респондентов.				

Что касается перспектив отношений, то мнение итальянцев о возможных направлениях политики Евросоюза в отношении России распределилось практически поровну. Треть респондентов поддерживает укрепление обороноспособности ЕС, а другая треть считает развитие торговых и дипломатических отношений более эффективным¹.

Выводы

Многолетнее сотрудничество Италии и России в различных областях определяло интерес итальянского общества к РФ и способствовало формированию устойчивого положительного имиджа страны. Долгое время Италия оставалась проводником русофильских идей в Евросоюзе даже после присоединения Крыма.

Включение российских вопросов в избирательные программы ведущих партий в 2022 г. говорит о том, что Российская Федерация – значимый партнер Итальянской Республики. Этому способствуют экономические интересы итальянского бизнеса, внутренние противоречия страны, негативная оценка евроинтеграции и участия в НАТО и недовольство ухудшением благосостояния из-за санкций на энергоснабжение.

Популистские партии отражают в своей риторике темы, которые гарантированно привлекут внимание электората и симпатии избирателей, вызовут эмоциональный отклик. Присутствие темы России в публичном дискурсе указывает не только на наличие прочных историко-экономических связей двух стран, которые подкреплены политическим взаимодействием, но и на перспективы дальнейшего сотрудничества.

Успешное взаимодействие в области экономики и культуры, российская помощь в пандемию, а также открытая поддержка (до февраля 2022 г.) России итальянскими политическими лидерами – существенные факторы сохранения пророссийских настроений. Динамика общественного мнения позволяет предположить изменение отношения к России в негативную сторону. Однако сложившийся позитивный образ России может благотворно отразиться на восстановлении взаимодействия двух стран в области политики, экономики и права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бочанов М.А., Старых Н.П. (2015) Имидж России в современных геополитических условиях. *Среднерусский вестник общественных наук*. № 2 (38). С. 76–82.

¹ European University Institute SOU and Solidarity 2022 Fieldwork Dates: 1st – 25th April 2022. URL: <https://docs.cdn.yougov.com/nzh66rb605/EUI%20YouGov%20-%20EU%20Politics%20and%20Solidarity%20-%20Defence%202022.pdf> (дата обращения: 31.01.2023). Общее количество опрошенных в Европе – 23134, в Италии – 2001 респондентов.

Ведерникова М. И. (2019) Имидж России в Европе после присоединения Крыма. *Российская государственность в социальном измерении: теории, идеологии, практики*. Владимирский филиал РАНХиГС, Владимир. С. 90–97.

Гавра Д.П., Науменко К.А. (2020) Российская гуманитарная миссия в Бергамо в борьбе с пандемией коронавируса: отражение в медиадискурсе Италии. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. № 6. С. 77–107. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2020.77107

Галдина Т.А. (2022) Инновационные аспекты российско-итальянских отношений в сфере культурного обмена. *Государственное управление и развитие России: проектирование будущего. Сборник статей международной конференц-сессии*. Т. 3. Издательский дом «НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА», Москва. С. 555–568.

Дейк Т.А. ван. (1989) Язык. Познание. Коммуникация. Прогресс, Москва. 312 с.

Дремова У.В., Узунова Н.В. (2021) Внешнеторговые отношения между Россией и Италией. *Вектор экономики*. № 5(59). DOI 10.51691/2500-3666_2021_5_11

Казула Ф.П. (2009) Теория дискурса и дискурс-анализ: как идеи и символы формируют политику. *Политическая наука*. Вып. 4: Идеи и символы в политике: методологические проблемы и современные исследования. С. 59–78.

Маслова Е.А., Сорокова Е.Д. (2019) Россия – Италия, концептуальный анализ двусторонних отношений. *Современная Европа*. № 1. С. 48–59. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120194859>

Михайленко В.И., Первалова А.А. (2017) Итальянский национальный интерес в обновленной военно-политической стратегии. *Современная Европа*. № 2(74). С. 101–110.

Радькова Т.В. (2017) Формирование образа России в итальянских СМИ. *Российская школа связей с общественностью: ежегодный альманах*. № 10. С. 84–94.

Топорова К.Л. (2019) Тема России в повестке дня ежедневной прессы Италии. *Вестник науки и образования*. № 9–2 (63). С. 41–46.

Филипаци М. (2010) Россия в итальянской печати: искаженный и «отреставрированный» образ. *Политическая лингвистика*. № 4. С. 54–60.

Черепанова Д.А. (2016) Анализ политического имиджа России в итальянских СМИ в условиях международной напряженности. *Современные проблемы взаимодействия российского государства и общества*. Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина, Саратов. С. 43–46.

Arbatova N. (2011) Italy, Russia's voice in Europe. *Russie. Nei. Vissions*. No. 62. URL: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifrirussieitaliearbatovaengsept2011.pdf> (accessed: 19.01.2023).

Diodato E., Niglia F. (2018) *Berlusconi «The Diplomat»: populism and foreign policy in Italy*. Palgrave Macmillan Cham. 226 p. DOI: 10.1007/978-3-319-97262-6

Siddi M. (2012) Italy – Russia relations: politics, energy and other businesses. *East European Studies 4. Eurasian Challenges: Partnerships with Russia and other issues of the post-Soviet area*. Ed. by L. Zsuzsa. Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary. P. 73–92.

Siddi M. (2019) Italy's «Middle Power» approach to Russia. *The International Spectator. Italian Journal of International Affairs*. Vol. 54. Issue 2. P. 123–138. DOI: 10.1080/03932729.2018.1519765

Weiss A.S. (2020) With friends like these: the Kremlin's far-right and populist connections in Italy and Austria. *The return of global Russia*. URL: https://carnegieendowment.org/files/Weiss-Austria__Italy-FINAL.pdf (accessed: 19.01.2023).

Russia in Public Discourse and Public Opinion of Citizens of the Italian Republic**N.M. Velikaya****Doctor of Sciences (Politics)**Institute of Socio-Political Research, Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
6/1, Fotieva St., Moscow, Russia, 119333****E-mail:** natalivelikaya@gmail.com*Author ID РИИЦ: 286986 ORCID: 0000-0001-5532-844X**Researcher ID (WoS): A-9577-2017 Scopus ID: 8438345700***E.Y. Berezkina*****PhD student Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS**Senior lecturer of Plekhanov Russian University of Economics. Moscow, Russia
36, Stremyanniy lane, Moscow, Russia, 117997*****E-mail:** euproskurina@gmail.com*Author ID РИИЦ: 733398 ORCID: 0000-0001-8082-3880*

Abstract. The authors examine the social grounds for the formation of a positive image of Russia in the public opinion of Italy. The purpose of the study is to measure how the attitude of the Italians towards Russia has changed after 2022. The research is based on a secondary analysis of the representative results of sociological surveys of EU citizens and also on the authors' analysis of political public discourse, where the source was the Italian media and the statements of political actors. The stability of the positive image of Russia in Italian public opinion is determined by the stable economic, political and cultural ties between Italy and Russia. The results of the discourse analysis of an extensive database of documents – election programs, materials from the leading social and political media in Italy and statements by Italian politicians – demonstrated a high level of interest of members of the Italian political elite in maintaining stable relations with Russia in various fields. They are representatives of the Italian populist parties among opinion makers and leaders, who influence the formation of a positive image of Russia. The attitude towards the Russian Federation in Italian public opinion has remained positive for a long period of time. The special military operation has significantly changed the perception of Russia, but the Italians still remain its sympathizers compared to citizens of other EU countries.

Key words: image of Russia, political discourse, populist political parties, Italy, Russia, European Union, public opinion, soft power, Russophile, populist parties

DOI: 10.31857/S020170832303004X**EDN:** brgchl**REFERENCES**

Arbatova N. (2011) Italy, Russia's voice in Europe, *Russie. Nei. Vissions*, 62. URL: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifrirussieitaliearbatovaengsept2011.pdf> (accessed: 19.01.2023).

Bochanov M.A., Staryh N.P. (2015) Imidzh Rossii v sovremennyh geopoliticheskikh usloviyakh [The image of Russia in modern geopolitical conditions], *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*, 2(38), pp.76–82. (In Russian).

Cherepanova D.A. (2016) Analiz politicheskogo imidzha Rossii v ital'yanskikh SMI v usloviyakh mezhdunarodnoj napryazhennosti [Analysis of the political image of Russia in the Italian media in the context of international tension], *Sovremennye problemy vzaimodejstviya rossijskogo gosudarstva i obshchestva*, Povolzhskii institut upravleniya im. P.A. Stolypina, Saratov, Russia, pp. 43–46. (In Russian).

Deik T.A. van. (1989) *Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya* [Language, Cognition, Communication]. Progress. Moscow, Russia.

Diodato E., Niglia F. (2018) *Berlusconi «The Diplomat»: populism and foreign policy in Italy*. Palgrave Macmillan Cham. DOI: 10.1007/978-3-319-97262-6

Dremova U.V., Uzunova N.V. (2021) Vneshnetorgovye otnosheniya mezhdru Rossiej i Italiej [Foreign trade relations between Russia and Italy], *Vektor ekonomiki*. 5(59). DOI 10.51691/2500-3666_2021_5_11 (In Russian).

Filipatstsi M. (2010) Rossiya v ital'yanskoy pechati: iskazhennyy i «otrestavrirovanny» obraz [Russia in the Italian Press: the Distorted and Renovated Image], *Politicheskaya lingvistika*, 4, pp. 54–60. (In Russian).

Galdina T.A. (2022) Innovacionnye aspekty rossijsko-ital'yanskih otnoshenij v sfere kul'turnogo obmena. *Gosudarstvennoe upravlenie i razvitie Rossii: proektirovanie budushchego* [Innovative aspects of Russian-Italian relations in the field of cultural exchange. Public administration and Development of Russia: designing the future], *Sbornik statej mezhdunarodnoj konferenc-sessii*. Moscow, Russia, pp. 555–568. (In Russian).

Gavra D.P., Naumenko K.A., (2020) Rossijskaya gumanitarnaya missiya v Bergamo v bor'be s pandemiej koronavirusa: otrazhenie v mediadiskurse Italii [Russian Humanitarian Mission in Bergamo in the Fight against the Coronavirus Pandemic: Reflection in the Italian Media Discourse], *Vestnik Moskovskogo Universiteta*, Serie 10, Journalistika, 6, pp. 77–107. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2020.77107 (in Russian).

Kazula F.P. (2009) Teoriya diskursa i diskurs-analiz: kak idei i simvol'y formiruyut politiku [Discoirse theory and discourse analysis: how ideas and symbol;s are useded to creat politics], *Politicheskaya nauka*. Issue 4: Idei i simvol'y v politike: metodologicheskie problemy i sovremen-nye issledovaniya, pp. 59–78.

Maslova E.A., Sorokova E.D. (2019) Rossiya – Italiya, konceptual'nyj analiz dvustoronnih otnoshenij [Russia – Italy, conceptual analysis of bilateral relations], *Sovremennaya Evropa*, 1, pp. 48–59. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120194859> (In Russian).

Mihajlenko V.I., Perevalova A.A. (2017) Ital'yanskij nacional'nyj interes v obnovlennoj voenno-politicheskoy strategii [Italian national interest in the updated military-political strategy], *Sovremennaya Evropa*, 2(74), pp. 101–110. (In Russian).

Rad'kova T.V. (2017) Formirovanie obraza Rossii v ital'yanskikh SMI [Formation of the Image of Russia in Italian Mass Media], *Rossiyskaya shkola svyazey s obshchestvennost'yu: ezhegodnyy al'manakh*, 10, pp. 84–94. (In Russian).

Siddi M. (2012) Italy – Russia relations: politics, energy and other businesses, in Zsuzsa L. (ed.) *East European Studies 4. Eurasian Challenges: Partnerships with Russia and other issues of the post-Soviet area*, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary, pp. 73–92.

Siddi M. (2019) Italy's «Middle Power» approach to Russia. *The International Spectacor. Italian Journal of International Affairs*, 54(2), pp. 123–138. DOI: 10.1080/03932729.2018.1519765

Toporova K. L. (2019) Tema Rossii v povestke dnya ezhednevnoy pressy Italii [The Theme of Russia on the Agenda of the Italian Everyday Press], *Vestnik nauki i obrazovaniya*, 9-2(63), pp. 41–46. (In Russian).

Vedernikova M.I. (2019) Imidzh Rossii v Evrope posle prisoedineniya Kryma [The Image of Russia in Europe after the Accession of Crimea], in *Rossiyskaya gosudarstvennost' v sotsial'nom izmerenii: teorii, ideologii, praktiki* [Russian Statehood in a Social Dimension: Theories, Ideologies, Practices], Vladimirskii filial RANKhiGS, Vladimir, Russia, pp. 90–97. (In Russian).

Weiss A.S. (2020) With friends like these: the Kremlin's far-right and populist connections in Italy and Austria. *The return of global Russia*. URL: https://carnegieendowment.org/files/Weiss-Austria__Italy-FINAL.pdf (accessed: 19.01.2023).

УДК 327

ПРОБЛЕМА КОСОВО: СЕРБИЯ ПЕРЕД РЕШАЮЩИМ ВЫБОРОМ

© 2023 г. КАНДЕЛЬ Павел Ефимович*

Кандидат исторических наук

Отдел социальных и политических исследований, Институт Европы РАН

125009, Россия, Москва, ул. Моховая ул., 11-3

**E-mail: xrekan@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4333-4276*

Поступила в редакцию 19.02.2023

После доработки 05.04.2023

Принята к публикации 12.04.2023

Аннотация. Тема статьи – соглашения между Белградом и Приштиной, достигнутые 27 февраля 2023 г. в Брюсселе и 18 марта в Охриде при посредничестве ЕС и США. Прослежена хронология процесса, который привел к нынешнему результату. Рассмотрены «Соглашение о пути нормализации отношений между Косово и Сербией» и «Приложение» о его реализации. Проанализирована реакция на данные документы общества и политических сил в Косово и Сербии. На основе результатов социологических опросов выявлено отношение населения к различным способам урегулирования «косовской проблемы», к ЕС, НАТО и России. Внимание обращено на изменение позиции влиятельной Сербской православной церкви и высказано предположение о причинах такого поворота. Предсказана дальнейшая линия поведения лидеров Косово и Сербии, представителей ЕС и США. Не исключен вариант присоединения Сербии к антироссийским санкциям. Масштаб происходящему придает то, что выбирать придется между интересами и эмоциями, между национальной мифологией и материальными благами, между традицией и будущим. Предлагаемый западный вариант – дальнейшее продвижение Сербии в ЕС в обмен на признание ею независимости Косово – означает переформатирование национальной сербской национальной идентичности. Речь идет об историческом выборе, что потребует соответствующей реакции России.

Ключевые слова: Сербия, Косово, нормализация, ЕС, США, А. Вучич, А. Курти

DOI: 10.31857/S0201708323030051

EDN: brptit

В первые месяцы 2023 г. Белград оказался перед сложным внешнеполитическим выбором, который долгое время стремился оттянуть. В сложившейся геополитической ситуации США и ЕС решили добиться от Сербии урегулирования косовской проблемы на своих условиях и заставить ее присоединиться к антироссийским санкциям. Эти планы отвергаются подавляющим большинством сербов, поэтому предстоящие решения имеют серьезные внутривнутриполитические последствия. Сербия стоит перед историческим выбором.

Хронология событий

Летом 2022 г. Приштина инициировала серию провокаций, вызвавших массовое возмущение косовских сербов и рост напряженности в отношениях с Белградом. В ноябре в знак протеста все сербские выборные и должностные лица в Косово, включая сотрудников полиции, подали в отставку, а в городах на севере страны, населенном сербами, неоднократно появлялись баррикады. Инциденты удалось разрешить только после вмешательства США и ЕС. На этом фоне в конце лета сербским и косовским властям направлен разработанный Берлином и Парижем документ, призванный стать основой для возобновления диалога Сербии и Косово и окончательной нормализации их отношений¹. Экспертное сообщество склонялось к мнению, что некоторые части этого проекта скопированы с соглашения ФРГ и ГДР, позволившего им установить и развивать экономические связи без взаимного признания. В декабре обновленная версия плана представлена «на полях» саммита ЕС – Западные Балканы в Тиране. 13 декабря все члены Евросоюза, включая 5 стран, не признающих независимость Косово (Испания, Греция, Кипр, Румыния и Словакия), его приняли. Последним объяснили, что в документе нет прямого признания независимости. В результате франко-германский вариант получил статус европейского. В январе 2023 г. представители «пятерки» (США, Британии, Франции, Германии, Италии) и специальный уполномоченный ЕС по диалогу между Сербией и Косово М. Лайчак посетили обе столицы с целью убедить лидеров подписать соглашение. Президент А. Вучич 20 января встретился с ними в Белграде и заявил, что готов принять план и работать над его реализацией². В прессе появилось изложение неопубликованного документа, по-видимому, чтобы протестировать реакцию общества. Однако даже в собственной Сербской прогрессивной партии (СПС) А. Вучича поддерживали не сразу. По информации некоторых СМИ часть его ближайших сотрудников склонялась к тому, чтобы отклонить западный проект. Главе государства пришлось прибегнуть к сильному средству – пригрозить собственной отставкой, после чего последовала череда заявлений от депутатов, функционеров и партийных комитетов «прогрессистов» с заявлениями о поддержке президента.

¹ О предыстории подробнее см.: [Энтина, 2022: 381–389]

² Francusko-nemački plan o rešavanju pitanja Kosova u 10 tačaka: Šta sve piše u dokumentu o kojem će sutra raspravljati Vučić i Vlada Srbije? URL: <https://www.danas.rs/vesti/politika/sta-pise-u-francusko-nemackom-dokumentu-o-kosovu/> (дата обращения: 28.02.2023).

2 и 3 февраля прошло заседание Народной скупщины, на котором вместо рассмотрения основных параметров франко-германского проекта, чего добивалась националистическая/патриотическая оппозиция и часть прозападной, был представлен отчет правительства о переговорном процессе Белграда и Приштины за прошедший год. А. Вучич заявил, что Сербия поставлена перед безальтернативным выбором между изоляцией, остановкой процесса евроинтеграции, прекращением инвестиций и санкциями, с одной стороны, и согласием со всеми пунктами западного плана – с другой. Несмотря на резкую критику со стороны оппозиции, парламент одобрил правительственный отчет (из 186 присутствовавших депутатов 154 проголосовали «за», 23 – «против», 9 воздержались. В парламенте из 250 мандатов у правящих «прогрессистов» – 120 и «социалистов» – 31 (если не считать близкие им партии), у «демократической» оппозиции – 38, у твердой националистической – 28¹. Таким образом, власть добилась безусловной поддержки только депутатов из правящих партий. Против проголосовали правые националисты, остальным предпочли не участвовать, но в прессе критиковали главу государства.

Премьер-министр Косово А. Курти поначалу требовал прямого признания независимости и отвергал возможность создания Ассоциации сербских муниципалитетов (АСМ). Приштина дала обязательство сделать это по Брюссельским соглашениям 2013 и 2015 гг., но не выполнила его до сих пор, ссылаясь на решение Конституционного суда. Однако Вашингтон и Брюссель продолжали настаивать, что взятые обязательства необходимо исполнить. В конце января американские посольства направили ноту странам-членам Совета Европы, в которой рекомендовали отложить рассмотрение вопроса о приеме Косово в организацию, пока Приштина не сменит подход к формированию АСМ «на конструктивный»².

В итоге 27 февраля после встречи в Брюсселе лидеров Сербии и Косово при участии Ж. Борреля последний объявил: «президент Вучич и премьер-министр Курти сегодня согласились, что никаких дальнейших обсуждений предложения Евросоюза “Соглашения о пути нормализации отношений между Косово и Сербией” не требуется»³. А. Курти создал впечатление, что поддерживает проект западных покровителей. Он заявил, что готов его подписать, но сербская сторона отказалась. Для реализации соглашения сторонам необходимо согласовать «дорожную карту». В качестве основных препятствий выступают АСМ для Приштины и согласие с вступлением Косово в ООН для Белграда. Отсюда следуют направления деятельности западных дипломатов: АСМ постараются придать вид совершенно декоративной общественной организации, лишенной реальных полномочий, а Белград – убе-

¹ Број добијених мандата – XIII сазив Народне скупштине. URL: <http://www.parlament.gov.rs/народна-скупштина/народна-скупштина-у-бројкама.1734.html> (дата обращения: 28.02.2023).

² Вашингтон «рекомендовал» отложить рассмотрение членства Косово в Совете Европы. 31.01.2023. URL: <https://balkanist.ru/vashington-rekomendoval-otlozhit-rassmotrenie-chlenstva-kosovo-v-sovete-evropy/> (дата обращения: 19.03.2023).

³ Боррель сообщил, что Сербия и Косово поддержали подготовленное ЕС соглашение. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17154027> (дата обращения: 19.03.2023).

дить, что вступление Косово в ООН должно быть одобрено Советом Безопасности, что невозможно без согласия РФ и Китая.

Западный проект, в котором широко используется метод «конструктивной двусмысленности», не содержит прямого признания независимости Косово со стороны Сербии, но косвенно он подразумевает именно это. Например, в статье 2 обозначено: «Обе стороны будут руководствоваться целями и принципами Устава ООН, особенно касающимися суверенных прав государств, уважения их независимости, автономии и территориальной целостности, права на самоопределение, защиту прав человека и недискриминации»¹. Возмущение у противников документа среди сербов вызвала статья 4: «Стороны исходят из предпосылки, что ни одна из них не может представлять другую в международной сфере или действовать от ее имени. Сербия не будет противодействовать членству Косово в какой-либо международной организации». В статье 5 добавлено: «Обе стороны будут поддерживать обоюдное стремление стать членами ЕС». В статье 6 подчеркнуто: «Хотя данное основное соглашение представляет важный шаг в нормализации, обе стороны продолжают диалог, проводимый ЕС, с новой энергией, что приведет к юридически обязывающему всестороннему соглашению о нормализации отношений».

Тема, на которой особо настаивали сербские власти, представлена в документе в расплывчатых формулировках, оставляющих широкие возможности для толкования: «Обе стороны выступают за достижение конкретных соглашений, в соответствии с действующими инструментами Совета Европы, используя имеющийся европейский опыт, чтобы обеспечить сербской общности в Косово соответствующий уровень самоуправления и способность предоставлять услуги в конкретных областях, включая возможность финансовой поддержки со стороны Сербии и прямой канал связи сербской общины с правительством Косово. Стороны официально оформят статус Сербской Православной Церкви в Косово и обеспечат высокий уровень защиты сербского религиозного и культурного наследия в соответствии с существующими европейскими моделями». Вместе с тем в статье 10 записано, что обе стороны подтверждают свои обязательства по выполнению всех предыдущих договоренностей. За реализацией соглашения будет следить совместная комиссия под председательством ЕС.

18 марта в Охриде на встрече А. Вучича и А. Курти с Ж. Боррелем и М. Лайчаком после двенадцатичасовых переговоров «дорожную карту» (официально названная «Приложение о реализации Соглашения о пути нормализации отношений между Косово и Сербией») объявили принятой. Как и в случае с Соглашением, это было достигнуто устным согласием лидеров без их подписей. Премьер-министр Косово снова заявил, что хотел подписать документ, а Вучич отказался это сделать. Оба лидера стали вольно интерпретировать принятый текст. А. Курти сказал, что «осуществление соглашений 2013 и 2015 гг. не может и не должно противоречить конституции Косово», «самоуправление сербской общности и АСМ не одно и то

¹ Belgrade-Pristina Dialogue: EU Proposal – Agreement on the path to normalisation between Kosovo and Serbia. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/belgrade-pristina-dialogue-eu-proposal-agreement-path-normalisation-between-kosovo-and-serbia_en (дата обращения: 28.02.2023).

же» и в начатых разговорах на эту тему предстоит еще многое сделать, чтобы прийти к окончательному решению¹. Президент Сербии назвал произошедшее в Охриде «началом тяжелого переговорного процесса» и особо отметил, что Приштина согласилась начать осуществлять положения об АСМ². В Приложении об этом сказано: «Для осуществления статьи 7 Косово немедленно начнет переговоры в рамках диалога при посредничестве ЕС о специальных соглашениях и гарантиях, обеспечивающих соответствующий уровень самоуправления сербской общности, как определено предыдущими соглашениями»³. Белград и Приштина также договорились вскоре подписать Декларацию о поиске без вести пропавших (в ходе конфликта) лиц. В документе указано, что стороны согласились не блокировать применение ни одной статьи соглашения.

Евросоюз со своей стороны обязался не позднее, чем через 150 дней, созвать конференцию доноров для инвестиционной и финансовой помощи Косово и Сербии. Однако выплаты не будут осуществляться, пока Брюссель не определит, что все статьи соглашения полностью реализованы. Мониторинг вверен Совместному комитету под председательством представителя ЕС. Любое неисполнение сторонами взятых ими в рамках Соглашения, Приложения или предыдущих соглашений обязательств может прямо отразиться на процессе их приема в ЕС и его финансовой помощи.

Государственный департамент США и НАТО приветствовали соглашение. Ж. Боррель признал, что первоначальные замыслы Брюсселя были амбициознее. М. Лайчак подтвердил, что в исходном варианте обозначались конкретные стадии и даты, что не нашло понимания у участников переговоров. Лидеры Косово и Сербии, которым пришлось пойти на уступки, имели основания быть довольными. Условно приняв предложенный план, они избежали ситуации, когда в Вашингтоне или Брюсселе одного из них могли обвинить в провале. Вместе с тем каждый из них сохранил относительную свободу в дальнейших переговорах. Однако Брюссель при поддержке Вашингтона может, ссылаясь на статьи документов, принуждать к дальнейшим уступкам, активно используя кнут и пряник, которые описаны вполне конкретно. Оба руководителя, согласившись с тем, что ранее публично отвергали, оказались перед сложной проблемой: как представить произошедшее победой и убедить в этом граждан, учитывая сложную предысторию «косовского вопроса»⁴.

¹ Kurti: Želeo sam da potpišem sporazum i aneks u Ohridu. URL: <https://www.kosovo-online.com/vesti/politika/kurti-zeleo-sam-da-potpisem-sporazum-i-aneks-u-ohridu-19-3-2023> (дата обращения: 19.03.2023).

² Вучич назвал обсуждения в Охриде началом тяжелого переговорного процесса по Косову. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17307497> (дата обращения: 19.03.2023).

³ Имплементациони анекс Споразума о путу нормализације односа између Косова и Србије. Документи. URL: <http://www.nspm.rs/dokumenti/implementacioni-aneks-sporazuma-o-putu-normalizacije-odnosa-izmedju-kosova-i-srbije.html> (дата обращения: 19.03.2023).

⁴ Подробнее см.: [Искендеров, 2015].

Реакция общественности

Оппозиция в Косово и Сербии обвиняла правящих лидеров не только в неэффективности и забвении национальных интересов, но и в нарушении Конституции и государственной измене. В Приштине две крупнейшие оппозиционные силы – Демократическая партия и Демократическая лига – оценили соглашение негативно, но не предложили альтернативы. Только лидер Альянса за будущее Косово Р. Харадинай, который прежде соперничал с А. Курти в исполнении роли *enfant terrible* [Кандель, 2021], на этот раз, видимо, с оглядкой на позицию Вашингтона поддержал принятые документы¹. Один из недавних опросов показал: 75,9% граждан согласны с тем, что «Косово не следует образовывать сообщество муниципалитетов с сербским большинством». 77,9% опрошенных считали, что премьер-министр не должен был принимать подобное условие; 68,1% поддержали позицию, что парламенту нужно отменить соглашение 2013 г., которое предусматривает формирование АСМ, но 26,2% полагали, что нужно гарантировать больше прав сербской общине². На этом фоне А. Курти заявил, что М. Лайчак представил ему 15 различных европейских моделей самоуправления национальных меньшинств, которые будут изучены. Очевидно, что будет выбран наиболее выхолащенный вариант, что позволит говорить об исполнении данного пункта без существенных изменений.

Не меньшую изобретательность проявил А. Вучич, выступивший с серией противоречивых заявлений. С одной стороны, он подчеркивал, что ничего не подписал, с другой – признал, что его устное согласие обязывает Сербию исполнять принятые документы³. Он отмечал, что «красной чертой» является признание Косово и его вступление в ООН, но в документах значится противоположное. Сербские власти указывали на значимость Брюссельского и Охридского соглашений для продолжения евроинтеграции, однако А. Вучич заявил, что не верит в прием его страны в ЕС до 2027 г.⁴ Внимание сконцентрировано на создании АСМ, что позволяет представить Соглашения как победу и завуалировать фактическое признание независимости Косово.

¹ Haradinaj: DPK i DSK neozbiljni, samo galame. URL: <https://www.kosovo-online.com/vesti/politika/haradinaj-dpk-i-dsk-neozbiljni-samo-galame-21-3-2023> (дата обращения: 22.03.2023).

² Газета експрес: Око 76 одсто грађана “Косова” против формирања ЗСО. URL: <http://www.nspm.rs/hronika/gazeta-ekspres-oko-76-odsto-gradjana-kosova-protiv-formiranja-zso.html> (дата обращения: 19.03.2023).

³ Вучич о ходе диалога с Приштиной: Я знаю, под чем могу, а под чем не могу поставить свою подпись. URL: <https://balkanist.ru/vuchich-o-hode-dialoga-s-prishtinoj-ya-znayu-pod-chem-mogu-a-pod-chem-ne-mogu-postavit-svoju-podpis/> (дата обращения: 19.03.2023).

⁴ Александар Вучић: Нисам потписао ни Споразум ни Анекс, не желим да правим међународно-правне споразуме са тзв. Републиком Косово. Србија је спремна да ради на имплементацији до својих “црвених линија”. URL: <http://www.nspm.rs/hronika/aleksandar-vucic-nisam-potpisao-ni-sporazum-ni-aneks-ne-zelim-da-pravim-medjunarodno-pravne-sporazume-sa-republikom-kosovo.html> (дата обращения: 19.03.2023).

Для того чтобы понять причины противоречивых заявлений президента Сербии, необходимо рассмотреть, как косовский сюжет и вступление в ЕС воспринимаются обществом и политическими партиями страны. В последние месяцы проведено несколько замеров общественного мнения разными социологическими центрами как прозападными, так и антизападными. Например, опрос журнала «Новая сербская политическая мысль», оппозиционного и евроскептического, в январе 2023 г. показал следующее: за вступление страны в ЕС – 35,5%, против – 47,7%. Однако при условии признания независимости Косово, за – 9%, против – 79,2%. Вступление в НАТО поддержали 5,1%, против выступили 83,7%. За присоединение к санкциям против России высказались 8,2%, против – 80,1%. В рейтинге доверия отечественным политикам фаворит – А. Вучич (30,6%), а иностранным – В. Путин (25%), В. Орбан (11,3%), Си Цзиньпин (8,2%). На возможных выборах также лидируют правящие партии: СПС А. Вучича – 39,1%, Социалистическая партия Сербии И. Дачича – 10%¹. Схожие цифры получены британской организацией «Общество Генри Джексона» (*Henry Jackson Society*) при Кембриджском университете². По данным опроса министерства по вопросам европейской интеграции Сербии, если бы завтра проводился референдум о вступлении страны в ЕС, 43% проголосовало бы «за», а 32% – «против». Министерство не затрагивало дискуссионные внешнеполитические темы, которые могли бы поставить под сомнение проевропейские настроения граждан. На вопрос, в какой общественной системе они хотят жить, 25% респондентов привели в пример Швейцарию, 20% – ФРГ, 14% – Норвегию и 10% – Россию³.

Неприятие независимости Косово и позитивное отношение к России неразрывно связаны в общественном мнении сербов. Благодарность стране, восстановившей и не раз спасавшей сербскую государственность, представляет основной исторический капитал РФ. Россия не может конкурировать с ЕС и США в качестве донора, инвестора, торгового партнера и работодателя, но она обладает теми преимуществами, которых соперники лишены. Неоднозначная позиция Белграда свидетельствует о том, что А. Вучич опасается игнорировать массовые русофильские настроения, и как показали выборы 2022 г., не напрасно [Кандель, 2022].

На политической сцене действия властей наиболее жесткой критике подвергли правые националистические партии «Двери», «Заветники», Новая демократическая партия Сербии и монархисты, пытавшиеся (безуспешно) инициировать обсуждение

¹ Истраживања јавног мњења. Србија јануар 2023 - СНС на 39,1 одсто. За улазак Србије у ЕУ 35,5%, против 47,7%. Против санкција Русији 80,1 одсто грађана, а подржава 8,2 одсто. НСПМ. 14.02.2023. URL: <http://www.nspm.rs/istrazivanja-javnog-mnjenja/srbija-januar-2023-sns-na-391-odsto-za-ulazak-srbije-u-eu-355-protiv-477-protiv-sankcija-rusiji-801-odsto-gradjana-a-podrzava-82-odsto.html> (дата обращения: 19.03.2023).

² Британское исследование подтвердило непреклонность сербов. 06.02.2023. URL: <https://balkanist.ru/britanskoe-issledovanie-podtverdilo-nepreklonnost-serbov/> (дата обращения: 19.03.2023).

³ Европска Оријентација Грабана Србије. Испитивање јавног мњења (децембар 2022.године). URL: <https://www.mei.gov.rs/srp/informacije/javno-mnjenje/istrazivanje-javnog-mnjenja/> (дата обращения: 19.03.2023).

соглашений в парламенте, а затем призвавшие к массовым уличным протестам. Власти сделали все возможное, чтобы технически помешать протестующим прибыть в столицу, но 18 марта на демонстрации в Белграде вышло не менее 10 000 человек. Примечательна реакция Сербской православной церкви (СПЦ), к которой неоднократно взывали оппозиционеры. Ранее не раз официально осуждавшая любое решение, ведущее к отторжению Косово от Сербии, Церковь (за исключением нескольких иерархов, включая митрополита Черногорско-приморского Иоаникия) промолчала. Более того, патриарх Порфирий выступил с резкой отповедью тем, кто взялся учить церковь, как нужно поступать с Косово, и пытается сделать ее субподрядчиком в их недобронамеренной и лицемерной деятельности¹. Такая смена позиции, помимо свойственного любой православной церкви стремления к «симфонии» со светской властью, может объясняться вполне земными соображениями. В сложившихся обстоятельствах церковь заинтересована в международно-правовых гарантиях своего статуса на территории Косово. Без них дальнейшее существование там сербских церквей и монастырей будет все более проблематичным. Немалую роль играет личность патриарха. В 2014–2021 гг. он занимал пост митрополита Загребско-люблянского, поэтому знает, что значит возглавлять епархию СПЦ в соседних государствах, где доминирует иная религия и сильны антисербские настроения после минувших конфликтов. Подобный взгляд не встретил понимания внутри Церкви. 14 апреля в пасхальном послании патриарх подчеркнул, что «Архиереи и верующие СПЦ... твердо и неизменно придерживаются позиции, что отчуждение Косово и Метохии от государства Сербии прямо или косвенно, *de facto* или *de iure*, неприемлемо»².

Заключение

При сопоставлении двусмысленной позиции А. Вучича и не менее противоречивой картины общественных настроений в стране можно сделать парадоксальный вывод, что они идеально совместимы. Антинатовские настроения, связанные с бомбардировками НАТО в 1999 г., не требуют обоснований. Снижение авторитета ЕС и рост евроскептических настроений понятны на фоне фактически антисербской политики Брюсселя и его попыток диктатом добиться того, что подавляющее большинство сербов считает неприемлемым. Для них первой эмоциональной реакцией на грубый внешний нажим является желание поступить назло, даже если это не сулит выгод, а противник несоизмеримо сильнее. Именно так Сербия повела себя в 1914 и в 1941 гг., заплатив за это непомерную цену жизнями

¹ Патриарх Порфирий: Церковь никогда не отходила от Косово и Метохии и никогда не покидала Косово и Метохию. Никогда, даже сейчас! URL: <https://spc.rs/ru/патриарх-порфирий-церковь-никогда-не/> (дата обращения: 19.03.2023).

² Вакршња посланица Српске Православне Цркве – Српска Православна Црква. URL: <https://spc.rs/vaskrsnja-poslanica-srpske-pravoslavne-crkve/> (дата обращения: 15.04.2023).

граждан. На аналогичную реакцию надеются российские сторонники А. Вучича¹. Однако подобный подход игнорирует эволюцию его взглядов после прихода к власти.

Решительное неприятие отказа от Косово вызвано также тем, что это посягает на запечатленный в народном эпосе и сербской культуре «Косовский завет»² – важный элемент национальной мифологии и самоидентификации³. В этом контексте признание независимости Косово предстает не только несправедливым нарушением целостности государства, а прямым покушением на национальную идентичность. Политик, с именем которого будет связано отречение от Косово, рискует войти Иудой в сербскую историю. Вместе с тем не только национально-государственные, но и повседневные интересы граждан, которые в подавляющем большинстве отправляются на заработки и за образованием в ЕС, побуждают их при рациональном расчете поддерживать ориентацию на вступление в Евросоюз. Таким образом, исторический масштаб происходящему придает то, что Сербии придется выбирать между интересами и эмоциями, между представлениями о справедливости и материальными благами, между традицией и будущим. Предлагаемый вариант – продвижение в ЕС в обмен на Косово – подразумевает переформатирование национальной идентичности⁴.

А. Вучич, судя по всему, сделал свой выбор. Последующая его тактика состоит в том, чтобы придать процессу пофазный характер, сдавая по частям те позиции, которые ранее объявлялись неприкосновенными. Развитие событий ставит перед выбором российскую дипломатию: спасти А. Вучича и облегчить ему задуманное или сохранить важнейшее достояние – русофильские симпатии значительной части сербского общества. Ответ очевиден, если Белград решится присоединиться к западным антироссийским санкциям (А. Вучич и его партнер, лидер социалистов и глава МИД И. Дачич, этого уже не исключают). Однако показательно, что Вашингтон и Брюссель обходят данную тему молчанием, возможно, чтобы дополнительно не усложнять желательное для них урегулирование косовской проблемы. Отношения России и Сербии при правлении А. Вучича могут ухудшиться, если Москва использует право вето при попытке ввести Косово в ООН, но авторитет России среди сербов в долгосрочной перспективе только укрепится.

¹ Олег Бондаренко: Надо очень плохо знать сербов, чтобы полагать, что они прогнутся под внешним давлением. 13.03.2023. URL: <https://balkanist.ru/oleg-bondarenko-nado-ochen-ploho-znat-serbov-chtoby-polagat-chto-oni-prognutsya-pod-vneshnim-davleniem/> (дата обращения: 30.03.2023).

² По преданию, сербскому князю Лазарю накануне битвы с многократно превосходящими силами Османской империи на Косовом поле (1389 г.) явился ангел и предложил ему выбор: либо земное царство и победу над турками, либо мученичество и Царствие Небесное. Лазарь выбрал второе. Так был заключен «Косовский завет», когда сербский народ предпочел вечное – временному, небесное – земному.

³ Историческая память в Сербии. URL: <https://arzamas.academy/materials/1335?ysclid=lg275e818f243967473> (дата обращения: 4.04.2023).

⁴ Об актуальности и значимости темы см.: [Фукуяма, 2019].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вайнштейн Г.И. (2016) *Электоральный фактор в эволюции партийного ландшафта Европы. Электоральные процессы в Европейском союзе (середина второго десятилетия XXI века)*. ИЕ РАН, Москва. С. 11–16.
- Искендеров П.А. (2015) Республика Косово. *Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник*. Нестор-История, Москва; Санкт-Петербург. С. 456–466.
- Искендеров П.А. (2015) *Сербия, Черногория и Албанский вопрос в начале XX века*. Алетейя, Санкт-Петербург. 472 с.
- Кандель П.Е. (2021) Внеочередные парламентские выборы в Косово. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 1. С.134–141. DOI: 10.15211/vestnikieran12021134141
- Кандель П.Е. (2022) Всеобщие выборы в Сербии. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 2. С. 80–89. DOI: 10.15211/vestnikieran220228089
- Никифоров К.В. (2015) Республика Сербия. *Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник*. Нестор-История, Москва; Санкт-Петербург. С. 456–466.
- Фукуяма Ф. (2019) *Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия*. Альпина Пабlishер, Москва. 256 с.
- Энтина Е.Г. (2022) *Незападные Балканы*. Галактика, Москва. 656 с.
- Beha A. (2017) *Between stabilization and democratisation: elections, political parties and intra-party democracy in Kosovo*. Friedrich-Ebert-Stiftung, Prishtina, Serbia. 299 p.
- Orosz A. (2016) *Implementation of the Belgrade-Prishtina dialogue: results, controversies and prospects*. Institute for Foreign Affairs and Trade, Budapest, Hungary. 148 p.

The Kosovo Problem: Serbia Faces a Decisive Choice

P.E. Kandel*

*Candidate of Sciences (History), Department of social and political studies
Institute of Europe, the Russian Academy of Sciences
11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009*

***E-mail:** xpekan@yandex.ru, **ORCID:** 0000-0002-4333-4276

Abstract. The article concentrates on the agreements between Belgrade and Pristina reached on February 27, 2023 in Brussels, and on March 18, 2023 in Ohrid through mediation of the EU and the USA. It also traces the chronology of the process that led to the current result and discusses “The Agreement on the Path to Normalisation of Relations between Kosovo and Serbia” and the “Implementation Annex”. The analysis indicates the perception of the documents by society and political forces both in Kosovo and Serbia. Based on sociological surveys the study examines the attitude towards various ways of resolving the “Kosovo problem”, towards the EU, NATO, and Russia. It also draws attention to the change in the position of the influential Serbian Orthodox Church, and speculates on the reasons for this turn. The article makes an assumption regarding the future course of behavior of the leaders of Kosovo and Serbia along with representatives of the EU and the United States. Whether Serbia joins the anti-Russian

sanctions is an open question. The choice should be made between interests and emotions, national mythology and material goods, tradition and the future. The Western push to further promote accession of Serbia to the EU in exchange for recognition of Kosovo's independence means essential revision of the national Serbian national identity. It is about a historical choice, which will require a corresponding response from Russia.

Key words: Serbia, Kosovo, normalization, EU, USA, A. Vucic, A. Kurti

DOI: 10.31857/S0201708323030051

EDN: brptit

REFERENCES

- Beha A. (2017) *Between stabilization and demokratisation: elections, political parties and intra-party democracy in Kosovo*, Friedrich-Ebert-Stiftung, Prishtina, Serbia.
- Entina, E.G. (2022) *Nezapadne Balkany [Non-Western Balkans]*, Galactika, Moscow, Russia. (In Russian).
- Fukuyama F. (2019) *Identichnost'. Stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatiya* [Identity. The demand for dignity and the politics of resentment]. Alpina Publisher, Moscow, Russia. (In Russian).
- Iskenderov P.A. (2015) Respublika Kosovo [Republic of Kosovo], in Nikiforov K.V. (ed.) *Central'naya i Yugo-Vostochnaya Evropa. Konec XX – nachalo XXI vv. Aspekty obshchestvenno-politicheskogo razvitiya. Istoriko-politologicheskij spravochnik* [Central and South-Eastern Europe. Late XX – early XXI centuries. Aspects of socio-political development. Historical and political science reference book], Nestor-Istoriya, Moscow; Sankt-Petersburg, Russia, pp. 456–466. (In Russian).
- Iskenderov P.A. (2015) *Serbiya, Chernogoriya i Albanskii vopros v nachale XX veka* [Serbia, Montenegro and the Albanian question at the beginning of the 20th century], Aleiteiya, Sankt-Petersburg, Russia. (In Russian).
- Kandel P.E. (2021) Early parliamentary elections in Kosovo, *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 1, pp. 134–141. DOI: 10.15211/vestnikieran12021134141 (In Russian).
- Kandel P.E. (2022) General elections in Serbia. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 2, pp. 80–89. DOI: 10.15211/vestnikieran220228089 (In Russian).
- Nikiforov K.V. (2015) Respublika Serbia, in Nikiforov K.V. (ed.) *Central'naya i Yugo-Vostochnaya Evropa. Konec XX – nachalo XXI vv. Aspekty obshchestvenno-politicheskogo razvitiya. Istoriko-politologicheskij spravochnik*. [Republic of Serbien. Central and South-Eastern Europe. Late XX-early XXI centuries. Aspects of socio-political development. Historical and political science reference book], Nestor-Istoriya, Moscow; Sankt-Petersburg, Russia, pp. 254–283. (In Russian).
- Orosz A. (2016) *Implementation of the Belgrade-Prishtina dialogue: results, controversies and prospects*, Institute for Foreign Affairs and Trade, Budapest, Hungary. 148 p.
- Vajnshtejn G.I. (2016) Elektoral'nyj faktor v evolyucii partijnogo landshafta Evropy. [Electoral factor in the evolution of the European party landscape], in Shveitser V.Ya., Plevako N.S. (ed.) *Elektoral'nye processy v Evropejskom soyuze (seredina vtorogo desyatiletija XXI veka)* [Electoral processes in the European Union (The Middle of the XXI Century Second Decade)], IE RAN, Moscow, Russia, pp. 11–16. (In Russian).

УДК 341.96

СОДЕЙСТВИЕ ЕС В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ИОРДАНИИ

© 2023 г. ШУГУРОВ Марк Владимирович*

*Доктор философских наук, доцент,
главный научный сотрудник лаборатории проблем правового регулирования
научной и инновационной деятельности Алтайского государственного
университета. 656049 Россия, г. Барнаул, пр. Социалистический, 68*

**E-mail: shugurovs@mail.ru*

Поступила в редакцию 16.01.2023

После доработки 29.03.2023

Принята к публикации 12.04.2023

Аннотация. Особенностью политики современной Иордании в условиях дефицита природных ресурсов и проблем социально-экономического характера стало стимулирование развития сектора исследований и разработок, а также формирование эффективной инновационной системы. Цель статьи заключается в концептуальном осмыслении приоритетов, основных направлений, форм и результатов содействия Евросоюза научно-технологическому и инновационному развитию Иордании с 2010-х гг. по настоящее время. Результатом исследования стало раскрытие синергии содействия ЕС в реализации политики Иордании по усилению ее конкурентоспособности в сфере науки, технологий и инноваций в форме программ и проектов на многостороннем и двухстороннем уровне. В статье обоснован вывод о противоречивом характере результатов данного содействия, что проявилось в наращивании научно-исследовательского потенциала Иордании при одновременной незаинтересованности ЕС в интеграции страны в глобальные цепочки добавленной стоимости. Это приводит к торможению ее экономического развития и замедлению развития национальной инновационной системы.

Ключевые слова: Европейский союз, Иордания, содействие развитию, научно-техническое сотрудничество, инновационная система, Средиземноморское партнерство

DOI: 10.31857/S0201708323030063

EDN: brrdjs

В число направлений внешней политики Евросоюза входит международное сотрудничество в сфере науки, технологий и инноваций (*science, technology, innovation/STI*) (далее – НТИ) с третьими странами. В статье исследуются отношения между ЕС и Иорданским Хашимитским Королевством в сфере НТИ. Выбор в качестве предмета исследования данного вектора внешней научно-технической политики Брюсселя обоснован следующими факторами. Во-первых, несмотря на то что Иордания далеко не самая передовая страна в ближневосточном регионе не только в сфере экономики, но и в сфере НТИ, она имеет заметный политический вес в арабском мире. Во-вторых, для страны характерна политическая воля к развитию в условиях отсутствия достаточных объемов энергетических, водных и минеральных ресурсов. В-третьих, в качестве ресурса для прорыва в экономической сфере Иордания рассматривает достижения в сфере НТИ, в т. ч. ставшие возможными вследствие активизации международного сотрудничества. Согласно недавно проведенному обзору, иорданцы полагают, что наиболее важная область сотрудничества между Евросоюзом и Королевством – это экономика: 46% заявили, что не менее важно сотрудничество с ЕС в области исследований и инноваций [Rosshandler, 2021: 131]. Этот вектор необходим для технологической модернизации производственного сектора, что позволит перейти к производству и экспорту высокотехнологичной продукции и услуг.

Цель статьи – раскрыть систему приоритетов, основных направлений, форм и результатов содействия ЕС научно-технологическому и инновационному развитию Иордании с точки зрения их эффективности с 2010-х гг. по настоящее время.

Политико-правовые аспекты научно-технического сотрудничества ЕС и Иордании

Научно-техническое сотрудничество ЕС и Иордании, его формы и тематические направления представляют собой составную часть системного партнерства. Оно включает оказание помощи в решении проблем социально-экономического развития, которые во многом обострились из-за притока палестинских и сирийских беженцев. Обилие программ и финансовых инструментов поддержки показывает, что ЕС «является основным и самым надежным партнером и сторонником Иордании и иорданцев»¹. Партнерство Евросоюза и Иордании базируется на общих интересах, включая содействие миру, стабильности и социально-экономическому развитию. В его основе находится Соглашение об ассоциации 1997 г.², вступившее в

¹ Report on EU–Jordan relations in the framework of the revised European Neighbourhood Policy (2018-2019). SWD(2019) 383 final (Brussels, 15.10.2019). P. 8. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/jordan/report-eu-jordan-relations-framework-revised-european-neighbourhood-policy-0_en (дата обращения: 03.02.2023).

² The Euro-Mediterranean Agreement establishing an Association between the European Communities and their Member States, of the one part, and the Hashemite Kingdom of Jordan, of the other part (24 November 1997). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02002A0515%2802%29-20210901> (дата обращения: 17.07.2022).

силу в 2002 г. Оно представляет собой правовую основу для политического, экономического (создание зоны свободной торговли), социального, научного и культурного сотрудничества в рамках Евро-средиземноморского партнерства.

Ключевой инструмент развития различных отраслей экономики Иордании в направлении повышения их наукоемкости и высокотехнологичности – поддержка со стороны ЕС развития сектора НТИ. Результаты функционирования последнего, а именно знания и технологии, выступают рычагом, который обеспечит переход к экономике и обществу знаний. Речь идет о задаче воплотить «треугольник знаний», под которым Организация экономического сотрудничества и развития понимает синергию сферы исследований и разработок (*R&D*), образования и производственного сектора.

Ассиметричный характер научно-технологического потенциала ЕС и Иордании нашел отражение в формулировках ст. 64 «Научно-техническое сотрудничество» Соглашения об Ассоциации 1997 г. Например, в качестве цели указано поощрение усилий по установлению прочных связей между научными сообществами Сторон, а в качестве средств ее достижения – обеспечение доступа Иордании к программам исследований и разработок Союза. В специальном двухстороннем Соглашении 2011 г. о сотрудничестве в сфере исследований и разработок¹ к основным целям научно-технического сотрудничества отнесены расширение и активизация взаимодействия в областях, представляющих общий интерес, а также поощрение использования результатов сотрудничества во взаимных экономических и социальных интересах. Не меньшее значение имеет открытие европейского исследовательского пространства для Иордании как страны-партнера. В дополнение к этому согласно п. с) Договора между ЕС и Иорданией (*EU-Jordan Compact*)² Стороны намерены продолжать содействовать исследованиям и разработкам, а также сотрудничать в области возобновляемых источников энергии, энергоэффективности и устойчивости экономики Королевства в соответствии с целями стратегического видения «Иордания–2025»³.

Сотрудничество осуществляется в контексте политики Евросоюза в южном и восточном регионах Средиземноморья, которая предусматривает сокращение демографического давления на Европейский континент посредством повышения жизненного уровня населения в странах-поставщиках мигрантов, расширение рынков сбыта, создание условий для успешной конкуренции с США и государствами Азиатско-Тихоокеанского региона за влияние на Ближнем Востоке [Федорченко, 2010: 271]. Ключевую роль играют интересы обеспечения безопасности Евросоюза, что предполагает превращение Южного и Восточного Средиземноморья в буферную зону

¹ Agreement between the European Community and the Hashemite Kingdom of Jordan on Scientific and Technological Cooperation. Official Journal of the European Union L 159. 17.06.2011. P. 108–113.

² EU-Jordan Compact. JOIN(2016) 41 final (Brussels, 19.09.2016). Annex EU-Jordan Partnership Priorities plus Compact. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/system/files/2018-12/partnership_priorities_2016-2018_and_their_annexed_eu-jordan_compact.pdf (дата обращения: 10.01.2023).

³ Jordan–2025: National Vision and Strategy (29 March 2014). P. 54–57. URL: <http://jordanembassyus.org/sites/default/files/jo2025part1.pdf> (дата обращения: 10.01.2023).

[Sarto, 2021: 148; Zajac, 2014: 101–124]. Тем не менее расширение партнерства в сфере НТИ способно внести вклад как в процесс формирования региональной идентичности, так и в решение социально-экономических проблем. В этой связи важно, во-первых, определить научно-технологические потребности Иордании, а, во-вторых, раскрыть, в какой форме и в какой степени их удовлетворяет взаимодействие с ЕС.

Достижения и проблемы научно-технологического и инновационного развития Иордании

Научно-техническая и инновационная политика Иордании интенсивно реализуется с 2010-х гг. и направлена на превращение страны в инновационное общество. Стратегическое планирование в Иордании в сфере НТИ¹ дополняется разработкой и реализацией программ и планов общего и отраслевого характера. В Плане экономического роста на 2018–2022 гг.² акцент на научно-технологической компоненте замечен в отношении практически всех секторов экономики, на развитие которых направлены соответствующие меры государственной политики (водный сектор, энергетика, сельское хозяйство).

Научно-технологические приоритеты Иордании связаны с такими областями, как водный сектор, агропромышленный комплекс, атомная энергетика, возобновляемые источники энергии, транспорт, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), фармацевтика и здравоохранение. Страна ставит амбициозную цель создать инновационное общество, что предполагает формирование инновационной системы. О состоянии последней можно судить по целому ряду исследований. С. Султан и Л. Соете отмечали, что «эффективные процессы передачи технологий все еще находятся в стадии разработки, а государственные инициативы по стимулированию взаимного обогащения между промышленностью и академическими учреждениями предпринимаются недостаточно интенсивно и не очень эффективны» [Sultan, Soete, 2012: 324]. Эксперты сделали вывод, что построение инновационной национальной системы в Иордании должно быть нацелено на достижение открытости глобальным знаниям, реформирование университетов и научно-исследовательских организаций, развитие бизнес-инкубаторов и продвижение ИКТ.

Результатом реализации Национальной инновационной стратегии на 2013–2017 гг. стало создание основных звеньев инновационной системы, например Национального центра инноваций³. Координирующим органом ее развития и реализации государственной научно-технической политики выступает Высший совет

¹ Jordan National Innovation Strategy 2013–2017 (January 2013). URL: http://www.hcst.gov.jo/sites/default/files/sti_policy_and_strategy_2013-2017_executive_summary.pdf (дата обращения: 17.07.2022).

² Jordan Economic Growth Plan/JEGP 2018–2022 (1 January 2018). URL: <https://www.ssif.gov.jo/UploadFiles/JEGPProgramEnglish.pdf> (дата обращения: 16.06.2022).

³ Jordan Innovation Centre (JIC). URL: <http://nci.jo/> (дата обращения: 17.12.2022).

Иордании по науке и технологиям, учрежденный в 1987 г.¹ Под его эгидой в 2009 г. и при содействии Экономической и социальной комиссии ООН для Западной Азии создана Обсерватория науки, технологий и инноваций, на основе которой функционирует всеобъемлющая база исследований и разработок². К институтам развития, финансирующим исследования и разработки, относится Фонд поддержки научных исследований, Фонд научных исследований и профессионального обучения, а также различные венчурные компании. Среди последних *Oasis500*³ создает для начинающих предпринимателей реальные возможности для доступа к финансированию.

Важным достижением стало формирование инфраструктуры ИТ-сектора, включающей технологический инкубатор *iPARK*⁴. Главное условие успеха последнего заключается в его относительной независимости от средств международных доноров, что позволяет проводить долгосрочную стратегию за рамками логики, характерной для ориентированных на международных спонсоров проектов [Haddad, Benner, 2021: 6].

Успехи в развитии инновационной системы в Иордании еще не оказали серьезного воздействия на экономический рост, что заключается не только в сохранении экономических проблем, связанных с недостатком инвестиций, недиверсифицированностью экономики и внешней торговли, но и в слабых сторонах инновационной системы. К ним относятся низкий уровень инновационной активности малого и среднего бизнеса, «утечка умов», доминирование поддерживаемых государством фундаментальных исследований над прикладными, чрезвычайно низкий уровень экспорта высоких технологий, отсутствие эффективного трансфера технологий [HCST, Nesta, 2019: 49].

В исследовании «Состояние национальной инновационной системы Иордании: точка зрения ключевых акторов», выводы которого опираются на результаты анкетирования участников инновационной системы, выделены следующие слабые моменты: множество дублирующих друг друга инновационных планов и программ, неразвитость отношений между университетами и промышленностью, слабый дух предпринимательства и боязнь риска, незначительность объема внутреннего рынка Иордании [Alwedan, 2022: 8]. Следует признать обоснованной рекомендацию по расширению использования ИКТ в процессе осуществления инновационной деятельности и диверсификации инновационного развития. Однако в условиях бюджетных ограничений, а также финансовой и политической нестабильности для этого необходимы дополнительные объемы инвестиций. Таким образом, Иордания заинтересована в активном использовании возможностей, которые открывает ее партнерство с ЕС в сфере *R&D* и коммерциализации полученных технологий. Вместе с тем вне интеграции в мировую экономику [Benner, 2020: 137] формирование в Иордании инновационного общества и экономики знаний невозможно.

¹ Jordan Higher Council for Science and Technology. URL: <http://www.hcst.gov.jo/> (дата обращения: 25.12.2022).

² Jordan Observatory of Science, Technology and Innovation. URL: <http://hcst.gov.jo/en/node/628> (дата обращения: 17.11.2022).

³ Oasis500 (Jordan). URL: <https://oasis500.com/en/> (дата обращения: 28.12.2022).

⁴ iPark (Jordan). URL: <https://www.ipark.jo/> (дата обращения: 28.12.2022).

Сотрудничество Иордании и ЕС в рамках научно-технологического измерения Барселонского процесса

Сотрудничество Иордании с ЕС в сфере НТИ, как и других развивающихся государств средиземноморского региона, осуществляется в многостороннем и двустороннем форматах. В первом случае это Барселонский процесс, или Евро-средиземноморское партнерство. В декларации 1995 г., заложившей основы Союза для Средиземноморья (*Union for the Mediterranean, UfM*), заявлены готовность к укреплению научно-исследовательского потенциала, содействие подготовке научно-технических кадров и поощрения участия в совместных исследовательских проектах на основе создания научных сетей¹. В Каирской декларации «На пути к Евро-средиземноморскому пространству высшего образования и исследований» 2007 г. провозглашается необходимость взаимосвязанного решения задачи по модернизации сектора *R&D* и задачи по формированию инновационных систем².

На реализацию целей упрочения международного научно-технического сотрудничества в рамках научной дипломатии на уровне Средиземноморского региона направлены различные проекты и программы. Насчитывается 66 многосторонних проектов с участием Иордании в 2015–2022 гг. при поддержке программы «Горизонт 2020» (*Horizon 2020*) (2014–2020 гг.), Европейского научного совета и иных европейских научных учреждений и фондов³. По оценке ОЭСР, Тунис и Марокко лидируют по участию в программах *Horizon 2020*, а Тунис и Иордания – по объему финансирования⁴. Это свидетельствует о том, что Иордания находится на достаточно продвинутом уровне сотрудничества с ЕС в сфере НТИ.

Специальный многосторонний проект «Диалог по исследованиям и инновациям на Ближнем Востоке» (*Middle East Research and Innovation Dialogue, MERID*) (2014–2018 гг.) предполагал комплексные действия по активизации, поощрению и дальнейшему структурированию сотрудничества в области исследований и инноваций ЕС с государствами Ближнего Востока. Его реализация открыла для Иордании возможность для интеграции в устойчивые международные сети исследовательских центров ближневосточного региона и вхождения в пространство исследо-

¹ Barcelona declaration adopted at the Euro-Mediterranean Conference (28.11.1995). URL: <https://ufmsecretariat.org/wp-content/uploads/2015/10/Declaracion-de-Barcelona-1995.pdf> (дата обращения: 17.07.2022).

² Cairo Declaration “Towards a Euro-Mediterranean Higher Education and Research Area” (18 June 2007). URL: http://ec.europa.eu/research/iscp/pdf/policy/cairo_declaration.pdf (дата обращения: 7.02.2023).

³ EU-funded research projects involving Jordan. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/strategy/strategy-2020-2024/europe-world/international-cooperation/jordan_en#projects-and-results (дата обращения: 17.07.2022).

⁴ OECD. Progress Report “Regional Integration in the Union for the Mediterranean region” (May 27, 2021). Ch. 5 Research and Higher Education. P. 193. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/325884b3-en.pdf?expires=1676036325&id=id&accname=guest&checksum=4F7F4938B01043A371B8A8780AD69159> (дата обращения: 7.02.2023).

ваний Евросоюза¹. Дополнением стал проект «Средиземноморский портал науки, политики, исследований и инноваций»², направленный на повышение качества Евро-средиземноморского исследовательского пространства с акцентом на создание диалоговой и координационной платформы государственных учреждений, исследовательских организаций, ассоциаций и НПО.

Ключевое достижение многостороннего партнерства – создание и функционирование организационно-функциональных структур. Среди них базовое значение имеет Платформа сотрудничества ЕС и Средиземноморья в области исследований и инноваций³, нацеленная на упрочение творческого сотрудничества исследователей Средиземноморского региона на основе сетевого взаимодействия. Вместе с Директоратом Европейской комиссии по исследованиям и инновациям на заседаниях Платформы сопредседательствует Высший совет Иордании по науке и технологиям. Это расширяет возможности страны по интеграции в многостороннее сетевое взаимодействие, что содействует усилению ее научно-исследовательского и инновационного потенциала.

В связи с тем, что сельскохозяйственный сектор Средиземноморья в последние годы страдает от нехватки воды и снижения урожайности, в 2017 г. создано Партнерство для исследований и инноваций в Средиземноморском регионе (*Partnership for Research and Innovation in the Mediterranean Area, PRIMA*). Оно задумывалось, как площадка для совместной борьбы с экологическими и социальными изменениями, вызванными изменением климата⁴. Иордания стала государством-участником Партнерства в 2016 г., что содействовало ее дальнейшему структурированному сотрудничеству с ЕС и с развивающимися странами региона. *PRIMA* дает возможность интернационализировать «треугольник знаний», одновременно содействуя концентрации исследований на конкретных социальных проблемах, связанных с окружающей средой.

Успешный пример международного сотрудничества в рамках рассматриваемого нами формата демонстрирует расположенная в Иордании установка синхротронного излучения *SESAME*⁵. Этот многосторонний международный центр предоставляет возможность проводить исследования мирового уровня в сфере медицины, биологии, материаловедения, физики, химии, здравоохранения, окружающей среды и ар-

¹ Periodic Reporting for period 2 – MERID (Middle East Research and Innovation Dialogue) (2016–2018). URL: <https://cordis.europa.eu/project/id/645846/reporting> (дата обращения: 17.07.2022).

² Mediterranean Science, Policy, Research & Innovation Gateway Objective (01.02.2013–31.07.2017). URL: <https://cordis.europa.eu/project/id/311780> (дата обращения: 17.07.2022).

³ UfM Regional Platform in Research and Innovation. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/strategy/strategy-2020-2024/europe-world/international-cooperation/mediterranean_en (дата обращения: 17.08.2022).

⁴ Partnership for Research and Innovation in the Mediterranean Area (PRIMA). URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/research-area/environment/prima_en (дата обращения: 17.12.2022).

⁵ Synchrotron-Light for Experimental Science and Applications in the Middle East (SESAME). URL: <https://www.sesame.org.jo/> (дата обращения: 12.02.2023).

хеологии. Научно-технологическим приоритетам Иордании соответствует партнерство *SFS-MED* (устойчивые продовольственные системы)¹, рассчитанное на осуществление обмена знаниями, опытом и навыками в сфере функционирования продовольственных систем в Средиземноморском регионе.

В 2010–2022 гг. многостороннее научное партнерство в стратегических областях привело к заметному укреплению международных научных связей в Средиземноморском регионе. Однако остаются следующие проблемы: «утечка умов», недостаточный уровень расходов на сферу *R&D*, невысокий уровень инновационного развития и встраивания в глобальные цепочки добавленной стоимости. Следствием стало сохранение социально-экономических проблем.

Отмеченные пробелы свидетельствуют о недостаточной зрелости пространства НТИ *UfM*. Проекты по Рамочным программам ЕС в основном ориентированы на финансирование европейских команд, работающих со средиземноморскими странами-партнерами. Это приводит к асимметричному характеру научно-технологического сотрудничества из-за различий в исходных ресурсах и доступе к оборудованию и инфраструктуре. В Иордании наука развивается главным образом в рамках университетов, сотрудники которых значительное время затрачивают на преподавание, а не на исследования, что снижает их научно-исследовательский потенциал и, как следствие, заинтересованность со стороны европейских ученых в сотрудничестве. К другой проблеме относится фрагментированный характер пространства исследований и разработок в рамках Барселонского процесса [Soler, Perez-Porro, 2021: 13].

Существование проблем не означает, что потенциал многостороннего формата сотрудничества исчерпан. В совместной статье в «Джордан Таймс» (*Jordan Times*) М. Габриэль, комиссар ЕС по инновациям, исследованиям, культуре, образованию и молодежи, и В. Овайс, министр высшего образования и научных исследований Иордании, отметили, что «будущее заключается в совместной работе, поиске инновационных решений для общих проблем»².

О развитии международного научно-технического сотрудничества свидетельствует конференция министров государств Средиземноморского союза по вопросам НТИ (27 июня 2022 г.)³. В Министерской декларации, принятой на конференции⁴, выделены направления по укреплению сотрудничества по использованию по-

¹ SFS-MED Platform (18 January 2021). URL: <https://www.oneplanetnetwork.org/knowledge-centre/projects/sfs-med-platform> (дата обращения: 18.12.2022).

² Gabriel M., Owais W. 25 years of EU-Mediterranean research and innovation partnership – going from strength to strength (25 June 2022). URL: <https://www.jordantimes.com/opinion/mariya-gabriel-and-wajih-owais/25-years-eu-mediterranean-research-and-innovation-partnership> (дата обращения: 11.02.2023).

³ UfM Ministers launch a new Research and Innovation Agenda for the Mediterranean region (27 June 2022). URL: <https://ufmsecretariat.org/ministerial-conference-research-innovation-2022/> (дата обращения: 12.07.2022).

⁴ First Union for the Mediterranean Ministerial Conference on Research and Innovation. Declaration (27 June 2022). URL: <https://ufmsecretariat.org/wp-content/uploads/2022/06/UfM-Ministerial-Declaration-RI-EN-270622.pdf> (дата обращения: 17.07.2022).

тенциала исследований и инноваций. В ней признается необходимость уравнивания правил игры и интенсификация сотрудничества в области открытости науки и данных, а также усилий по формированию инновационных систем. В этом контексте необходимо обратить внимание на новую амбициозную Повестку дня Евро-средиземноморского сотрудничества¹. Тем не менее она направлена прежде всего на решение основных задач, стоящих перед ЕС, на основе увеличения инвестиций в экономику партнеров по Барселонскому процессу и усиления интеграции в сфере НТИ. Повестка акцентирует внимание на новаторских возможностях перехода к зеленым и цифровым технологиям при опоре на набор финансовых и организационных инструментов, например на Экономический и инвестиционный план для Южного соседства. Он предполагает увеличение торговли и инвестиций для поддержки конкурентоспособности и инклюзивного роста средиземноморских партнеров ЕС. Однако в экспертной среде высказываются сомнения в новизне и результативности Повестки². В случае реализации негативных прогнозов возможна кумуляция проблем в научно-технологическом и экономическом развитии государств-бенефициаров европейской поддержки.

Двустороннее научно-техническое сотрудничество ЕС и Иордании

Ключевые проекты, поддерживаемые Евросоюзом с 2010-х гг., как и более ранние проекты, отражают систему основных приоритетных секторов государственной политики Иордании в сфере НТИ (водный сектор, энергетика, ИКТ, продовольствие, здравоохранение), которые постепенно обогащаются новыми направлениями (например, развитие сектора ИКТ, технологии Индустрии 4.0). На расширение научно-технического партнерства ЕС и Иордании в области исследований водных ресурсов, а также на наращивание потенциала для решения конкретных водных проблем направлен проект «Интегрирование Иордании в европейское исследовательское пространство» (*Integrating Jordan into the European Research Area, IJERA*) (2011–2012 гг.)³. Он предусматривает одновременную интеграцию страны в исследовательское пространство ЕС и в более «рыхлую» евро-средиземноморскую зону исследований. В результате реализации проекта произошло укрепление потенциала Центрального отдела мониторинга и исследований окружающей среды Королевского научного общества Иордании с последующим его превращением в международный центр передового опыта. Способом решения водных проблем выступала координация между

¹ Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the regions “Renewed partnership with the Southern Neighbourhood. A new Agenda for the Mediterranean”. JOIN(2021) 2 final (Brussels, 9.02.2021). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=JOIN:2021:2:FIN> (дата обращения: 15.07.2022).

² Moran J. How new is the EU's new agenda for the Mediterranean? (03.03.2021). URL: <https://www.ceps.eu/how-new-is-the-eus-new-agenda-for-the-mediterranean/> (дата обращения: 16.07.2022).

³ Integrating Jordan into the European Research Area/IJERA (2011–2012). URL: <https://cordis.europa.eu/project/id/266514> (дата обращения: 11.07.2022).

исследовательским и деловым секторами, что говорит о нацеленности на выстраивание отраслевой инновационной цепи, предполагающей одновременно разработку водных технологий и их коммерциализацию¹.

В число наиболее успешных программ входит проект «Наращивание потенциала в области ветровой и концентрированной солнечной энергии» (*Wind Energy and Concentrated Solar Power, WECS*)² (2011–2014 гг.). Его цель – стимулирование рационального и устойчивого использования альтернативных источников энергии в Иордании и поддержка Национального центра энергетических исследований. Испытательные и опытные ветроустановки, введенные в эксплуатацию в ходе проекта и подключенные к национальной электросети, доказали свою высокую эффективность и продемонстрировали перспективность данного направления энергетики.

В настоящее время сектор *R&D* более сопряжен с производством в рамках единой инновационной системы, поэтому привычное международное сотрудничество в сфере научной и научно-технической деятельности интегрировано с международным сотрудничеством в сфере инноваций. Эта закономерность проявляется во взаимодействии ЕС и Иордании, что особенно характерно для 2010–2020 гг. К этому вектору относится проект «Поддержка исследований и технологических разработок и инновационных инициатив и стратегий в Иордании» (2007–2010, 2011–2013 гг.)³, который со-финансировался ЕС и Высшим советом Иордании по науке и технологиям. Цель проекта – содействие увеличению вклада исследований и технологических разработок и инноваций в экономический рост и создание новых рабочих мест в Иордании, а также ее выход на европейские рынки технологических разработок. Исследования и разработки на основе грантов были сфокусированы на следующих четырех областях: водном секторе, энергетике, продовольствии, здравоохранении. Одновременно поддержка оказывалась центрам трансфера технологий. На втором этапе реализации проекта усилия были сосредоточены на повышении потенциала возможных участников Программы *Horizon 2020*⁴.

На формирование инновационной системы Иордании, отвечающей современным вызовам Индустрии 4.0., направлена программа «Инновации для роста предприятий и создания рабочих мест» («Инновационная Иордания»), финансируемая Европейским союзом и рассчитанная на 2020–2024 гг.⁵ Ее цель – поддержка инно-

¹ Periodic Report Summary 2 – IJERA (Integrating Jordan into the European Research Area). URL: <https://cordis.europa.eu/project/id/266514/reporting> (дата обращения: 14.07.2022).

² EU funded project: Capacity Building in Wind Energy and Concentrated Solar Power (WECS). URL: <http://ncrd.gov.jo/?q=eu-projects> (дата обращения: 10.08.2022).

³ Support to Research, Technological Development and Innovation in Jordan Project – Second Phase (SRTD II). URL: <http://www.hcst.gov.jo/en/node/22> (дата обращения: 15.07.2022).

⁴ The second phase of an EU-funded project to support applied research in Jordan and identify research needs has concluded with an event showcasing its achievements (13 February 2017). URL: <https://horizon2020projects.com/pr-knowledge-innovation/project-integrate-jordan-eu-research-co-operation-concludes/> (дата обращения: 03.05.2022).

⁵ Innovate Jordan / EU Neighbours. South. URL: <https://www.euneighbours.eu/en/south/stay-informed/opportunities/innovate-jordan> (дата обращения: 13.08.2022).

ваний, генерируемых и коммерциализируемых частным сектором. Они направлены на обеспечение инклюзивного экономического развития, а также на формирование благоприятной инновационной экосистемы и цифровой экономики с последующим выходом на международные рынки при опоре на инновационный центр цифровизации Иордании (*InJo4.0*)¹.

Ключевым фактором динамичного развития современной инновационной экономики, включая Индустрию 4.0, продолжает оставаться эффективно функционирующая система передачи технологий. В этой связи при поддержке ЕС сформулированы рекомендации для разработчиков политики в области передачи технологий [El-Zoheiry et al., 2020: 24–26]. В документе предложены меры по уменьшению административных препятствий для стартапов, повышению ценности результатов исследований за счет создания цепочки стоимости для поддержки малого и среднего предпринимательства.

Тезис о системе приоритетов научно-технической политики Иордании как определяющего фактора ее внешней научно-технической политики, в т. ч. ее проектно-программного взаимодействия с ЕС, подтверждают итоги 5-го заседания Совместного комитета ЕС и Иордании по научно-техническому сотрудничеству (7 декабря 2020 г.)². Одна из тем – расширение участия Иордании в Рамочной программе исследований и инноваций *Horizon Europe*, поддержка исследователей в подаче заявок на участие в ее конкурсах по таким направлениям, как продовольствие, биоэкономика, природные ресурсы, сельское хозяйство, здравоохранение.

Реализация значительного ряда совместных программ и проектов позволила Иордании достичь значимых успехов в сфере биотехнологий, энергетики, ИКТ и др. Несмотря на техническую помощь Евросоюза в проведении экономических реформ, Иордания не смогла укрепить позиции на мировых рынках высокотехнологичной продукции. Это можно объяснить тем, что иорданская политическая элита неэффективна в проведении экономических реформ. Однако не менее значимы особенности торгово-экономических связей ЕС и Иордании. Как аргументирует К. Росшандлер, стране нужны дорогостоящие товары, произведенные в Европе, такие как машины и транспортное оборудование, в то время как Европе не нужны самые дорогие товары Иордании, например химикаты и фармацевтические препараты [Rosshandler, 2021: 134], что приводит к дисбалансу торгово-экономических отношений. Экономическое сотрудничество с Иорданией не приносит крупных прибылей и не дает скорой отдачи [Демченко, 2013: 128], поэтому содействие развитию научно-технологического и инновационного потенциала страны, предпринимаемое ЕС, не приводит к экономическому эффекту, который ожидает иорданская сторона.

¹ The European Union and SAM Engineering to establish a Jordan Industry 4.0 Innovation Centre (August 17, 2020). URL:

<https://www.euneighbours.eu/en/south/stay-informed/news/european-union-and-sam-engineering-establish-jordan-industry-40-innovation> (дата обращения: 13.08.2022).

² 5th EU-Jordan Joint S&T Cooperation Committee (14 December 2020). URL: https://ec.europa.eu/info/news/5th-eu-jordan-joint-science-technology-cooperation-committee-2020-dec-14_en (дата обращения: 19.08.2022).

На решение отмеченных проблем направлены новые Приоритеты партнерства ЕС и Иордании на 2021–2027 гг.¹ В частности, предусмотрено, что модернизация, экологизация и диверсификация иорданской экономики будут усилены за счет поддержки инновационного роста, обмена знаниями, продолжения совместной работы по укреплению торговых и инвестиционных отношений. Судить о скором воплощении «треугольника знаний» в пространстве сотрудничества ЕС и Иордании в экономической сфере и сфере НТИ пока преждевременно, но ясно, что Иордания в процессе поиска точек роста экономики не надеется только на ЕС и США. Королевство обращает внимание на Евразийский экономический союз [Шугуров, 2022]. Интерес иорданской стороны вызывает расширение не только торгового, но и производственного сотрудничества с ЕАЭС в высокотехнологичных отраслях. Во многом это призвано компенсировать недостатки экономического сотрудничества с ЕС и с США.

Заключение

Поддержка Евросоюзом сектора исследований и разработок в Иордании соответствует духу Барселонского процесса. Главным итогом содействия в формате многосторонних и двухсторонних программ и проектов стало усиление потенциала сектора НТИ в стране. Однако сотрудничество с ЕС не привело к решению системных проблем экономического развития Иордании и повышению ее экспортного потенциала. Это отражено в том, что успехи в научно-техническом сотрудничестве более значительны по сравнению с успехами в экономическом сотрудничестве. Данное расхождение снижает как эффективность использования результатов научно-технического сотрудничества (знания и технологии), так и интенсивность развития иорданской инновационной системы и экономики. Соответственно, рассмотренное содействие имеет главным образом политический характер. Между тем инновационная система Иордании, призванная стать драйвером экономического роста, в силу узости внутреннего рынка может быть эффективной только в случае интегрированности в глобальные цепочки добавленной стоимости. Это достаточно трудная задача по сравнению, например, с повышением научно-исследовательского потенциала на основе реализации проектов и программ, поддерживаемых Евросоюзом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Демченко А.В. (2013) Российско-иорданские отношения в начале XXI века: достижения, проблемы и перспективы. *Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика*. № 3. С. 100–138.

Федорченко А.В. (2010) Экономическая интеграция на Ближнем Востоке: достижения или упущенные возможности? *Вестник МГИМО-Университета*. № 10. С. 266–275.

¹ EU-Jordan Partnership Priorities 2021-2027 (Brussels, 25 May 2022). URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-3304-2022-ADD-1/en/pdf> (дата обращения: 17.07.2022).

Шугуров М.В. (2022) Перспективы сотрудничества ЕАЭС и Иордании в научно-технологической и производственной сферах: правовые аспекты. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. № 5. С. 82–91. doi: 10.24412/2227-7315-2022-5-82-91

Alwedan S. (2022) The State of the National Innovation System of Jordan: Key Actors Perspective. *Dirasat. Human and Social Sciences*. Vol. 49. No. 5. Supplement 1. P. 73–86.

Benner M. (2020) *A New Arab Social Contract? Institutional Perspectives for Economic Reform in Arab Countries*. Springer, Cham, Switzerland. 192 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-19270-9>

El-Zoheiry A., Hudson J., Beiras M. (2020) *Technology Transfer in Jordan 2019–2020*. European Commission Joint Research Centre, Brussels, Belgium. DOI: 10.2760/727519

Haddad C., Benner M. (2021) Situating Innovation Policy in Mediterranean Arab Countries: A Research Agenda for Context Sensitivity. *Research Policy*. Vol. 50. No. 7. DOI: 10.1016/j.respol.2021.104273.

HCST, Nesta (2019) *Understanding the Jordan's Innovation System*. HCST, Amman, Jordan. 51 p.

Rosshandler K.Sh. (2021) Reflections on EU-Jordanian Cooperation: Towards Tertiary Economics. *EuroMeSCo Euromed Survey*. Vol. 11. P. 128–137.

Sarto R.A. (2021) *Del Borderlands: Europe and the Mediterranean Middle East*. Oxford University Press, Oxford, UK. 196 p.

Soler M.G., Perez-Porro A. (2021) *Science and Innovation Diplomacy in the Mediterranean*. Union for the Mediterranean, Barcelona, Spain. 18 p.

Sultan S.S., Soete L. (2012) Innovation for Development: the Case of Jordan. *Dirasat. Administrative Sciences*. Vol. 39. No. 2. P. 321–327.

Zajac J. (2014) *European Union Policy in the Mediterranean: An International Roles Theory Approach*. University of Warsaw Press, Warsaw, Poland. 205 p.

The EU Assistance in Solving the Problem of Scientific and Technological Development of Jordan

M.V. Shugurov*

Doctor of Sciences (Philosophy), Docent

Chief Researcher of Laboratory for Problems of Legal Regulation

of Scientific and Innovation Activities, Altai State University

68, Socialist Ave., Barnaul, Russia, 656049

***E-mail:** shugurovs@mail.ru

Abstract. The peculiarities of the policy of contemporary Jordan in light of shortages of natural resources and problems of a socio-economic nature include stimulation of the research and development sector, as well as the creation of an effective innovation system. The purpose of the article is to conceptualize the priorities, main directions, forms and results of the European Union's assistance to scientific, technological and innovative development of Jordan since 2010s. The study reveals the synergy of EU assistance in the implementation of Jordan's policy to strengthen its competitiveness in the field of science, technology and innovation in the form of programs and projects at the multilateral and bilateral level. The article substantiates the conclusion about the contradictory nature of the results of this assistance. While it increases the research potential of Jordan, the EU is not interested in integrating the country into global value chains. This

leads to a slowdown in its economic development and simultaneously to a slowdown in the development of the national innovation system due to the lack of effective commercialisation of knowledge and technologies in the national and international markets. Jordan's integration into the European Research Area involves solving a number of problems, for example, participation in the process of establishing priorities for regional cooperation in science and technology.

Key words: European Union, Jordan, development assistance, scientific and technical cooperation, innovation system, Mediterranean partnership

DOI: 10.31857/S0201708323030063

EDN: brrdjs

REFERENCES

- Alwedan S. (2022) The State of the National Innovation System of Jordan: Key Actors Perspective, *Dirasat. Human and Social Sciences*, 49(5), Supplement 1, pp. 73–86.
- Benner, M. (2020) A New Arab Social Contract? Institutional Perspectives for Economic Reform in Arab Countries, Cham, Springer, Switzerland.
- Demchenko A.V. (2013) Rossijsko-iordanskije otnosheniya v nachale XXI veka: dostizheniya, problemy i perspektivy [Russian-Jordanian relations at the beginning of the 21st century: achievements, problems and prospects], *Moscow University Bulletin. Ser. 25. International relations and world politics*, 3, pp. 100–138. (In Russian).
- El-Zoheiry A., Hudson J., Beiras M. (2020) *Technology Transfer in Jordan 2019–2020*, European Commission Joint Research Centre, Brussels, Belgium. DOI: 10.2760/727519
- Fedorchenko, A.V. (2010) Ekonomicheskaya integraciya na Blizhnem Vostoke: dostizheniya ili upushchennye vozmozhnosti? [Economic integration in the Middle East: achievements or missed opportunities?], *Bulletin of MGIMO-University*, 10, pp. 266–275. (In Russian).
- Haddad, C., Benner, M. (2021) Situating Innovation Policy in Mediterranean Arab Countries: A Research Agenda for Context Sensitivity, *Research Policy*, 50(7), 104273. DOI: 10.1016/j.respol.2021.104273
- HCST, Nesta (2019) *Understanding the Jordan's Innovation System*. HCST, Amman, Jordan.
- Rosshandler K.Sh. (2021) Reflections on EU-Jordanian Cooperation: Towards Tertiary Economics, *EuroMeSCo Euromed Survey*, 11, pp. 128–137.
- Sarto R.A.del (2021) *Borderlands: Europe and the Mediterranean Middle East*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Shugurov M.V. (2022) Perspektivy sotrudnichestva EAES I Iordanii v nauchno-tehnologicheskoy I proizvodstvennoy sferah: pravovye aspekty [Prospects for cooperation between the EAESI Jordan in the scientific, technological and industrial spheres: legal aspects], *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 5, pp. 82–91. DOI: 10.24412/2227-7315-2022-5-82-91 (In Russian).
- Soler M.G., Perez-Porro A. (2021) *Science and Innovation Diplomacy in the Mediterranean*. Union for the Mediterranean, Barcelona, Spain.
- Sultan S.S., Soete L. (2012) Innovation for Development: the Case of Jordan. *Dirasat. Administrative Sciences*, 39(2), pp. 321–327.
- Zajac J. (2014) *European Union Policy in the Mediterranean: An International Roles Theory Approach*, University of Warsaw Press, Warsaw, Poland.

УДК 339.97; 334.74.025

ПОДДЕРЖКА МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В ЦЕЛЯХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЕС

© 2023 г. **ПЛАТОНОВА Ирина Николаевна***

Доктор экономических наук, профессор

*Кафедра международных экономических отношений и
внешнеэкономических связей им. Н.Н. Ливенцева, МГИМО МИД России*

119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76

***E-mail:** *irplato56@mail.ru*

ORCID 0000-0003-1448-3587 SCOPUS ID 57203123680

© 2023 г. **КАРЕВА Александра Олеговна****

Аспирант МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76

****E-mail:** *kareva.a.o@my.mgimo.ru*

Поступила в редакцию 22.12.2022

После доработки 27.03.2023

Принята к публикации 12.04.2023

Аннотация. В статье проанализированы меры поддержки малых и средних предприятий (МСП) в целях устойчивого развития ЕС. Раскрыты теоретические подходы к сущности и характеристикам Концепции устойчивого развития, которые стали основанием для разработки программ в Европе с участием МСП. Раскрыто стремление европейских стран к снижению экологического следа на основе сочетания коллективных действий в рамках Евросоюза и мер по «озеленению» производственных процессов. Раскрыты место и роль МСП в реализации 17 Целей устойчивого развития ООН. Выделены меры по устойчивому развитию, число которых в странах-членах ЕС-27 существенно возросло за три последних года. Они касаются совершенствования регулирования деятельности МСП; их доступа к ресурсам в соответствии со Стратегией участия МСП в целях устойчивой и цифровой Европы; поддержки внедрения инноваций в экологической и социальной сферах использования технологий замкнутого цикла и безотходного производства, которые представляют интерес для российской практики. Источниковую

базу составили данные международных организаций, международных агентств, нормативные документы Еврокомиссии.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, устойчивое развитие, экологический след, экологические инновации, меры поддержки, Европейский союз

DOI: 10.31857/S0201708323030075

EDN: brspne

Участие малых и средних предприятий (МСП) в развитии современной глобальной экономики предполагает выявление характеристик среды и условий, которые обеспечивают устойчивое развитие как отдельных стран и регионов, так и всего мира. В Евросоюзе роль малого и среднего бизнеса в достижении устойчивого развития определяется значимостью в обеспечении населения рабочими местами, снижении бедности и социального расслоения. Несмотря на замедление темпов экономического роста в ЕС, МСП активно участвуют в достижении целей в области устойчивого развития. Цель статьи – проанализировать формы поддержки предприятий экологически направленного малого и среднего бизнеса в странах Евросоюза, которые участвуют в достижении целей устойчивого развития и выполнении зеленой повестки ЕС. В России развитие малого и среднего предпринимательства является приоритетным, поэтому исследование мер поддержки МСП позволяет предложить рекомендации по их использованию в российских условиях.

Теоретические аспекты концепции устойчивого развития и европейская политика в области устойчивого развития

Европейская политика устойчивого развития сформировалась под влиянием глобального подхода. Во второй половине 1990-х гг. в Европе получило распространение понятие экологических инноваций. Под ними понимают внедрение инновационных технологических процессов в производство, способных уменьшить негативное воздействие на окружающую среду, а также использование новых форм управления и методов ведения бизнеса¹, что соответствует концепции устойчивого развития [Parrilli et al., 2022]. Подход закреплен в Экоинновационном плане действий ЕС [Бобошко, 2006]. В плане указаны семь направлений действий:

- 1) политика и регулирование;
- 2) демонстрационные проекты и партнерства;
- 3) стандарты и целевые показатели;
- 4) финансирование и поддержка МСП;
- 5) международное сотрудничество;
- 6) новые навыки и рабочие места;
- 7) европейские инновационные партнерства.

Для мониторинга прогресса в сфере экологических инноваций стран-членов ЕС разработан комплекс показателей (Табло экоинноваций и Индекс экоинноваций,

¹ О зеленом бережливом подходе в МСП см. [Siegel et al., 2019].

включающий 16 индикаторов)¹, который позволяет сравнить отдельные страны Евросоюза, выявить их сильные и слабые стороны. Например, в 2021 г. лидерами по значению индекса экологических инноваций стали Люксембург (значение индекса – 171), Финляндия (157), Австрия (150), Дания (150), Швеция (142), Германия (133), Франция (127), Испания (125) и Нидерланды (124). Значение индекса для ЕС составило 121.

Принятая в Гетеборге в 2001 г. Европейская стратегия устойчивого развития была обновлена в 2006 г.² и обозначила семь ключевых проблем, которым соответствуют следующие основные задачи:

- 1) ограничить процесс изменения климата и связанные с ним издержки и негативные последствия для общества и окружающей среды;
- 2) обеспечить соответствие транспортных систем экономическим, социальным и экологическим потребностям общества при уменьшении их нежелательного влияния на экономику, общество и окружающую среду;
- 3) продвигать устойчивые модели потребления и производства;
- 4) совершенствовать управление природными ресурсами и избегать их чрезмерной эксплуатации с учетом ценности экосистемных услуг;
- 5) способствовать здоровью населения при равном доступе к здравоохранению и улучшать защиту от угроз здоровью;
- 6) создать инклюзивное общество, обеспечить и повысить качество жизни граждан, что является необходимым условием устойчивого индивидуального благополучия;
- 7) продвигать по всему миру устойчивое развитие и обеспечить соответствие внутренней и внешней политик ЕС глобальным принципам устойчивого развития и международным обязательствам.

За десятилетия сложилась система потребления глобальных ресурсов, в которой 20% населения, проживающего в богатых странах, потребляет 80% мировых ресурсов. Их недостаточная переработка отрицательно влияет на загрязнение окружающей среды. Для измерения разницы между потребляемыми ресурсами и производством отходов используется показатель экологического следа. Он показывает уровень потребления человечеством биосферы.

Показатели экологического следа и биоемкости, мониторинг которых осуществляет организация «Глобальная сеть экологического следа» (*Global Footprint Network*)³, позволяют отследить соотношение наличия природных ресурсов и потребности в них. Показатель экологического следа отражает использование про-

¹ The eco-innovation scoreboard and the eco-innovation index. European Commission. 2021. URL: https://ec.europa.eu/environment/eoap/indicators/index_en (дата обращения: 20.06.2022).

² Review of the EU Sustainable Development Strategy (EU SDS) – Renewed Strategy. Council of the European Union. Brussels, 26 June 2006. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-10917-2006-INIT/en/pdf> (дата обращения: 20.06.2022).

³ Ecological Footprint. Global Footprint Network. URL: <https://www.footprintnetwork.org/our-work/ecological-footprint/> (дата обращения: 20.04.2022).

дуктивных территорий, экологические активы, необходимые для производства потребляемых природных ресурсов и абсорбирования отходов. Боемкость является продуктивностью экологических активов. Если экологический след в регионе ниже боемкости, то наблюдается экологический резерв, в противном случае – экологический дефицит. Единицей измерения служат глобальные гектары, т. е. стандартизированные гектары со среднемировой продуктивностью. Кроме того, используется показатель «глобальные гектары на человека», что позволяет производить международные сравнения.

Высокие позиции европейских стран в области потребления глобальных ресурсов сочетаются со все большим уровнем переработки отходов и сокращением выбросов в атмосферу углекислого газа и снижением экологического следа (ЭС)¹. В 2005 г. у целого ряда стран Евросоюза ЭС был существенно выше среднего уровня по ЕС, составляющего 4,7 га/чел. Показатель существенно выше среднеевропейского (выше 5,5 га/чел.) в Дании, Эстонии, Ирландии, Греции и Испании. Ряд европейских стран имеют средний уровень ЭС – от 5,5 до 4,0 га/чел. (Бельгия, Германия, Финляндия, Польша и др.), а у Болгарии, Литвы, Латвии, Словакии и Румынии экологический след – ниже 3,5 га/чел. С 2007 по 2016 гг. установилась тенденция к постепенному снижению экологического следа на человека в ЕС-28 при относительно стабильной боемкости и, как следствие, снижению показателя экологического дефицита² (рис. 1).

Актуальность проблем устойчивого развития европейской экономики отражена в Договоре о Европейском союзе от 13 декабря 2007 г.³ Сочетание коллективных действий с внедрением принципов устойчивого развития в национальные программы и стратегии должно способствовать реализации концепции Целей в области устойчивого развития (ЦУР) ООН до 2030 г., которые включают 17 целей и 169 соответствующих задач⁴.

Коллективные действия стран ЕС в реализации экологической повестки в промышленности позволяют сократить выбросы в атмосферу, осуществить декарбонизацию энергетического сектора и экономики в целом, а к 2050 г. добиться

¹ Living planet report 2008. WWF. URL: <https://wwf.ru/en/resources/publications/booklets/living-planet-report-2008/> (дата обращения: 25.04.2022).

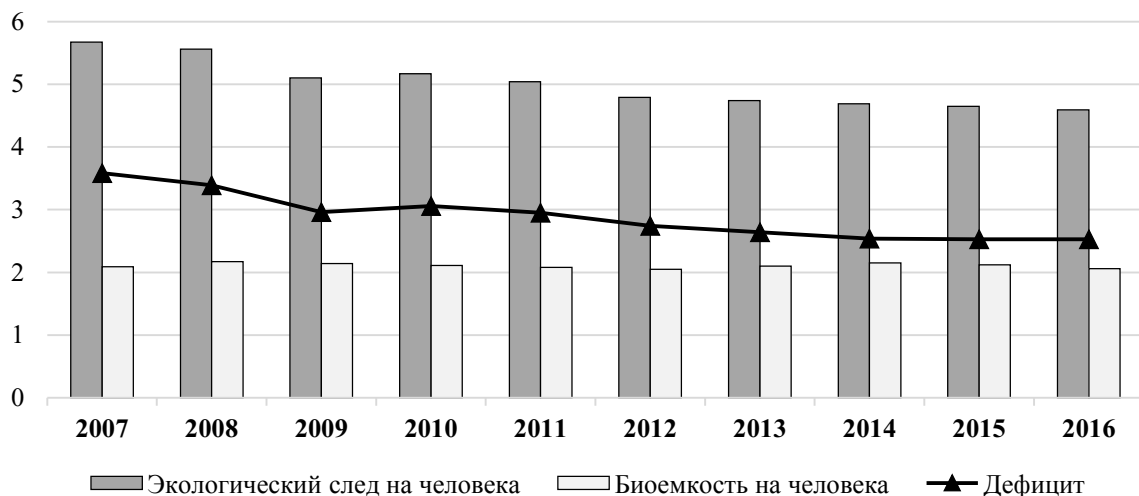
² Статистика Европейского агентства по окружающей среде ежегодно измеряет экологический след на человека в каждой стране ЕС. См. Ecological footprint, biocapacity and ecological deficit per person in Europe, 1961-2016. European Environment Agency. URL: <https://www.eea.europa.eu/data-and-maps/indicators/ecological-footprint-of-european-countries-2/assessment> (дата обращения: 20.06.2022).

³ Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community. 13.12.2007. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/treaty/lis/sign> (дата обращения: 25.06.2022).

⁴ Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015. 70/1. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. General Assembly, United Nations. 21.10.2015. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_70_1_E.pdf (дата обращения: 25.06.2022).

Рис. 1.

Экологический след, биоемкость и дефицит, глобальные гектары на человека, ЕС-28

Составлено на основе данных Европейского агентства по окружающей среде (European Environment Agency). URL: <https://www.eea.europa.eu/data-and-maps/indicators/ecological-footprint-of-european-countries-2/assessment> (дата обращения: 20.06.2022).

углеродной нейтральности¹. Меры по «озеленению» производственных процессов в Евросоюзе должны сократить вредные выбросы в атмосферу к 2030 г. на 55% по сравнению с уровнем 1990 г. Нарращиванию инвестиций на эти цели будет способствовать поэтапное введение пошлин в 2023–2026 гг. с учетом величины углеродного следа в продукции, ввозимой в ЕС. Отдельные страны, например Германия, форсировали этот процесс и перенесли запуск национальной системы торговли выбросами с 2023 г. на 2021 г. ФРГ установила стартовую цену квоты на уровне 25 евро/т и предусмотрела ее ежегодное увеличение на 5 евро с установлением в 2026 г. коридора в 55–65 евро/т [Белов, 2021]. Малый и средний бизнес во многих странах Евросоюза выступает крупным потребителем национальных ресурсов и создает около 50% добавленной стоимости², поэтому его участие в экологизации производственных процессов может существенно повлиять на выполнение климатической повестки к 2050 г.

¹ The European Green Deal. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:b828d165-1c22-11ea-8c1f-01aa75ed71a1.0002.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 25.04.2022).

² SME Performance Review Annual Report 2021/2022. European Commission. Brussels, 20 June 2022. URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/smes/sme-strategy/sme-performance-review_en (дата обращения: 20.07.2022).

Участие компаний малого и среднего бизнеса в обеспечении устойчивого развития ЕС

В условиях постепенного замедления экономического роста существенно возрастает роль предприятий малого и среднего бизнеса в достижении ЦУР. В 2017 г. прирост ВВП Евросоюза составил 2,6%, в 2018 г. – 2,0%, в 2019 г. – 1,5%. Восстановление экономического развития предполагается не ранее середины 2022 г. [Бажан, 2021]. Исследование степени вовлеченности МСП в странах ЕС в реализацию общеевропейских программ в сфере экологической устойчивости показывает, что 34% компаний уже разработали стратегию или план действий по переходу к принципам устойчивости, 40% рассматривают эту возможность в будущем, а 30% разрабатывают устойчивые товары и услуги¹.

Значимость роли малых и средних предприятий в реализации 17 ЦУР ООН определяется положительным результатом, достигнутым с их участием. Создавая качественные рабочие места и производя товары и услуги, МСП обеспечивают экономический рост (Цель 8, 11), помогают ликвидировать бедность (Цель 1) и снизить уровень неравенства, включая гендерное (Цели 5, 10). Компании малого и среднего бизнеса способствуют производству продовольствия (Цель 2), предоставлению услуг в сфере образования (Цель 4), водоснабжения и санитарии (Цель 6), здравоохранения (Цель 3), внедрению зеленых технологий (Цель 7, 13), устойчивых практик (Цели 12, 14, 15), новых технологий и инноваций; содействуют разработке новых товаров и услуг (Цель 9). Благодаря использованию этических деловых практик и обеспечению занятости, МСП вносят вклад в предотвращение преступности (Цель 16). Участие в государственно-частных партнерствах и предоставление данных для мониторинга достижения ЦУР соответствуют Цели 17. Аналитики Организации экономического сотрудничества и развития и Всемирного банка подчеркивают, что микро-, малые и средние предприятия играют ключевую роль в достижении основного принципа Повестки 2030 «не оставить никого позади» (*leaving no one behind*)².

Коррективы в реализацию зеленой повестки в ЕС внесла пандемия *COVID-19*, которая, с одной стороны, привела к снижению выбросов парниковых газов в атмосферу, а с другой – сделала очевидной необходимость поддержки предприятий МСП как работодателей и важных участников производственных процессов [Платонова, Карева, 2020].

Международный торговый центр предлагает «Зеленый план восстановления» (*The Green Recovery Plan*), в котором отмечает, что участие МСП в зеленом вос-

¹ Flash Eurobarometer 486. SMEs, start-ups, scale-ups and entrepreneurship. European Commission. 09.2020. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/api/deliverable/download/file?deliverableId=73546> (дата обращения: 15.04.2022).

² SMEs and SDGs: challenges and opportunities. OECD Development Matters. OECD. 23.04.2019. URL: https://oecd-development-matters.org/2019/04/23/smes-and-sdgs-challenges-and-opportunities/#_ftn5 (дата обращения: 15.07.2022).

становлении способствует реализации ЦУР и выгодно компаниям и обществу в целом¹.

В марте 2020 г. Еврокомиссия разработала Стратегию участия МСП в целях устойчивой и цифровой Европы². Она направлена на поддержку европейских компаний путем укрепления их возможностей по достижению углеродной нейтральности, помощь по вопросам дигитализации, снижение регуляторных барьеров, улучшение доступа к финансированию. Анализ положений документа позволяет соотнести основные проблемы у МСП в ЕС с направлениями мер, которые будут предприняты для перехода к устойчивым цифровым моделям.

Первое направление Стратегии включает помощь малым и средним предприятиям во внедрении цифровых инноваций в товары, процессы и бизнес-модели, если МСП сталкиваются с трудностями в сфере экологии и решении социальных вопросов. Европейский инновационный совет выделит средства на стимулирование прорывных инноваций, способствующих достижению целей Зеленого пакта для Европы.

Второе направление подразумевает свободное ведение бизнеса в Евросоюзе и за его пределами благодаря снижению административных барьеров. Как показывает анализ практики функционирования МСП, они сталкиваются со следующими проблемами: сложностями при экспорте товаров и услуг за пределы ЕС, банкротством в связи с несвоевременным поступлением выручки, сложными административными процедурами. Для их решения ЕС предлагает меры, которые включают развитие партнерств среди пограничных регионов с целью координации и усовершенствования правил и процедур трансграничного предоставления услуг, введение инструментов мониторинга и стимулирование ускоренного развития высокотехнологичных МСП и стартапов.

В основе третьего направления лежит улучшение финансового механизма, который должен способствовать решению проблемы доступа МСП к рынкам капитала и развитию венчурного финансирования в Европе.

Согласно данным Евробарометра по МСП, зеленым рынкам и ресурсоэффективности, опубликованного в марте 2022 г., компания, относящаяся к малым и средним предприятиям, в среднем создает 67 т выбросов CO_2 , в то время как крупная компания – 20 027 т, однако за счет большого количества МСП в экономике их общая доля в выбросах всех компаний составляет 63%³. Этот факт объясняет важную роль компаний малого и среднего бизнеса в решении экологических проблем.

¹ Новая оценка роли МСП содержится в отчете Международного торгового центра «Перспективы конкурентоспособности МСП» 2021 г. В нем подчеркнута необходимость поддержки их восстановления после пандемии таким образом, чтобы компании были готовы к грядущему климатическому кризису. См: SME Competitiveness Outlook 2021. International Trade Centre. 22.06.2021. URL: <https://www.intracen.org/smeco2021> (дата обращения: 15.07.2022).

² SMEs strategy for a sustainable and digital Europe. European Commission. 03.2020. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/sme-strategy-launched-european-commission> (дата обращения: 15.07.2022).

³ Flash Eurobarometer 498. SMEs, green markets and resource efficiency. European Commission. 03.2022. URL:

Среди мер, важных для перехода компаний малого и среднего бизнеса ЕС к принципам устойчивости, выделяется зависимость между уровнем информированности предприятий о доступности финансовых инструментов и внедрением принципов экономики замкнутого цикла [Chatzistamoulou, Tyllianakis, 2022]. Наиболее часто выделяют недостаточность мер, предпринимаемых государствами и гражданским обществом, для решения проблем социально-экономического развития и защиты окружающей среды с акцентом на наиболее уязвимые группы населения [Kapitsa, 2020]. Исследователи также рассматривают влияние политики государств-членов по защите окружающей среды на стоимость долга при оценке компаний МСП в энергетическом секторе [Cariola et al., 2020]. В условиях двойного перехода в ЕС подчеркивается взаимосвязь политики зеленого развития и использования цифровых технологий [Denicolai et al., 2021]. Более 10% компаний МСП в Евросоюзе отмечают, что переход к устойчивым практикам может быть неприбыльным, а также констатируют нехватку соответствующих навыков¹.

Исследование и оценка актуальных мер поддержки, принимаемых странами ЕС-27 в контексте участия МСП в устойчивом развитии, позволяет проанализировать возможность их адаптации к условиям российской экономики. С этих позиций интерес представляет база данных Еврокомиссии по мерам экономической политики, связанным с развитием малого и среднего бизнеса, по странам-членам ЕС-27. Она ежегодно публикуется в рамках исследования развития МСП (*SME Performance Review*). В таблице 1 представлены меры, которые были приняты, внедрены или анонсированы в 2019, 2020 и 2021 гг. Сортировка стран выполнена в порядке возрастания количества мер в рамках устойчивого развития.

Анализ мер экономической политики позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, используемая Еврокомиссией классификация позволяет выделить отдельные группы, которые можно отнести к сфере устойчивого развития, в частности к экологическим и социальным аспектам. Поддержка МСП способствует достижению устойчивого развития, стимулирует экономическую активность, ведет к созданию рабочих мест и росту доходов населения.

Во-вторых, в странах ЕС-27 количество мер поддержки МСП в 2019 г. в среднем составляло 8,4 меры, в то время как в 2021 г. – 30,4. Среднегодовой темп прироста общего количества мер (*CAGR 2019–2021*) – 89,8%. В 2021 г. 20,0% мер относилось к сфере цифровизации и инноваций; 18,5% – к улучшению доступа к финансированию и решения проблемы задержки платежей; 15,1% – к сфере экологических и социальных аспектов устойчивого развития; 11,9% – к сфере административных и регуляторных барьеров; 10,1% – к сфере создания среды для стартапов и их роста (развитие скейлапов), по 6,8% – к сфере развития навыков и действия националь-

<https://europa.eu/eurobarometer/api/deliverable/download/file?deliverableId=81023> (дата обращения: 20.04.2022).

¹ Flash Eurobarometer 486. SMEs, start-ups, scale-ups and entrepreneurship. European Commission. 09.2020. URL:

<https://europa.eu/eurobarometer/api/deliverable/download/file?deliverableId=73546> (дата обращения: 15.04.2022).

Таблица 1

Меры стран ЕС, направленные на поддержку малого и среднего бизнеса в 2019-2021 гг.¹

Страна	2019 г.			2020 г.			2021 г.		
	Все меры поддержки МСП, число	Меры устойчивого развития		Все меры поддержки МСП, число	Меры устойчивого развития		Все меры поддержки МСП, число	Меры устойчивого развития	
		число	доля, %		число	доля, %		число	доля, %
Ирландия	11	0	0,0%	13	0	0,0%	43	16	37,2%
Чехия	9	1	11,1%	14	0	0,0%	14	4	28,6%
Словакия	10	1	10,0%	16	2	12,5%	25	6	24,0%
Бельгия	6	0	0,0%	20	2	10,0%	37	8	21,6%
Швеция	2	0	0,0%	9	1	11,1%	19	4	21,1%
Германия	14	5	35,7%	19	4	21,1%	34	7	20,6%
Румыния	10	1	10,0%	40	1	2,5%	31	6	19,4%
Греция	8	0	0,0%	16	1	6,3%	32	6	18,8%
Финляндия	3	0	0,0%	8	0	0,0%	11	2	18,2%
Хорватия	7	0	0,0%	14	1	7,1%	17	3	17,6%
Дания	7	0	0,0%	13	2	15,4%	29	5	17,2%
Франция	1	0	0,0%	7	2	28,6%	12	2	16,7%
Люксембург	15	1	6,7%	42	1	2,4%	26	4	15,4%
Италия	8	2	25,0%	23	1	4,3%	40	6	15,0%
Болгария	8	0	0,0%	18	0	0,0%	27	4	14,8%
Нидерланды	4	0	0,0%	15	0	0,0%	14	2	14,3%
Кипр	10	0	0,0%	15	1	6,7%	18	2	11,1%
Мальта	4	0	0,0%	7	1	14,3%	27	3	11,1%
Австрия	10	2	20,0%	22	1	4,5%	37	4	10,8%
Испания	9	0	0,0%	15	2	13,3%	30	3	10,0%
Литва	6	0	0,0%	15	1	6,7%	20	2	10,0%
Венгрия	12	1	8,3%	15	1	6,7%	21	2	9,5%
Эстония	4	0	0,0%	12	0	0,0%	27	2	7,4%
Словения	14	4	28,6%	13	0	0,0%	68	5	7,4%
Португалия	19	1	5,3%	26	2	7,7%	88	5	5,7%
Латвия	7	1	14,3%	20	1	5,0%	23	1	4,3%
Польша	10	2	20,0%	19	1	5,3%	51	0	0,0%
ЕС-27 (среднее значение)	8,4	0,8	7,2%	17,3	1,1	7,1%	30,4	4,2	15,1%

Составлено на основе данных Database of SBA policy measures 2021, 2022. European Commission. URL: https://ec.europa.eu/growth/document/download/19c40f12-4060-435f-80aa-70485b49afff_en?file-name=Database%20of%20policy%20measures%202022.zip (дата обращения: 27.06.2022).

¹ К программам по устойчивому развитию в 2019 и 2020 гг. отнесены меры блока «10. Устойчивость, энергопереход и изменение климата» (*10. Sustainability and energy transition and climate change*), в 2021 г. – «Экологические аспекты устойчивости» (*Environmental aspects of sustainability*) и Социальные аспекты устойчивости (*Social aspects of sustainability*). Учитываются суммарно анонсированные, принятые и внедренные в каждом году меры.

ных промышленных экосистем, 6,0% – к сфере доступа к рынкам, 4,7% – прочие¹. Таким образом, на сферы экологических и социальных аспектов устойчивого развития МСП, цифровизации и инноваций приходится в среднем по ЕС-27 35% от общего количества всех мер, связанных с поддержкой МСП.

В-третьих, расчет доли мер поддержки МСП в области устойчивого развития показал, что в 2019–2020 гг. она почти не менялась, в то время как в 2021 г. в среднем выросла в 2 раза (с 7,1 до 15,1%). В 2019 г. у 15 стран не выявлены такие меры, в 2020 г. число стран сократилось до 7, а в 2021 г. только Польша не указала меры в отношении МСП в сфере экологической и социальной устойчивости² (таблица 1).

Анализ показывает, что в Евросоюзе присутствуют меры по развитию МСП, направленные на участие последних в достижении ЦУР ООН. Однако в современных геополитических условиях зеленый переход теряет актуальность. Некоторые страны ЕС расширяют использование угольных ресурсов и атомной энергетики. На первый план выходит внедрение технологий энергосбережения, безотходного производства, использование в этих целях цифровизации. Поддержка МСП в Евросоюзе включает совершенствование регулирования деятельности МСП (снижение административных барьеров); улучшение их доступа к ресурсам, выделяемым в рамках реализации Стратегии участия МСП в целях устойчивой и цифровой Европы; создание условий для внедрения цифровых технологий и инноваций в сфере экологических и социальных аспектов; внедрение технологий замкнутого цикла и безотходного производства. Эти меры могут быть адаптированы к российским условиям.

Приверженность достижению устойчивого развития отражена в Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию³. Положения Стратегии социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г.⁴ учтены в национальных проектах. Внимание к развитию компаний микро-, малого и среднего бизнеса проявляется в поддержке МСП в рамках Национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы (ИП)» (срок действия 15.10.2018 – 31.12.2024 гг.). Достижение такого целевого показателя, как увеличение численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых, до 25 млн чело-

¹ Рассчитано на основании данных Database of SBA policy measures 2021, 2022. European Commission. URL: https://ec.europa.eu/growth/document/download/19c40f12-4060-435f-80aa-70485b49afff_en?filename=Database%20of%20policy%20measures%202022.zip (дата обращения: 28.09.2022).

² Там же.

³ Указ Президента Российской Федерации от 1 апреля 1996 г. № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120> (дата обращения: 15.04.2022).

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021 г. № 3052-р «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года». URL: <http://static.government.ru/media/files/ADKkCzp3fWO32e2yA0BhtIpyzWfHaiUa.pdf> (дата обращения: 15.09.2022).

век¹, связано с выделением финансирования, предоставлением льготного кредитования и созданием инструментов налогообложения для самозанятых. Однако пока не разработаны специальные меры поддержки для внедряющих безотходное производство и энергосберегающие технологии МСП.

Полная информация о доступной поддержке публикуется на Цифровой платформе МСП², где отражены параметры более 350 федеральных и региональных государственных мер.

На основе международной практики можно ввести дополнительные программы поддержки, соответствующие установленным экологическим или социальным критериям. В частности, к ним относится предоставление субсидий или кредитов по льготной ставке для компаний малого и среднего бизнеса, которые создают экологичную продукцию, внедряют безотходное производство и работают с учетом принципа экономики замкнутого цикла.

Выводы

Увеличение в среднем числа мер в странах ЕС-27, связанных с развитием МСП и направленных на достижение Целей устойчивого развития и обеспечение социальной устойчивости, свидетельствуют о том, что правительства на национальном уровне и Еврокомиссия признают важность и актуальность указанных проблем и отводят малым и средним предприятиям ведущую роль в их решении. После пандемии необходимость усиления поддержки МСП для достижения стабильного развития европейской экономики стала очевидной. Брюссель понимает обеспокоенность представителей компаний, связанную с переходом к более экологически и социально ответственным практикам (включая недостаток навыков, финансовых ресурсов, спроса на зеленые товары и др.), и стремится помочь им в этой ситуации. Поддержка малого и среднего предпринимательства в России включает улучшение доступа к финансированию, рынкам сбыта, а также информационно-консультационные и другие меры. Их можно усилить содействием МСП, которые внедряют современные инновационные и цифровые технологии в охрану окружающей среды и технологии замкнутого цикла и безотходного производства.

¹ В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» произведены корректировки Паспорта национального проекта. Ранее в Паспорте были обозначены такие целевые показатели, как доля МСП в ВВП (32,5%), доля экспорта субъектов МСП в несырьевом экспорте (10%). См. Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/ (дата обращения: 20.09.2022).

² Государственные меры поддержки бизнеса. Цифровая платформа МСП. 2022. URL: <https://mcp.pf/services/antikrizisnye-meriy/> (дата обращения: 10.09.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бажан А.И. (2021) Замедление экономического роста и падение производства в ЕС. *Современная Европа*. № 5. С. 113–125. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52021113125>
- Белов В.Б. (2021) Влияние коронокризиса на переход Германии к климатически нейтральной экономике. *Современная Европа*. № 5. С. 100–112. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52021100112>
- Бобошко В.И. (2006) Развитие малых предприятий в сфере экологического бизнеса. *Экономика природопользования*. № 4. С. 102–114.
- Платонова И.Н., Карева А.О. (2020) Меры поддержки малых и средних предприятий в ЕС в условиях «вирусной» экономики. *Российский внешнеэкономический вестник*. № 5. С. 22–38.
- Cariola A., Fasano F., La Rocca M., Skatova E. (2020) Environmental sustainability policies and the value of debt in EU SMEs: Empirical evidence from the energy sector. *Journal of Cleaner Production*. Vol. 275, 123133. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.123133>
- Chatzistamoulou N., Tyllianakis E. (2022) Green growth & sustainability transition through information. Are the greener better informed? Evidence from European SMEs. *Journal of Environmental Management*. Vol. 306, 114457. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2022.114457>
- Denicolai S., Zucchella A., Magnani G. (2021) Internationalization, digitalization, and sustainability: Are SMEs ready? A survey on synergies and substituting effects among growth paths. *Technological Forecasting & Social Change*. Vol. 166, 120650. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.120650>
- Kapitsa L.M. (2020) Climate change and micro, small and medium enterprises. *MGIMO Review of international relations*. Vol. 13. No. 4. P. 216–231. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-4-73-216-231>
- Parrilli M.D., Balavac-Orlić M., Radicic D. (2022) Environmental innovation across SMEs in Europe. *Technovation*. Vol. 119, 102541. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2022.102541>
- Siegel R., Antony J., Garza-Reyes J.A., Cherrafi A., Lameijer B. (2019) Integrated green lean approach and sustainability for SMEs: From literature review to a conceptual framework. *Journal of Cleaner Production*. Vol. 240, 118205. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.118205>

The Support of Small and Medium Enterprises for Sustainable Development in the EU

I.N. Platonova*

Doctor of Sciences (Economics), Professor,

Department of International Economic Relations and Foreign Economic Affairs

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russia, 119454

***E-mail:** irplato56@mail.ru ORCID 0000-0003-1448-3587 SCOPUS ID 57203123680

A.O. Kareva**

PhD Student, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russia, 119454

****E-mail:** kareva.a.o@my.mgimo.ru

Abstract. The article examines the small and medium-sized enterprises (SMEs) support measures for sustainable development in the European Union (EU). The study focuses on the theoretical approaches to the concept of sustainable development that is the basis for the development of sustainability programs in the EU in which small and medium-

sized companies take part. The article scrutinizes the aim of the European countries to decrease the ecological footprint by taking collective action in the EU and introducing measures to make the production process greener in the EU member countries. The authors underline the role of SMEs in the realization of 17 Sustainable development goals (SDGs) developed by the United Nations. They outline the support measures for sustainable development which number has increased considerably in EU-27 member states in the last three years and that include the support measures for improving regulation of the SMEs activity, their access to resources in accordance with the SME Strategy for sustainable and digital Europe, measures to introduce innovations in ecological and social spheres; technologies of the circular economy and wasteless production that can be implemented in Russia. The study is based on the data of international organizations, international agencies and documents of the European Commission.

Key words: small and medium-sized enterprises, sustainable development, ecological footprint, eco-innovations, support measures, European Union

DOI: 10.31857/S0201708323030075

EDN: brspne

REFERENCES

- Bazhan A.I. (2021) Zamedlenie ekonomicheskogo rosta i padeniye proizvodstva v ES [Slowing economic growth and falling production in EU], *Sovremennaya Evropa*, 5, pp. 113–125. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52021113125>
- Belov V.B. (2021) Vliyaniye koronakrizisa na perekhod Germanii k klimaticheski nejtralnoj ehkonomike [Impact of the Coronacrisis on Germany's Transition to a Climate-neutral Economy], *Sovremennaya Evropa*, 5, pp. 100–112. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52021100112>
- Boboshko V.I. (2006) Razvitiye malikh predpriyatiy v sfere ekologicheskogo biznesa [The development of small enterprises in ecological business], *Ekonomika prirodopolzovaniya*, 4, pp. 102–114.
- Platonov I.N., Kareva A.O. (2020) Mery podderzhki malikh i srednikh predpriyatiy v ES v usloviyakh «virusnoy» ekonomiki [SME support measures in the EU amid the «viral» economy], *Rossiyskiy vneshneekonomicheskij vestnik*, 5, pp. 22–38.
- Cariola A., Fasano F., La Rocca M., Skatova E. (2020) Environmental sustainability policies and the value of debt in EU SMEs: Empirical evidence from the energy sector, *Journal of Cleaner Production*, 275, 123133. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.123133>
- Chatzistamoulou N., Tyllianakis E. (2022) Green growth & sustainability transition through information. Are the greener better informed? Evidence from European SMEs, *Journal of Environmental Management*, 306, 114457. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2022.114457>
- Denicolai S., Zucchella A., Magnani G. (2021) Internationalization, digitalization, and sustainability: Are SMEs ready? A survey on synergies and substituting effects among growth paths, *Technological Forecasting & Social Change*, 166, 120650. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.120650>
- Kapitsa L.M. (2020) Climate change and micro, small and medium enterprises, *MGIMO Review of international relations*. 13(4), pp. 216–231. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-4-73-216-231>
- Parrilli M.D., Balavac-Orlić M., Radicic D. (2022) Environmental innovation across SMEs in Europe, *Technovation*. 119, 102541. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2022.102541>
- Siegel R., Antony J., Garza-Reyes J.A., Cherrafi A., Lameijer B. (2019) Integrated green lean approach and sustainability for SMEs: From literature review to a conceptual framework, *Journal of Cleaner Production*. 240, 118205. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.118205>

УДК 339

ЭКОНОМИКА ИСПАНИИ НА ТРАЕКТОРИИ ПРОЦЕССА МОДЕРНИЗАЦИИ

© 2023 г. **ЯКОВЛЕВ Петр Павлович***

Доктор экономических наук

Главный научный сотрудник Центра иберийских исследований Института

Латинской Америки РАН. 115035, Россия. Москва, ул. Б. Ордынка, 21/16;

*Главный научный сотрудник Отдела Европы и Америки Института научной информации
по общественным наукам РАН. 117418, Россия, Москва, Нахимовский пр-т, 51/21*

***E-mail:** *petrp.yakovlev@yandex.ru*

Поступила в редакцию 16.01.2023

После доработки 24.03.2023

Принята к публикации 12.04.2023

Аннотация. Опыт Испании свидетельствует, что в современных условиях декомпозиции глобального и европейского экономического роста продвижение модернизационных процессов предполагает реформирование и структурную перезагрузку экономики, выдвижение на передний план и системную поддержку высокотехнологичных секторов хозяйства. Эти и другие проблемы решаются на основе имеющегося научно-технического потенциала и международных конкурентных преимуществ компаний-лидеров испанского бизнеса в отдельных отраслях мировой экономики. В статье в качестве примера показано, что в меняющейся европейской ситуации Мадрид попытался перехватить инициативу в критически важной энергетической области. В этой связи в центре внимания испанских властей оказались отношения с соседними странами – Португалией и Францией. Формирование системы энергетической взаимосвязанности с ними стало одной из главных задач программы реформ. Другие ключевые направления модернизационного процесса – реиндустриализация, инноватизация на основе цифровизации малых и средних предприятий, создание условий для роста числа технологичных стартапов-единологов. С помощью методов системного, сравнительного, исторического, контент- и статистического анализа, *case study* в статье раскрыто понятие испанской модернизации, приведена ее периодизация, определены цели, инструменты, риски и вызовы нынешнего этапа модернизационного перехода.

Ключевые слова: Испания, волны модернизации, модель экономического развития, кризисные потрясения, программа реформ, цифровизация, энергетический переход

DOI: 10.31857/S0201708323030087

EDN: bsllwp

Модернизация – ключевая проблема испанской экономики. С конца 1950-х гг. страна прошла, по определению испанских экономистов, две модернизационные волны: в 1959–1973 и в 1986–1999 гг. (в российской экспертной среде указанные периоды характеризуются как первое и второе «экономическое чудо») [Жукова, 2018: 268, 272]. Сложившаяся в результате экономическая модель испытала кризис 2008–2009 гг., но просуществовала вплоть до третьего десятилетия XXI в., когда встала задача ее реформирования и адаптации к меняющимся внутренним и международным условиям.

Адаптационный процесс в научной литературе получил наименование «третья испанская модернизация». Он стал главной частью макроэкономической стратегии коалиционного правительства левоцентристских сил («Прогрессистская коалиция») во главе с лидером социалистов Педро Санчесом, пришедшим к власти в июне 2018 г. Ключевые цели модернизации – развитие человеческого капитала, широкое внедрение цифровизации, достижение финансовой стабильности, повышение международной конкурентоспособности испанского бизнеса [Афи, 2021: 17].

Катализатором третьей волны модернизации выступила пандемия *COVID-19*. Она стала подлинным стресс-тестом экономики Испании, заострила внимание на наиболее уязвимых сторонах испанской модели роста и обозначила начало структурного сдвига в хозяйственной системе страны. В частности, был взят курс на реиндустриализацию. Он реализуется на национальном фундаменте, но с широким участием иностранного капитала и в русле общемирового тренда приоритизации реального сектора экономики после краха политики финансовой гиперглобализации.

Статья продолжает традицию российской науки исследовать особенности экономического развития Испании в постфранкистский период с точки зрения ее перехода к рыночному хозяйству и активного участия в глобализации и европейской интеграции [Буторина, 1994; Давыдов, 2006; Верников, 2007; Яковлев, Ермольева, 2015; Яковлева, 2017; Кузнецова, 2018; Яковлев, Яковлева, 2021; Тайар, 2022]. Новизну исследования определяют подведение итогов двух первых волн испанской модернизации, приоритетный в отечественной науке анализ современного этапа реформирования экономической системы Испании, экспертная оценка перспектив выхода страны на траекторию устойчивого динамичного роста.

От кризиса к кризису: неустойчивая динамика роста

Период между кризисными потрясениями 2008–2009 гг. и коронакризисом, апогей которого пришелся на 2020 г., отмечен частичными структурными изменениями в испанской экономике. Именно испытания конца 2000-х гг. рельефно зафиксировали трещины в сложившейся в конце 1990-х гг. модели роста. Ее четырем опорам стали:

1. Строительство и торговля недвижимостью, игравшие в экономике гипертрофированную роль. Например, к началу 2008 г. на долю строительной отрасли пришлось более 10% ВВП. Кроме того, значительная часть показателя пришлась на долю тех секторов, функционирование которых зависело от состояния дел в строительстве.

2. Сильная зависимость от динамики внешней торговли, подверженной конъюнктурным перепадам. В 1990–2008 гг. объем внешнеторгового оборота товарами увеличился со 112,4 до 477,5 млрд евро, а его доля в ВВП поднялась с 28 до 43%. Однако импорт превышал экспорт, и торговый баланс постоянно сводился с отрицательным сальдо, совокупный размер которого за указанный период составил 773 млрд евро¹.

3. Международный принимающий туризм. Благоприятные природные условия и развитая индустрия гостеприимства превратили Испанию в привлекательный мировой туристический центр. В 1995–2007 гг. число посетивших страну, выросло с 33 до 58,7 млн человек, а поступления от туризма увеличились с 21,5 до 46,3 млрд евро, что стало главной экспортной статьёй во внешней торговле услугами².

4. Значительная финансовая помощь со стороны Брюсселя. Чистые трансферты Евросоюза (разница между взносами Мадрида в бюджет Сообщества и полученными субсидиями) в 1986–2008 гг. суммарно составили 87,8 млрд евро и позволили Испании модернизировать национальную транспортную сеть [Fernández Navarrete, 2012: 318]. Однако в связи со вступлением в ЕС с 2004 г. 11 новых членов Испания со временем утратила этот источник инвестиций и превратилась из реципиента в донора коммунитарных финансовых ресурсов.

Кризис 2008–2009 гг. основательно подорвал три из четырех опор экономического роста. Помимо прекращения крупных субсидий со стороны ЕС, лопнул пузырь на рынке недвижимости, что вызвало свертывание строительных проектов. В 2009 г. на 15% сократился товарный экспорт и на 27% – импорт. Несколько меньше пострадал принимающий туризм: число зарубежных гостей уменьшилось на 9–10%, но и здесь произошло падение доходов. Произошла цепная реакция, вызвавшая ухудшение основных макроэкономических показателей.

В эти годы наблюдалось абсолютное сокращение объема ВВП, упали производственные инвестиции, уменьшилось потребление, безработица возросла до общесоциально опасных размеров, обозначилось снижение реальной заработной платы. В 2009 г. более чем в 7 раз (с 77 до 10,4 млрд долл.) сократился приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Одновременно значительных размеров (120,6 млрд евро в 2009 г.) достиг дефицит государственного бюджета и началось экспоненциальное наращивание объема суверенной задолженности. Крах 2008–2009 гг. стал точкой отсчета периода экономической рецессии, социальных испытаний и внутривластных потрясений. Указанные явления, по мнению крупного испанского экономиста Рамона Тамамеса, сделали неотложной перезагрузку национальной стратегии роста [Tamames, 2009: 225–247].

В общем виде задача сводилась к тому, чтобы запустить в испанской экономике процесс позитивных структурных и институциональных изменений, обеспечить ее производственно-технологическую модернизацию. Одним из препятствий на пути

¹ España – Balanza comercial. URL: <https://datosmarco.com/comercio/balanza/espana> (дата обращения: 20.12.2022).

² España – Turismo internacional. URL: <https://datosmacro.expansion.com/comercio/turismo-internacional/espana> (дата обращения: 20.12.2022).

реализации указанных планов было то, что перемены и реформы осуществлялись в сложных внутривнутриполитических условиях – постоянной борьбе между основными партиями и их союзниками, а также на фоне растущего каталонского сепаратизма.

Наиболее срочным вопросом был высокий уровень безработицы (как заметил специалист по экономической истории Жорди Палафокс, «Испания стала фабрикой безработных» [Palafox, 2017: 109]), снизить которую помогла проведенная в мае 2012 г. реформа рынка труда. Ее основные положения сводились к либерализации отношений между предпринимателем и наемным работником, к большему учету конкретных макроэкономических условий, в которых находились предприятия. В сочетании с мерами избирательной государственной поддержки бизнеса, политической «бюджетного аскетизма» и санацией банковского сектора трудовая реформа стала фактором преодоления рецессии [Guindos, 2016: 45–60].

В первые посткризисные годы был дан старт важным структурным изменениям в экономике Испании: снижению доли строительства в ВВП (с 10,4% в 2008 г. до 6,9% в 2011 г.), опережающему росту технологических отраслей, а также концентрации инвестиций в передовых хозяйственных секторах, которым предстояло стать ключевыми узлами (хабами) модернизированной экономической системы. На этот тренд указывают следующие данные: в период 2008–2020 гг. капиталовложения (местные и иностранные) в такие традиционные отрасли, как текстильная, строительная и обувная, снизились на 58, 59 и 79% соответственно, тогда как инвестиции в энергетику и аэрокосмическую отрасль выросли на 61%, в автомобилестроение – на 176%¹.

Благодаря принятым (нередко жестким) решениям на национальном уровне, конъюнктурному улучшению состояния вышедшего из посткризисной рецессии мирового хозяйства и возросшему притоку местных и иностранных инвестиций испанская экономика с 2014 г. вернулась на траекторию роста, который сохранялся до пандемии коронавируса в 2020 г.

В указанный период заметно улучшились количественные показатели развития: на 17% возрос объем ВВП, на 22% – товарный экспорт, на 36% – экспорт услуг. В 2016–2018 гг. наблюдался значительный приток прямых иностранных инвестиций. Накопленный объем ПИИ в 2015–2019 гг. вырос на 40% и превысил 751 млрд долл. В стране сохранялся низкий уровень инфляции, а в 2014–2016 гг. даже наблюдалась дефляция. Одновременно удалось сократить бюджетный дефицит, обратить вспять процесс наращивания государственного долга, снизить безработицу (хотя она, по меркам стран Евросоюза, оставалась на высоком уровне) и почти на 40% поднять минимальную заработную плату². Однако поступательное развитие Испании было прервано очередным глобальным кризисом, вызванным пандемией коронавируса.

¹ Anuario 2022. Informe Cotec. URL: <https://online.flippingbook.com/view/131148142/> (дата обращения: 10.01.2023).

² España: Economía y demografía. URL: <https://datosmacro.expansion.com/paises/espana> (дата обращения: 22.12.2022).

Пандемия и контуры новой модели роста

Испания оказалась в списке государств, «попавших под самые сильные удары» пандемии *COVID-19* и в максимальной степени пострадавших от ее эпидемиологических, экономических, социально-политических и морально-психологических последствий [Real Instituto Elcano, 2020: 5].

Коронакризис имел тяжелые последствия для испанской экономики и социальной сферы, продемонстрировал ограниченную эффективность и низкую резильентность существовавшей модели роста в стрессовых, экстремальных условиях. В 2020 г. было зафиксировано рекордное падение ВВП – около 11%. Более чем на 20% снизился экспорт товаров и услуг, на 12% – частное потребление, вызвав сжатие внутреннего рынка. Сократился приток ПИИ и спикировал объем валовых капиталовложений (на 9,5%). В попытках нейтрализовать разрушительные эффекты коронакризиса правительство беспрецедентно нарастило расходы (с 523 до 586 млрд евро), доведя первичный бюджетный дефицит до 123 млрд евро или 11% ВВП. Однако не удалось сдержать увеличение числа безработных: в 2020 г. их количество заметно выросло, а в 2021–2022 гг. оставалось на высоком уровне¹.

Больше других отраслей пострадал принимающий туризм – одна из несущих опор докризисной модели развития. Рынок туристических услуг фактически обрушился: в 2020 г. прямые финансовые потери составили 116 млрд евро (75% оборота), более 300 тыс. человек лишились работы, а еще 445 тыс. были переведены на так называемую схему *ERTE* (*Expediente de Regulación Temporal de Empleo*) – временное увольнение с выплатой пособия, что тяжелым бременем легло на государственный бюджет². В целом 2020 г. в социально-экономическом отношении стал самым неблагоприятным в новейшей истории Испании после 1936 г. – года начала Гражданской войны. В бизнес-кругах он получил наименование «экономической зимы».

Глубина коронакризиса – закономерный результат материального и морального износа модели экономического роста, которая в период после 2008–2009 гг. подверглась только частичной модернизации. Этот процесс на начало пандемии был далек от завершения. На это, в частности, указывал структурный перекося в виде устойчивого тренда на деиндустриализацию – снижение удельного веса в ВВП обрабатывающей промышленности с 18% в 2000 г. до 16% в 2019 г.³ Пандемия сфокусировала внимание на узких местах испанской экономики, ускорила развитие латентных кризисных тенденций и акцентировала экзистенциальную значимость проведения форсирован-

¹ European Commission. Economic forecast for Spain. URL: https://economy-finance.ec.europa/economics-surveillance-eu-economies/spain/economic-forecast-spain_en (дата обращения: 11.01.2023).

² Una solución que permite al sector turístico sortear la niebla de la crisis. 2021. URL: https://cincodias.elpais.com/cincodias/2021/04/23/opinion/1619202077_812246.html (дата обращения: 10.01.2023).

³ Instituto de Estadística de Cataluña. URL: <https://www.idescat.cat/indicadors/?id=ue&n=10133&lang=es&=202000> (дата обращения: 12.01.2023).

ной модернизации на базе технологического перевооружения национальной индустрии (реиндустриализации).

Осложнение социально-экономического положения страны поставило в повестку дня форсирование разработки стратегии структурных реформ как основу процесса модернизации. Это стало главной задачей правительства П. Санчеса.

Осмысление постковидного развития Испании нашло отражение в «Плане восстановления, трансформации и резильентности» (*Plan de Recuperación, Transformación y Resiliencia*) национальной экономики, подготовленном для Европейской комиссии (ЕК) с целью получения из фондов Евросоюза 140 млрд евро, предназначенных Мадриду в виде трансфертов и «мягких» кредитов на период 2021–2026 гг. ЕК одобрила программу испанских властей, о чем Урсула фон дер Ляйен лично сообщила П. Санчесу в ходе своего визита в Мадрид 16 июня 2021 года¹.

«План восстановления» содержит перечень из 212 мероприятий: 110 – инвестиционные программы, а 102 – меры реформаторского характера. В 2021–2023 гг. из ресурсов Евросоюза Мадрид рассчитывал получить около 70 млрд евро. 39% должны были быть направлены на цели развития зеленой экономики, 29% – на цифровизацию, 10,5% – в область образования и профессиональной подготовки, 7% – на развитие сферы научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок [Тайар, 2022: 75]. Была поставлена цель комплексной экономической модернизации. Ее достижению должен содействовать такой новый инструмент, как Стратегические проекты восстановления и трансформации экономики (*PERTE – Proyectos estratégicos para la recuperación y transformación económica*). Его особенность – создание системообразующих частно-государственных предприятий в наиболее перспективных, высокотехнологичных отраслях, очерченных в «Плане восстановления, трансформации и резильентности»².

Пилотным *PERTE* стал совместный частно-государственный консорциум, созданный правительством Испании с группой «Фольксваген» (*Volkswagen*) и испанской электроэнергетической компанией «Ибердрола» (*Iberdrola*) для строительства высокотехнологичной гиперфабрики по производству электрических батарей для автомобилей. Ввод в строй стратегического объекта призван обеспечить глубокую модернизацию структурообразующей автомобильной промышленности и закрепить за Испанией роль одного из ведущих мировых автопроизводителей и экспортеров. Правительство также одобрило 10 *PERTE* в следующих сферах: возобновляемые источники энергии; производство и хранение зеленого водорода; агропромышленный комплекс; передовые области здравоохранения; новая экономика языка; циркулярная экономика; судостроение; аэрокосмическая отрасль; цифровизация ис-

¹ La Comisión Europea aprueba el Plan de Recuperación, Transformación y Resiliencia de España. 16.06.2021. URL:

https://www.lamoncloa.gob.es/theme/rlamoncloa/html/imprime.htm?contenedor=ctl00_maincontainer (дата обращения: 29.01.2022).

² Gobierno de España. Proyectos estratégicos para la recuperación y transformación económica (PERTE). 8.03.2021. URL: <https://www.lamoncloa.gob.es/temas/fondos-recuperacion/Paginas/PERTE.aspx> (дата обращения: 24.02.2022).

пользования водных ресурсов; социальная экономика городов; микроэлектроника и производство полупроводников¹.

Следуя линии на выдвижение долговременных мегаинициатив, кабинет министров пошел на повышение политических ставок и предложил амбициозную стратегию развития на период до 2050 года «Испания 2050»². В ней ставится цель поднять за предстоящие три десятилетия социально-экономический уровень страны до средних показателей 2015–2019 гг. наиболее развитых государств Евросоюза – ЕС-8 (Австрия, Бельгия, Германия, Дания, Нидерланды, Финляндия, Франция, Швеция), а в отдельных областях – превзойти эти индикаторы.

Поставленные таргеты испанское руководство собирается достичь благодаря новой резильентной (стрессоустойчивой) модели роста, концептуальный каркас которой начал складываться до начала пандемии *COVID-19* [Яковлев, Яковлева, 2021]. Однако основной задачей остается проведение структурных реформ, поскольку только они могут перевести концептуальные установки макроэкономической стратегии в практическую хозяйственную плоскость, обеспечить модернизационное досье адекватными дорожными картами, эффективными инструментами и механизмами.

Курс на реформы: планы, направления, проблемы

Реформистский импульс развитию испанской экономики, по замыслу правительства, должны придать следующие ключевые реформы, которые можно разделить на три вида:

1) увеличение человеческого капитала: трудовая реформа, образовательная реформа, профессиональная подготовка.

2) наращивание природного капитала: энергетическая реформа, циркулярная экономика.

3) повышение качества предпринимательского капитала: Закон «создавай и расти» (*Ley Crea y Crece*), Закон о стартапах (*Ley de Startups*), развитие цифровых компетенций.

В качестве характерных примеров рассмотрены три макроэкономические трансформации институционального и структурного порядка, занявшие центральное место в начавшемся процессе модернизации на современном этапе.

Первый пример – это пакет решений, направленный на ускоренный перевод энергетики на альтернативные энергоносители в русле зеленого перехода и повышения энергетической эффективности. В настоящее время в энергетическом балансе Испании очень велика доля нефтепродуктов (порядка 43% потребления первичной энергии), производимых из практически 100% импортируемой нефти, что об-

¹ PERTES. Los instrumentos más ambiciosos para afrontar la transformación de la economía española. URL: <https://home.kpmg/es/es/home/servicios/fondos-europeos/pertes.html> (дата обращения: 24.12.2022).

² España 2050. Fundamentos y propuestas para una Estrategia Nacional de Largo Plazo. URL: https://www.lamoncloa.gob.es/presidente/actividades/Documents/2021/200521-Estrategia_Espana_2050.pdf (дата обращения: 29.12.2022).

разует дефицит во внешней торговле и тяжелым бременем лежит на бюджете страны. В данном контексте приняты дорожные карты укрепления промышленной базы регазификации сжиженного природного газа, развития ветроэнергетики морского базирования, производства биогаза, модернизации сетей передачи электроэнергии, строительства новых трубопроводов. Цель – максимальное снижение зависимости от ископаемого горючего, а сверхзадача – сделать Испанию (совместно с соседней Португалией) экспортером перспективных видов энергоносителей, в первую очередь зеленого водорода. В испанских правящих кругах превращение государств Пиренейского полуострова в производителей и поставщиков зеленого водорода в другие европейские страны считается беспроигрышной экономической ставкой. В этом смысле прорывной характер может носить строительство трансграничного трубопровода для перекачки зеленого водорода из Португалии и Испании во Францию – проект *H2Med*, одобренный правительствами трех стран и ЕК. Самый сложный участок трубопровода длиной 455 км пройдет по дну Средиземного моря и свяжет Барселону с Марселем. С 2030 г. *H2Med* будет ежегодно прокачивать 2 млн т зеленого водорода, что составит 10% потребления этого энергоносителя в странах ЕС¹.

В этом случае Мадрид выступил в качестве активной стороны, продвигающей иберийский трек энергетической трансформации объединенной Европы, и добился от Парижа участия в проекте транспортировки зеленого водорода. Это становится одним из факторов изменения энергетического ландшафта Евросоюза на этапе его перехода от углеродных к альтернативным источникам энергии.

Второй – тотальная цифровизация национальной экономической системы. Она является «абсолютным приоритетом деятельности правительства». Цифровизация, как указывают испанские власти, призвана информационно-технологически обеспечить процесс модернизации, существенно «нарастить производственные возможности Испании» и содействовать ее реиндустриализации на новой научно-технической базе². Исходя из поставленных задач, цифровизация испанской экономики предполагает проведение ряда реформ, включая принятие нового Закона об университетах, а также переподготовку значительной части промышленных рабочих и безработных, что должно обеспечить индустрию притоком квалифицированных кадров.

Третья трансформация относится к ключевой роли технологических стартапов в деле модернизации испанской экономики – новых компаний, связанных с инновациями и создаваемых для реализации масштабируемой, быстро растущей бизнес-модели. Как показывает мировой опыт, наиболее успешные стартапы, начав свою деятельность с минимальным капиталом, могут в короткий срок стать стремительно растущими скейлапами (*Scale Ups*), а затем дорасти до компаний-единорогов, чей капитал превышает 1 млрд долл. Несмотря на то что в Испании насчитывается

¹ López de Benito J. El H2MED presenta su candidatura Proyecto de Interés Común de la Unión Europea. 16.12.2022. URL: <https://hidrogeno-verde.es/el-h2med-opta-a-ser-proyecto-de-interes-comun-de-la-union-europea/> (дата обращения: 11.01.2023).

² Pedro Sánchez apuesta por transformación digital que reafirme la autonomía estratégica de Europa y las capacidades industriales de España. La Moncloa. 08.07.2022. URL: <https://www.lamoncloa.gob.es/presidente/actividades/Paginas/2022/080722-sanchezdigital2026.aspx> (дата обращения: 27.12.2022).

свыше 23 тыс. стартапов, она отстала от стран-лидеров по числу компаний-единорогов. В США и КНР к концу 2021 г. насчитывались сотни таких стартапов, в Великобритании – 37, в Германии – 25, во Франции – 20, а в Испании – только 4. Переломить этот негативный тренд Мадрид рассчитывает с помощью принятого в декабре 2022 г. Закона о развитии экосистем формирующихся компаний, больше известного как Закон о стартапах, поскольку он предусматривает создание стимулирующих условий роста именно для таких компаний. В частности, принятое законодательство устанавливает для новых стартапов пониженный налог на прибыль (15 вместо обычных 25%) на четыре года. Комментируя значение Закона о стартапах, министр экономики Надиа Корвиньо подчеркивала, что он поможет создать современную предпринимательскую экосистему и превратить формирующиеся технологические компании в «мотор процесса модернизации» Испании¹.

Экономический курс правительства проводится в сложной внутривластной обстановке и критикуется не только политическими оппонентами, но и частью экспертного сообщества. Последняя связана, как правило, с правыми партиями и большим бизнесом, недовольным отдельными шагами кабинета, особенно в социальной сфере (увеличение зарплат, пенсий, расходов на здравоохранение, точечное повышение налогов). Кроме того, современный модернизационный проект реализуется в непростых внешних условиях, проходит через плотные фильтры динамично меняющейся европейской и глобальной реальности, испытывает на себе воздействие разнонаправленных геоэкономических и геополитических факторов.

Следствием существующих проблем, рисков и ограничений, с которыми сталкивается Испания, является весьма сдержанный макроэкономический прогноз развития страны на ближайшие годы. Согласно исследованию Банка Испании, большинство ключевых показателей экономического развития в обозримой перспективе имеют тенденцию к снижению, что указывает на трудности процесса модернизации. В 2023–2025 гг. прогнозируется падение темпов прироста ВВП, экспорта, трудовой занятости, потребления, инвестиций в основной капитал. В то же время сохранится дефицит бюджета, на высоком уровне останутся безработица и государственный долг [Banco de España, 2022: 42].

Заключение: процесс модернизации в зоне рисков

Начиная очередной модернизационный проект, испанские власти вступили в область повышенных рисков. В основе трудностей модернизации экономики Испании лежат прежде всего причины внутреннего порядка. Главные макроэкономические риски можно представить следующим образом:

Во-первых, всплеск инфляции в 2022 г., вызванный резким повышением цен на энергоносители (прежде всего, природный газ) и многие виды продовольствия. В июле 2022 г. рост цен достиг своего максимума – 10,8%, последний раз похожий

¹ Ministerio de asuntos económicos y la transformación digital. Start ups. URL: <https://portal.mineco.gob.es/es-es/digitalizacionIA/Paginas/Start-ups.aspx> (дата обращения: 10.01.2023).

уровень наблюдался почти четыре десятилетия назад – в 1985–1986 гг.¹ Во-вторых, важнейшим ресурсом модернизации призвано стать опережающее развитие научно-технических разработок (НИР), однако до настоящего времени Испания не достигла необходимого уровня финансирования этой ключевой сферы. П. Санчес объявил, что инвестиции в НИР в 2023 г. перешагнут отметку в 16 млрд евро (порядка 1,3% ВВП) и на 23% превысят показатель 2022 г. Однако в принятой в 2020 г. Стратегии развития науки, технологий и инноваций ставилась цель к 2027 г. довести объем инвестиций в сферу НИР до 35 млрд евро в год, или свыше 2,1% ВВП². Таким образом, один из главных механизмов модернизации – форсированный рост финансирования НИР – задействован частично и далеко отстает от плановых показателей.

Пространством острых торгово-экономических проблем и повышенных рисков для испанского бизнеса в последние годы стала внешняя среда. Главным вызовом являются процессы деглобализации, сопровождаемые замедлением прироста мирового ВВП, а также разрывом цепочек добавленной стоимости, усилением конкуренции, разного рода ограничениями, санкционными войнами, протекционистскими мерами и разбалансировкой цен в трансграничной торговле.

Испания в полной мере испытала на себе отрицательные последствия отмеченных геоэкономических потрясений, которые затронули ее хозяйственные интересы. Например, в 2022 г. из-за частичной потери экспортных рынков и роста цен на импортируемые энергоносители в испанской внешней торговле образовался дефицит в 71,4 млрд евро, что не наблюдалось с кризисного 2008 года³.

Крайне негативные эффекты для экономики Испании имел российско-украинский конфликт. Во-первых, рынок потеряли 15 тыс. испанских компаний, которые работали с партнерами в России и Украине. Из этих стран в Испанию поступало 28% импорта кукурузы, 31% – жмыха, 61% – подсолнечного масла. Кроме того, предприятия РФ поставляли испанским потребителям критически важные для них энергоносители. В свою очередь, испанские фирмы прочно обосновались на российском потребительском рынке. В частности, группа «Индитекс» (*Inditex*), владелица всемирно известной марки «Зара» (*Zara*) и ряда других популярных брендов, располагала в России торговой сетью из 550 магазинов и являлась крупнейшим продавцом модной одежды среднеценового и бюджетного сегментов⁴.

Перед лицом перечисленных вызовов курс Кабинета П. Санчеса на модернизацию недостаточно сбалансирован и эффективен. Испанию ожидает трудное десятилетие – период новых усилий по реформированию экономики и болезненных макроэкономических корректировок, а для большинства населения – время затягивания поясов.

¹ Datos históricos del IPC en España. URL: <https://invertirenbolsa.info/historico-ipc-espana/datos-historicos-del-ipc-en-espana.htm> (дата обращения: 11.01.2023).

² EECTI. Estrategia Española de Ciencia, Tecnología e Innovación 2021-2027. URL: <https://www.ciencia.gob.es/InfoGeneralPortal/documento/e8183a4d-3164-4f30-ac5f-d75f1ad55059> (дата обращения: 11.01.2023).

³ España: Economía y demografía. URL: <https://datosmacro.expansion.com/c/espana> (дата обращения: 16.03.2023).

⁴ ICEX. Directorio de empresas españolas establecidas en Rusia. URL: <https://www.icex.es/icex/es/> (дата обращения: 15.12.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буторина О.В. (1994) *Испания: стратегия экономического подъема*. Наука, Москва. 155 с.
- Верников В.Л. (отв. ред.) (2007) *Испания. Анфас и профиль*. Весь Мир, Москва. 474 с.
- Давыдов В.М. (отв. ред.) (2006) *Испания: траектория модернизации на исходе двадцатого века*. ИЛА РАН, Москва. 496 с.
- Жукова Т.В. (2018) *Испания. Механизмы стимулирования сверхбыстрого роста: мировая практика*. Под ред. Я.М. Миркина. Магистр, Москва. С. 259–317.
- Кузнецова (ред.) (2018) *Современная Испания: проблемы и решения*. ИМЭМО РАН, Москва. 101 с.
- Тайяр В.М. (отв. ред.) (2022) *Испания: трудный выбор в условиях неопределенности*. ИЛА РАН, Москва. 193 с.
- Яковлев П.П., Ермольева Э.Г. (отв. ред.) (2015) *Испания на выходе из кризиса*. ИЛА РАН, Москва. 220 с.
- Яковлев П.П., Яковлева Н.М. (2021) Испания на переходе к стрессоустойчивой модели роста. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 65. № 12. С. 40–49. DOI: 10/20542/0131-2227-2021-65-12-40-49
- Яковлева Н.М. (отв. ред.) (2017) *Испания и Португалия в эпоху глобальных трансформаций*. ИЛА РАН, Москва. 307 с.
- Afi (2021) *La tercera modernización de la economía Española. Claves para aprovechar la oportunidad del Plan de Recuperación*. Analistas Financieros Internacionales, Madrid, España. 258 p.
- Banco de España (2022) *Boletín Económico*. 4/2022. Banco de España, Madrid, España. 68 p.
- Fernández Navarrete D. (2012) *Historia de la Unión Europea. España como estado miembro*. Delta Publicaciones Universitarias, Madrid, España. 396 p.
- Guindos de L. (2016) *España amenazada. De cómo evitamos el rescate y la economía recuperó el crecimiento*. Ediciones Peninsula, Barcelona, España. 192 p.
- Palafox J. (2017) *Cuatro vientos en contra. El porvenir económico de España*. Ediciones de Pasado y Presente, Barcelona, España. 400 p.
- Real Instituto Elcano (2020) *España y la crisis del coronavirus: Una reflexión estratégica en contexto europeo e internacional*. Real Instituto Elcano, Madrid, España. 52 p.
- Tamames R. (2009) *Para salir de la crisis global. Análisis y soluciones*. EDAF, Madrid, España. 256 p.

Spanish Economy on the Trajectory of the Modernisation Process

P.P. Yakovlev*

Doctor of Sciences (Economics)

Chief Researcher at the Center of Iberian Studies, Institute of Latin American Studies,
Russian Academy of Sciences. 21/16 B. Ordynka Str., Moscow, Russia, 115035;Chief Researcher at the Department of Europe and America, Institute of Scientific
Information for the Social Sciences, Russian Academy of Sciences

51/21 Nakhimovsky Av., Moscow, Russia, 117418

*E-mail: petr.p.yakovlev@yandex.ru

Abstract. The experience of Spain indicates that in the actual conditions of decomposition of global and European economic growth, the promotion of modernisation processes involves reforming and structural rebooting of the economy, highlighting and systemic support for high-tech sectors of the economy. These and other problems of modernization are solved on the basis of the existing scientific and technical potential and international competitive advantages of Spanish business leaders in certain sectors of the world economy. As an example, the article demonstrates that in the changing Eu-

ropean environment Madrid has tried to seize the initiative in the critical energy field. In this regard, the Spanish authorities predictably focused on relations with neighboring countries: Portugal and France, the creation of an energy system's interconnectivity, which has become one of the main tasks of the reform. Among other key areas are re-industrialisation, innovatisation programme digitalisation of small and medium-sized enterprises, creating conditions for the growth of technological unicorn startups. With the assistance of scientific methods of systemic, comparative, historical, content and statistical analysis, case study, the article reveals the concept of Spanish modernisation and gives its periodisation, defines the goals, tools, risks and challenges of the current stage of modernisation.

Key words: Spain, waves of modernisation, model of economic development, crisis shocks, reform program, digitalisation, energy transition

DOI: 10.31857/S0201708323030087

EDN: bsllwp

REFERENCES

- Afi (2021) *La tercera modernización de la economía Española. Claves para aprovechar la oportunidad del Plan de Recuperación*, Analistas Financieros Internacionales, Madrid, España.
- Banco de España (2022) *Boletín Económico*, 4/2022, Banco de España, Madrid, España.
- Butorina O.V. (1994) *Ispaniya: strategiya ekonomicheskogo pod"ema*. [Spain: An Economic Recovery Strategy], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian).
- Davydov V.M. (ed.) (2006) *Ispaniya: traektoriya modernizatsii na iskhode dvadtsatogo veka* [Spain: The Trajectory of Modernization at the End of the Twentieth Century], ILA RAN, Moscow, Russia. (In Russian).
- Fernández Navarrete D. (2012) *Historia de la Unión Europea. España como estado miembro*, Delta Publicaciones Universitarias, Madrid, España.
- Guindos de L. (2016) *España amenazada. De cómo evitamos el rescate y la economía recuperó el crecimiento*, Ediciones Peninsula, Barcelona, España.
- Kuznetsova A.V. (ed.) (2018) *Sovremennaya Ispaniya: problemy i resheniya* [Modern Spain: Problems and Solutions], IMEMO RAN, Moscow, Russia. (In Russian).
- Palafox J. (2017) *Cuatro vientos en contra. El porvenir económico de España*, Ediciones de Pasado y Presente, Barcelona, España.
- Real Instituto Elcano (2020) *España y la crisis del coronavirus: Una reflexión estratégica en contexto europeo e internacional*, Real Instituto Elcano, Madrid, España.
- Taiar V.M. (ed.) (2022) *Ispaniya: trudnyi vybor v usloviyakh neopredelennosti* [Spain: A Difficult Choice under Uncertainty], ILA RAN, Moscow, Russia. (In Russian).
- Tamames R. (2009) *Para salir de la crisis global. Análisis y soluciones*. EDAF, Madrid, España.
- Vernikov V.L. (ed.) (2007) *Ispaniya. Anfas i profil'* [Spain. Full face and profile], Ves' Mir, Moscow, Russia. (In Russian).
- Yakovlev P.P., Ermol'eva E.G. (ed.) (2015) *Ispaniya na vykhode iz krizisa* [Spain on the way out of the crisis], ILA RAN, Moscow, Russia. (In Russian).
- Yakovlev P.P., Yakovleva N.M. (2021) *Ispaniya na perekhode k stressoustoichivoi modeli rosta* [Spain on the transition to a stress-resistant growth model], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 65(12), pp. 40–49. DOI: 10/20542/0131-2227-2021-65-12-40-49 (In Russian).
- Yakovleva N.M. (ed.) (2017) *Ispaniya i Portugaliya v epokhu global'nykh transformatsii* [Spain and Portugal in an Era of Global Transformation], ILA RAN, Moscow, Russia. (In Russian).
- Zhukova T.V. (2018) *Ispaniya*, in Ya.M. Mirkina (ed.) *Mekhanizmy stimulirovaniya sverkhbystrogo rosta: mirovaya praktika* [Mechanisms to stimulate ultra-fast growth: world practice], Magistr, Moscow, Russia, pp. 259–317. (In Russian).

УДК 378.4:(304+327)

УСКОРЕННЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ: ОПЫТ ЕВРОПЫ И АЗИИ

© 2023 **ВОДОПЬЯНОВА Елена Викторовна***

Доктор философских наук, профессор

Отдел социальных и политических исследований

Институт Европы РАН, член редколлегии журнала «Современная Европа»

125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3

***E-mail:** *veritas-41@yandex.ru*

Поступила в редакцию 07.02.2023

После доработки 26.03.2023

Принята к публикации 12.04.2023

Аннотация. В статье проанализированы примеры успешного становления недавно основанных университетов в Европе, Азии и России с использованием социокультурной методологии, а также сравнительного анализа. Цель исследования – описать социокультурный фон и сравнить особенности вхождения молодых вузов в число мировых лидеров. В статье показано, что наряду с традиционными ресурсными источниками не меньшую роль в достижении эффективности начинает играть повсеместное «ускорение времени», характерное для глобальной эпохи экономики знаний. Установлено, что молодые университеты предстают в качестве актуальной версии ответа на вызовы современной культуры. Эволюция молодого вуза рассмотрена как результат рискованной инновации. Предложена дефиниция ускоренного университета как вуза, достигшего за несколько десятилетий мирового уровня и имеющего неопределенные перспективы.

Ключевые слова: ускоренные университеты, информационное общество, инновации и традиции в высшем образовании, критерии успеха новых вузов, европейские и азиатские университетские кейсы, Сколково

DOI: 10.31857/S0201708323030099

EDN: bsozxo

Для молодых университетов важно не то,
откуда они, а куда они идут.
Э. Ботвелл

Исследовательское сообщество считает, что известное научно-образовательное учреждение формируется на протяжении многих лет. На этом фоне организационной инновацией выступает феномен ускоренного университета (УУ), рассмотренный в книге «Ускоренные университеты» 2022 г. [Альтбах и др., 2022]. На многочисленных примерах авторы этой работы показывают, что «для выхода на мировой уровень университету отнюдь не всегда требуются десятки лет» [Альтбах и др., 2022: 12]. На сегодняшний день в мире существуют несколько УУ. Их история насчитывает максимум два-три десятилетия. По сравнению с многовековой традицией ведущих европейских университетов результаты УУ заслуживают внимательного изучения. Цель статьи – рассмотреть технологические/инновационные и социокультурные механизмы вхождения относительно недавно возникших вузов в число мировых университетов-лидеров.

Девять президентов УУ приняли участие в подготовке материалов обсуждаемой книги. Работа над ней началась в 2016 г. с конференции в Массачусетском технологическом институте (*Massachusetts Institute of Technology, MIT*). Книга была опубликована в 2018 г. и через четыре года представлена в русском переводе. Ее авторы пытались ответить на вопрос, что нужно для того, чтобы недавно возникший университет как можно быстрее вошел в группу лучших мировых вузов.

Ускоренный университет как инновационный феномен современного мира

Применительно к вузам XXI в. с его насыщенным образовательным пространством всех уровней практически всегда необходимо выбирать между созданием новых университетов или более эффективным использованием потенциала прежних. Подходы к решению этой проблемы основываются на том, что современное общество является инновационным, а значит, нуждается в новых решениях, которые расширяют традиционные рамки и требуют быстрых результатов. «Мы привыкли к тому, что университет – как трава на английском газоне – требует столетий, чтобы превратиться в настоящий центр знаний и мудрости» [Салми, 2012: xvii]. Между тем эта социокультурная установка постепенно меняется.

Социальный заказ на инновации обусловлен становлением культуры, прославляющей новое, социальным ускорением темпа происходящих изменений и «сжатием» пространства-времени [Warf, 2008; Rosa, 2015; Bertman, 1998; Redhead, 2004; Han, 2022]. Мировые реалии развития вузов подтверждают это.

На основе данных рейтингов университетов мира «Таймс хайер эдьюкейшн» (*Times Higher Education World University Ranking, THE*)¹ и Квакарелли Саймондс

¹ Times Higher Education World University Rankings 2023. URL:
Современная Европа, 2023, № 3

(*QS World University Ranking, QS*)¹, американского агентства Ю.С. ньюс энд Уорлд рипорт (*U.S. News & World Report*)², а также составителей так называемого Шанхайского рейтинга, или Академического рейтинга университетов мира (*Academic Ranking of World Universities, ARWU*)³, можно выделить следующие особенности:

- нахождение в группе лидеров не всегда связано с возрастом вуза;
- университетское лидерство не обусловлено определенным регионом;
- уровень финансовых возможностей вуза значительно влияет на его статус (в лидерах находятся ведущие американские университеты как наиболее обеспеченные ресурсами).

Таблица 1

Сравнение рейтингов ведущих университетов мира⁴

Университет	Год основания	Место в рейтинге THE	Позиция в QS	Место в U.S. News & World Report	Рейтинг по ARWU	Позиция в рейтинге молодых университетов THE
Гарвардский университет	1636	2	5	1	1	-
MIT	1861	5	1	2	3	-
Оксфордский университет	1096	1	4	5	7	-
Кембриджский университет	1209	3	2	8	4	-
Сорбонна	1257	90	60	48	43	-
Болонский университет	1088	161	167	122	201-300	-
Карлов университет	1348	501-600	288	226	301-400	-
Ягеллонский университет	1364	601-800	293	339	401-500	-
Федеральная политехническая школа Лозанны	1969	41	16	69	101-150	-
Люксембургский универси-	2003	201-250	-	570	701-800	25

<https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2023/world-ranking> (дата обращения: 06.11.2022).

¹ QS World University Rankings 2023: Top global universities. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2023> (дата обращения: 06.11.2022).

² 2022–2023 Best Global Universities Rankings. URL: <https://www.usnews.com/education/best-global-universities/rankings> (дата обращения: 06.11.2022).

³ Shanghai Ranking. 2022 Academic Ranking of World Universities. URL: <https://www.shanghairanking.com/institution> (дата обращения: 06.11.2022).

⁴ Полужирным выделены недавно возникшие университеты.

Университет	Год основания	Место в рейтинге THE	Позиция в QS	Место в U.S. News & World Report	Рейтинг по ARWU	Позиция в рейтинге молодых университетов THE
<i>тет</i>						
Гонконгский университет науки и технологий	1991	58	40	95	301-400	3
<i>Назарбаев университет</i>	2010	-	-	1275 (из 2165)	Рейтинг только по отдельным дисциплинам от 201-300 до 401-500	-
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова	1755	163	75	355	101-150	-
<i>Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»</i>	1992	401-500	308	561	601-700	66
<i>Сколково институт науки и технологий</i>	2011	-	-	702	701-800	1062

Составлено по данным рейтинговых агентств *THE*, *QS*, *U.S. News & World Report*, *ARWU*.

Таким образом, при дальнейшем рассмотрении финансовая составляющая инновационного успеха вуза должна быть дополнена другими элементами.

Несмотря на значительное внимание, которое уделяется в литературе моно- и междисциплинарным исследованиям университетов, они в основном сосредоточены на изучении элементов триады «цифровизация – качество – доверие». Однако существуют некоторые специфические объекты для анализа в границах образовательного пространства как широкого поля гуманитарных изысканий. К ним, в частности, следует отнести феномены УУ [Салми, 2009; Альтбах и др., 2022], «уполномоченного университета» [Hrabovski et al., 2019], предпринимательского университета [Raposo, Paço, 2011], университета в координатах «знаний, денег и рынка» [Гайгер, 2018], национального исследовательского университета [Трофимова, 2022] и т. п. В центре внимания этих исследований находятся актуальные инновационные измерения вузовского менеджмента. УУ можно определить как вуз, достигший за несколько десятилетий мирового уровня, но обладающий неопределенными перспективами.

Ускоренные университеты в Европе: опыт Швейцарии и Люксембурга

Успех молодых университетов Старого Света интересен для изучения, поскольку образовательная среда в Европе конкурентна и насыщена. В этих условиях новым вузам легче проходить этап становления при минимальной внешней поддержке вузов-мэтров. Одновременно университетская среда в регионе более традиционна и консервативна, чем в Северной Америке и Азии, поэтому успех европейских УУ следует рассматривать как результат рискованных, но успешных инноваций.

В книге «Ускоренные университеты» авторы предлагают пять основных критериев успеха УУ [Альтбах и др., 2022: 25–34]:

- привлеченные к преподаванию и обучению таланты;
- узкая/нишевая специализация в преподавании и исследованиях, неотделимая от междисциплинарности;
- долгосрочная финансовая устойчивость, которая в процессе эволюции вуза движется к поливариантности источников поступления средств,
- эффективный менеджмент и поддержка властей;
- местоположение.

Эти параметры должны быть дополнены четко структурированным целеполаганием, на основании которого формируется стратегия создания и развития конкретного вуза. Последующие кейсы УУ рассмотрены именно в аспекте инвариантов.

Обратимся в этой связи к опыту одних из самых богатых стран Европы, рассмотрев историю Люксембургского университета (основан в 2003 г. и занимает место в третьей сотне *THE*), а также Федеральной политехнической школы Лозанны (*EPFL*) (основана в 1969 г., удерживает 41 место в мире по рейтингу *THE* и 16 место в рейтинге *QS*).

Технический факультет университета Лозанны в 1969 г. был преобразован в самостоятельный вуз. За формальной реструктуризацией стояли амбициозные цели: быстро увеличить число высококвалифицированных инженеров и привлечь множество иностранных студентов, которые в будущем станут проводниками швейцарских технологических достижений в своих странах. Вместе с Цюрихским вузом *EPFL* должна была стать вторым общенациональным техническим университетом Швейцарии.

Первые десять лет федеральное финансирование было определяющим для вуза. Оно позволило *EPFL* приобрести высокую репутацию. После 2000 г. источники средств поменялись: самыми крупными стали поступления от европейских организаций, промышленности и спонсоров. Вуз вышел на мировой уровень.

Кроме поэтапного подключения различных финансовых инструментов, не менее значимую роль сыграли поиск талантов по всему миру (в *EPFL* учатся студенты и аспиранты из 120 стран, что является самым высоким показателем среди стран континентальной Европы), стимулирование междисциплинарных исследований и нацеленность на них, создание нового кампуса, инфраструктуры для стартапов, а также инновационные формы преподавания. Виды Женевского озера, качество жизни и прекрасная природа также способствовали успеху образовательного проекта.

Люксембургский университет – первый и единственный в стране – создан в 2003 г. До этого в Великом Герцогстве существовали три разнородные образовательные структуры, главной целью которых была годичная подготовка студентов к учебе в зарубежных вузах. Однако они подверглись кардинальному преобразованию для создания исследовательского университета с преобладанием иностранных преподавателей и студентов, что обусловлено размерами страны. Вузу «повезло в течение многих лет пользоваться достаточной финансовой поддержкой государства. Университет мирового уровня – это дорогое удовольствие» [Альтбах и др., 2022: 299]. Что касается предметных ниш в исследованиях, университет ориентировался на междисциплинарность, в т. ч. в сферах, которые прежде в стране практически не развивались, например борьба с нейродегенеративными заболеваниями.

Кроме финансовой поддержки, становлению нового вуза способствовало общественное мнение, поскольку университет успешно позиционировал себя как важное для промышленности, науки и культуры национальное приобретение, что было трудно в окружении именитых университетов соседних стран. У Люксембургского университета отсутствовали конкуренты внутри страны и были тесные контакты с университетским сообществом, что позволяло ориентироваться на лучшие зарубежные образцы. В обоих случаях речь идет о функционировании исследовательского университета, поскольку в цифровую эпоху только этот формат может обеспечить должный уровень конкурентоспособности, в том числе, третичного образования.

Примеры создания новых университетов в азиатском регионе

Концепция ускоренных университетов идет вразрез с широко распространенной точкой зрения о размывании в информационном обществе среднего класса, росте безработицы внутри него и инфляции высшего образования. Реализация стратегии УУ исходит из того, что в развивающихся странах со средним уровнем доходов спрос на качественное высшее образование будет расти, а существующие университеты не смогут его полностью удовлетворить. Это обуславливает открытие новых локальных вузов, которым потребуются эффективные технологии ускоренного «движения к совершенству».

В азиатском регионе удачным стал опыт создания Гонконгского университета науки и технологий (*Hong Kong University of Science and Technology, HKUST*) в 1991 г. По данным на 2022 г., он занял 58-е и 40-е места среди лучших университетов мира в европейских рейтингах (*TSE* и *QS* соответственно), 95-е место в рейтинге *U.S. News & World Report* и 3-е место среди молодых университетов по шкале *THE* для молодых вузов. Для сравнения: созданная в 1992 г. в России Высшая школа экономики в тех же рейтингах за 2022 г. оказалась в пятой сотне вузов (*TSE*), на 308-е и 561-е месте (*QS* и *U.S. News & World Report* соответственно), а также на 66-м месте в мире в рейтинге молодых вузов. Выбор *HKUST* в качестве предмета рассмотрения обусловлен высоким рейтингом среди молодых университетов мира.

Первоначально для *HKUST* была сформулирована триединая цель – создать исследовательский университет с естественно-научной и технологической специали-

зациями, где обучение и исследования равноправны, а студентам доступен весь спектр дисциплин от точных до социально-гуманитарных. Вуз стал третьим университетом в Гонконге, изначально нацеленным на место среди мировых лидеров.

Положение Гонконга как крупного азиатского города глобального значения способствовало привлечению в вуз талантливых профессоров и студентов со всего мира. Благосклонность властей, многоканальные источники финансирования (например, две трети средств на строительство университетского комплекса передано Гонконгским жокей-клубом – крупнейшим благотворителем в городе) – факторы истории успеха молодого азиатского вуза.

Более рискованной как по замыслу, так и по промежуточным результатам была концепция Назарбаев Университета (НУ) в Астане. Национальная система высшего образования в Казахстане выросла из советских образовательных традиций. Создание НУ в 2010 г. было нацелено на формирование в стране флагманского исследовательского университета, призванного стать центром науки и инноваций при сохранении национальной идентичности. Несмотря на благосклонность властей к проекту, НУ необходимо было решить множество задач, с которыми редко сталкиваются УУ. Во-первых, ориентируясь на привлечение высококвалифицированных преподавателей из-за рубежа, вузу приходилось преодолевать неосведомленность иностранцев о стране. И сложности по привлечению иностранных студентов, которые к тому же не имели доступа к государственным стипендиям. Во-вторых, до сих пор исследовательская составляющая деятельности НУ слабее образовательной. Это подтверждают рейтинговые показатели: в рейтинге *U.S. News & World Report* вуз занял 1275-е место из 2165, а в европейских рейтингах он до сих пор отсутствует (даже в рейтинге молодых вузов *THE*). По *ARWU*, Назарбаев Университету выставлены показатели только по отдельным дисциплинам от 201–300 до 401–500. Однако для вуза с тринадцатилетней историей это существенные достижения. В-третьих, местоположение университета в малоизвестном городе с резко континентальным климатом и неблагоприятной экологией не добавляло ему конкурентных преимуществ.

Существующие сложности привели к необходимости построения партнерских отношений с ведущими многочисленными академическими структурами по всему миру, неограниченными одним флагманским вузом, если сравнивать со Сколковским институтом науки и технологий (Сколтехом).

Университет в Сколково: трудности и риски

Необходимость реализации концепции УУ возникала и в России. За последние тридцать лет попытка ее воплощения предпринималась как минимум дважды: самые известные – это кейсы Высшей школы экономики (ВШЭ) и Сколковского института науки и технологий (Сколтеха). История возникновения последнего детально рассмотрена в исследовательских работах [Водопьянова, 2012; Альтбах и др., 2022].

Цель открытого в 2011 г. Сколтеха – создание лучшего вуза России в сегменте постдипломного образования. Университет активно сотрудничал с Высшей школой экономики, участвуя в учебном процессе последней и развивая трансфер бакалавров

ВШЭ в магистратуру университета в Сколково. На этом фоне университет декларировал стремление превратиться в полноценный вуз и открыть собственный бакалавриат.

Кампус построен в двадцати километрах от Москвы на престижном западном направлении. В качестве междисциплинарных направлений выбраны блоки *ИТ*, ядерные, космические, биотехнологические исследования и энергетические изыскания. Кроме российских студентов в магистратуру и аспирантуру Сколтеха поступала талантливая молодежь преимущественно из Латинской Америки и Африки, а также Индии, Бангладеша, Пакистана и Украины. Аспирантские стипендии составляли 8 тыс. руб. Зарплата преподавателей в разы превосходила выплаты профессорам флагманских университетов страны. Большинство преподавателей Сколтеха совмещали преподавание в университете с работой в зарубежных вузах.

Таким образом, в аспектах целеполагания, местоположения, подбора кадров и предметных исследовательско-образовательных ниш можно говорить о рациональных основаниях в реализации замысла. Однако это невозможно сказать о принципах финансирования нового вуза, нацеленного на роль флагманского УУ, из-за двух обстоятельств. Во-первых, руководство вуза не предпринимало активных усилий по расширению каналов финансирования, рассчитывая на федеральные ресурсы. Тем не менее другие мировые кейсы, особенно на начальных этапах, финансировались аналогичным образом. Во-вторых, значительная часть полученных из федерального бюджета средств шла на оплату услуг партнерам из *MIT*. В 2011 г. Сколтех «заключил соглашение с МПТ, по которому американский институт должен был в течение трех лет получить из бюджета России 302,5 млн долл. Из них 152 млн долл. перечислялись как грант с формулировкой на собственное развитие, еще 150,5 млн долл. – за помощь в создании Сколтеха»¹. Поддержка со стороны флагмана мирового инженерного образования подразумевала разработку концепции российского вуза, стажировки в США сотрудников и подбор кадров. Грант со стороны становящегося вуза крупнейшему университету мира выступал в некотором роде антитрендом и вряд ли эффективной тратой из российского бюджета. Нельзя однозначно утверждать, что это был неверный управленческий шаг, поскольку «при наличии сильного институционального партнера новый вуз быстрее получит признание и добьется доверия» [Альтбах и др., 2022: 331]. Однако, в отличие от Назарбаев Университета в Астане, альтернатив сотрудничеству не предполагалось. При этом нужно отметить, что *MIT* успешно выступал партнером многих УУ в мире, однако это партнерство имело отложенный негативный эффект.

В 2015 г. контракт с *MIT* был продлен на три года, а в 2019 г. – на пять лет. 11 апреля 2022 г. Сколтех исключили из Болонской системы. Это вместе с наложенными на вуз санкциями автоматически понизило рейтинг диплома университета, а значит, и его привлекательность для иностранных студентов: «Никто не пони-

¹ Анисимова Н. Массачусетский институт расторг сотрудничество со Сколтехом из-за Украины. РБК. 26.02.2022. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/26/02/2022/6219d29b9a79470390e25d3d?from=article_body (дата обращения: 10.01.2023).

мает их юридический статус – что будет, если человек окончил университет, который находится под санкциями»¹. Иностранцев среди студентов было около 20%.

Вторичными могли оказаться санкции для преподавателей с американским гражданством, поэтому они покинули вуз. *MIT* объявил о прекращении сотрудничества через два дня после начала Специальной военной операции на Украине. Большинство иностранных партнеров прекратили поставки приборов и реактивов. Произошло нарушение логистики поставок, к тому же в 2022 г. сократился бюджет вуза.

Таким образом, из шести обозначенных выше инвариантов развития УУ, у Сколтеха не менее половины трансформировались преимущественно в негативном направлении: целеполагание, приоритетность финансирования, благосклонность властей и партнеров, преподавательский и студенческий потенциал.

Происходящее со Сколтехом вовсе не фатально и не означает утрату потенциала вуза, который за десятилетие существования вошел в седьмую сотню лучших в мире, согласно *ARWU* и рейтингу *U.S. News & World Report*. В научно-образовательной структуре освоена технология «движения вверх», которую при благоприятных внешних условиях можно повторить, но это потребует не меньших усилий, чем первоначальное создание УУ. Тем более этому объективно будет способствовать феномен ускорения социального времени, в координаты которого погружен современный мир.

* * *

Нарастающий темп социальных изменений оказывается одним из главных маркеров реальности, а современная культура все более прославляет новое, поэтому феномен УУ следует воспринимать в качестве ответа на вызовы ускоряющейся культуры, «сжатия настоящего» [Rosa, 2015] и способа адаптации к ним социума. В этом заключается социокультурный механизм запуска технологических средств для достижения эффективности УУ. К ним относятся шесть указанных выше инвариантов инновационного успеха молодых университетов: целеполагание, таланты, выбор исследовательских и образовательных приоритетов, долгосрочная финансовая устойчивость, патронаж властей и эффективный менеджмент, местоположение вуза.

Новая эпоха создает не просто количественную потребность в новых вузах. Первые из них сформировала доиндустриальная эпоха в Старом Свете. Рейтинги университетов показывают, что среди них лидирующие позиции к настоящему времени сумели удержать только некоторые британские вузы. Индустриальный период породил массовое высшее образование и на его фоне способствовал появлению новых университетов-лидеров в США. В цифровую эпоху можно предположить, что шагом в направлении поиска новых образовательных инноваций (как технологий инновационного движения к академическому успеху) станут молодые

¹ Балашова А. «Сколково» и Сколтех: «Мы все время забываем, что мы уже не СССР». РБК. 15.08.2022. URL: https://www.rbc.ru/interview/technology_and_media/15/08/2022/62f2a5ca9a7947785cd167d1 (дата обращения: 10.01.2023).

университеты. Удавшиеся образовательные начинания такого типа – это всегда исследовательские университеты с относительно небольшим числом обучающихся (от 10000 чел. до, в частности, 1000 чел. в Сколтехе), масштабным многоуровневым международным партнерством и актуальными для мировой науки дисциплинарными/междисциплинарными приоритетами. Своим появлением и впечатляющими результатами на разных континентах они объединяют как инновации, идущие от запросов социума, адаптирующегося к ускоряющемуся времени, так и образовательные инновации, генерируемые предложением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Альтбах Ф., Райсберг Л., Салми Дж., Фрумин И. (ред.) (2022) *Ускоренные университеты: соединение идей и денег для достижения академического совершенства*. Изд. Дом Высшей школы экономики, М.: 351 с.

Водопьянова Е.В. (2012) О Сколково и не только о нем. *Свободная мысль*. № 3/4. С. 60–74.

Гайгер Р. (2018) *Знания и деньги. Исследовательские университеты и парадокс рынка*. Изд. Дом Высшей школы экономики, М.: 408 с.

Салми Д. (2009) *Создание университетов мирового класса*. Весь мир, М.: 132 с.

Трофимова И.Н. (2022) Национальные исследовательские университеты: статус и результаты деятельности. *Социология науки и техники*. Т. 13. № 1. С. 116–129.

Bertman S. (1998) *Hyperculture: the human cost of speed*. Praeger, Westport, USA. 288 p.

Han B. (2022) *Hyperculture: Culture and Globalization*. Polity, Cambridge, UK. 106 p.

Hrabovski F.A., Rous R.J., Henderson P.H. (2019) *The Empowered University: shared leadership, culture change and academic success*. John Hopkins University Press, Baltimore, USA. 320 p.

Raposo M., Paço A. (2011) Entrepreneurship education: Relationship between education and entrepreneurial activity. *Psicothema*. Vol. 23. No. 3. P. 453–457. URL: <http://www.psicothema.com/pdf/3909.pdf> (accessed: 10.11.2022).

Redhead S. (2004) *Paul Virilio: Theorist for an Accelerated Culture*. University of Toronto Press, Toronto, Canada. 168 p.

Rosa H. (2015) *Social acceleration: A new theory of Modernity*. Columbia University Press, N.Y., USA. 512 p.

Warf B. (2008) *Time-Space Compression. Historical geographies*. Routledge, London, UK. 272 p.

Accelerated Universities: European and Asian Experience

E.V. Vodopianova*

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor

Department of social and political studies

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

***E-mail:** veritas-41@yandex.ru

Abstract. Using socio-cultural methodology, as well as comparative analysis and data from the most authoritative agencies in the field of global university rankings, the article scrutinises examples of the successful creation of some newly founded universities in Europe, Asia and Russia. The main purpose of the study is, firstly, to outline the so-

cio-cultural background, and, secondly, to compare the features of the entry of relatively recently emerged universities among the world leaders. The article reveals that along with the traditional resource sources of university efficiency, such socio-cultural dominant idea of modernity as the ubiquitous “acceleration of time” characteristic of the global era of the knowledge economy begins to play an equally important role in achieving the latter. It is established that young universities appear as an up-to-date version of the response to the challenges of modern culture as a marker of acceleration of social time. Accelerated university is defined as a university that has reached a world-class level in several decades, often with uncertain future prospects. It is argued that of all the examples considered in the article, it is the University of Skoltech that currently proves to be almost completely confirming this definition. The evolution of a young university is considered as the result of a risky innovation, the success of which is not a foregone conclusion, and is also subject to constant changes.

Key words: accelerated universities, information society, innovations and traditions in higher education, criteria for the success of new universities, European and Asian university cases, Skolkovo, uncertainty, prospects

DOI: 10.31857/S0201708323030099

EDN: bsozxo

REFERENCES

- Bertman S. (1998) *Hyperculture: the human cost of speed*, Praeger, Westport, USA.
- Gajger R. (2018) *Znaniya i den'gi. Issledovatel'skie universitety i paradoks rynka* [Knowledge and money. Research universities and the Paradox of the Marketplace], Izd. Dom Vyshej shkoly ekonomiki, Moscow, Russia. (In Russian).
- Han B. (2022) *Hyperculture: Culture and Globalization*, Polity, Cambridge, UK.
- Hrabovski F.A., Rous R.J., Henderson P.H. (2019) *The Empowered University: shared leadership, culture change and academic success*, John Hopkins University Press, Baltimore, USA.
- Raposo M., Paço A. (2011) Entrepreneurship education: Relationship between education and entrepreneurial activity, *Psicothema*, 23(3), pp. 453–457. URL: <http://www.psicothema.com/pdf/3909.pdf> (accessed: 10.11.2022).
- Redhead S. (2004) *Paul Virilio: Theorist for an Accelerated Culture*, University of Toronto Press, Toronto, Canada.
- Rosa H. (2015) *Social acceleration: A new theory of Modernity*, Columbia University Press, N.Y., USA.
- Salmi D. (2009) *Sozdanie universitetov mirovogo klassa* [The Challenge of Establishing the World Class Universities], Ves' mir, Moscow, Russia. (In Russian).
- Trofimova I.N. (2022) Nacional'nye issledovatel'skie universitety: status i rezul'taty deyatel'nosti [National research universities: status and results of activity], *Sociologiya nauki i tekhniki*, 13(1), pp. 116–129. (In Russian).
- Altbach Ph., Reisberg L., Salmi J., Froumin I. (ed.) (2022) *Uskorennye universitety: soedinenie idej i deneg dlya dostizheniya akademicheskogo sovershenstva* [Accelerated Universities. Ideas and Money Combine to Build Academic Excellence], Izd. Dom Vyshej shkoly ekonomiki, Moscow, Russia. (In Russian).
- Vodop'yanova E.V. (2012) O Skolkovo i ne tol'ko o nem [About Skolkovo and not only about it], *Svobodnaya mysl'*, 3/4, pp. 60–74. (In Russian).
- Warf B. (2008) *Time-Space Compression. Historical geographies*, Routledge, London, UK.

УДК 327

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ПОДХОДА

© 2023 г. ТИМОШЕНКОВА Екатерина Петровна*

Кандидат исторических наук

*Ведущий научный сотрудник Отдела социальных и политических исследований
Института Европы РАН. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11-3*

***E-mail:** *ek.timoshenkova@gmail.com*

Поступила в редакцию 14.02.2023

После доработки 28.03.2023

Принята к публикации 12.04.2023

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей взаимодействия германского государства и гражданского общества (ГО). ФРГ известна как развитое демократическое государство с сильным ГО, в котором активную роль играют неправительственные организации (НПО). Они помогают немецкому правительству реализовывать внешнеполитическую концепцию и поддерживают его имидж за рубежом. Статья отвечает на вопросы: являются ли немецкие НПО равноправным партнером государства и насколько они самостоятельны в действительности? Для ответа на них сделан анализ правового статуса и особенностей финансирования немецких неправительственных организаций, изучены концепции взаимодействия государства и ГО, выделены их основополагающие принципы. В статье проведено различие между научным и государственным/правительственным подходом. Для этого исследованы теоретические работы немецких ученых и аналитические материалы бундестага, прежде всего комиссий по этике 2002 г., проведено сравнение немецкого подхода к НПО с международными практиками. Раскрыты основные положения взаимодействия государства и ГО в период канцлерства Г. Шредера и А. Меркель. Детально проанализирована модель красно-зеленой коалиции, т. к. именно она стала основой современного общественного договора. Сделан вывод, что в ФРГ не существует гражданского общества в идеальном научном понимании. Немецкое государство не только финансово поддерживает НПО, но и определяет правила взаимодействия, выделяя организации, которые стремятся к политическому влиянию.

Ключевые слова: ФРГ, гражданское общество, бундестаг, неправительственные организации, социальные движения, третий сектор, «мягкая сила», политическое влияние, общественный договор, Г. Шредер, А. Меркель

DOI: 10.31857/S0201708323030105

EDN: bstgqi

Парадоксы немецкой политики

Современная Германия ассоциируется с демократическим правовым государством и развитым гражданским обществом (ГО). Ее имидж вызывает у стороннего наблюдателя уверенность в том, что права немецких граждан не только закреплены в Основном законе ФРГ, но и укоренены в партийно-политической системе. Это впечатление складывается благодаря эффективному функционированию многочисленных неправительственных (НПО) и некоммерческих организаций (НКО) как внутри страны, так и за рубежом. Германия целенаправленно и последовательно делает ставку во внешней политике на использование «мягкой силы», основу которой составляют НПО, включая партийно-политические фонды. Немцы усовершенствовали изначально американскую концепцию с учетом исторического опыта и особенностей государственного строя. В значительной степени удачное сочетание теории и практики стало возможным благодаря сотрудничеству государства и науки, существованию в Германии сильной правовой и политико-философской научной школы, которая опирается на традиции предыдущих поколений.

В российской политологии анализу особенностей взаимодействия немецкого государства и ГО уделено немного внимания. Как правило, ученые рассматривают этот вопрос в рамках концептуальных исследований, посвященных внешней и внутренней политике ФРГ [Погорельская и др., 2021]. Среди экспертов, которые целенаправленно изучают отдельные аспекты деятельности германских НПО следует выделить С.В. Погорельскую [Погорельская, 1999; 2005; 2007; 2022], О.П. Попову [Попова, 2019], А.В. Карпунину [Карпунина, 2013], А.А. Рожина [Рожин, 2021]. В статье рассмотрены особенности статуса неправительственных организаций в Германии и выявлены различия между научным и государственным подходом к ГО и его организациям.

Современная немецкая политическая элита уделяет большое внимание тому, как направить «гражданскую энергию» – потенциальный источник конфликта – в позитивное русло. А. Меркель на посту канцлера Германии создала в 2014 г. специальную рабочую группу, в состав которой вошли лучшие немецкие специалисты по психологии масс¹. Помимо конъюнктурной задачи создания благоприятного имиджа канцлера, как лидера нации, они должны были разработать механизмы, с помощью которых немецкое общество функционировало бы себе во благо. В результате появилась концепция гражданского диалога, главный девиз которого – «хорошо жить в Германии». Например, для профилактики заболеваний полезно заниматься спортом, что должно привести к снижению нагрузки на систему здравоохранения и страхования, увеличить работоспособность граждан. Следовательно, нужно превратить занятия фитнесом в модный тренд [Alexander, 2018: 25]. Создание группы стало попыткой канцлера наладить систему мягкого управления обществом с целью заботы о нем, с одной стороны, и презентации себя понимающим и хорошим лидером – с другой. В период правления А. Меркель активно и регулярно использовала практику взаимодействия с ГО в формате общественного диалога (*Bürgerdialog*) – конферен-

¹ Эта группа была создана в структуре ведомства канцлера и подчинялась лично А. Меркель.

ций, создания специальных платформ для обсуждения различных актуальных тем: от миграции, интеграции до цифрового развития и новой зеленой энергетики¹.

Ее предшественник на посту канцлера, социал-демократ Г. Шрёдер (1998–2005 гг.) одобрил создание специальных комиссий по этике при бундестаге, в состав которых вошли ученые и представители общественности. Задачей двух комитетов стало изучение последствий глобализации и перспектив развития гражданской активности. Их отчеты, в которых центральное место занимает анализ деятельности и особенностей функционирования немецких НПО и НКО, были представлены в 2002 г. и до сих пор являются основным источником для понимания государственного подхода к развитию ГО и роли НПО в ФРГ².

Красно-зеленая коалиция во главе с Г. Шредером не случайно занималась изучением вопроса гражданской активности в условиях глобализации. Экономические вызовы, связанные с объединением Германии, рост безработицы, влияние развития мировой экономики привели страну к структурному кризису. В этих условиях социал-демократы были вынуждены посягнуть на одну из базовых основ немецкой партийно-политической системы – социальное государство – и начать проводить совершенно не свойственную для них политику «Повестка дня 2010», которая предусматривала сокращение социальных пособий и уменьшение государственной поддержки. Это означало отход от привычной для немецких граждан системы социальной справедливости, перенос большей ответственности на самих граждан и их объединения.

Теоретические и правовые аспекты деятельности НПО и НКО в Германии

Сегодня в немецкой политологии существует множество трактовок и концепций гражданского общества. Например, в Малом лексиконе политики (*Kleines Lexikon der Politik*) ГО – это «совокупность коллективных действий и публичного дискурса между частной сферой и государством. Его организационное ядро составляют многочисленные организации, также конкурирующие между собой, которые ведут дела относительно автономно и формулируют свои материальные и нематериальные интересы» [Nohlen, 2001: 593]. Немецкий историк Ю. Коцка описывает гражданское общество как «пространство социальной самоорганизации между государством, экономикой и частной сферой, область действий ассоциаций, кружков, социальных движений и неправительственных организаций» [Коцка, 2002: 15]. Исследовательница А. Циммер видит в ГО образец социального взаимодействия, альтернативу, к которой следует стремиться, форму общественной самоорганизации [Zimmer, Wolf, 2012: 16]. В. Кляйн понимает под гражданским обществом «общественную сферу вне государства, но не вне политики, в которой действуют обще-

¹ Например, ежегодно проводились т. н. исламские конференции, в которых активно участвовали диаспоры и религиозные организации.

² Bericht der Enquete-Kommission „Zukunft des Bürgerschaftlichen Engagements. Bürgerschaftliches Engagement“. Auf dem Weg in eine zukunftsfähige Bürgergesellschaft. Deutscher Bundestag. Drucksache 14/8900. 14. Wahlperiode. 03.06.2002. 429 p.

ственные ассоциации – объединения граждан на добровольной основе, оказывающие влияние на формирование политического мнения» [Klein, 2011: 29].

Современные исследователи Института международных отношений (г. Штутгарт)¹ предлагают ввести более широкие и универсальные определения, т. к. гражданское общество давно вышло за пределы национальных границ, часто использует в качестве рабочего языка английский, и для его организаций характерен миссионерский подход, а не достижение целей регионального значения [Hummel et al., 2020: 17]. По их мнению, роль и задачи НПО изменились в XXI в. Они все чаще участвуют в преобразовании общественного пространства наравне с государством, взаимодействуя с ним одновременно как партнеры и конкуренты. Это означает, что ГО превратилось в фактор силы, поэтому его следует рассматривать не как пространство между государством и рынком, а как самостоятельный и неотъемлемый элемент – «третью измерение». Ученые выступают за применение термина «организации гражданского общества» вместо привычных НПО и НКО [Hummel et al., 2020: 14]².

Таким образом, несмотря на отсутствие единого определения, ключевым элементом в современных немецких концепциях гражданского общества являются ассоциации или организации граждан, действующие на добровольной основе и независимые от государства, но влияющие на формирование политического дискурса.

У права на ассоциацию (на создание общественных объединений) давние традиции в немецком законодательстве. Упоминание права на объединение содержалось в Конституционной хартии Пруссии 1850 г. (ст. 30)³ и Веймарской конституции Германской империи 1919 г. (ст. 124)⁴. В Основном законе ФРГ 1949 г. указано, что «все немцы имеют право создавать союзы и общества. Кроме того, каждому гражданину и представителям всех профессий гарантируется право на образование объединений в целях сохранения и развития трудовых и экономических отношений»⁵. Создание союзов регулируется гражданским (параграфы 21–79 Гражданского кодекса – *Bürgerliches Gesetzbuch*) и публичным правом (Закон о регулировании общественного права на объединения – *Gesetz zur Regelung des öffentlichen Vereinsrechts (Vereinsgesetz)*).

¹ В 2020 г. немецкие эксперты С. Хуммель, Л. Рот, Р. Штрахвитц провели для Института международных отношений (г. Штутгарт) аналитическое исследование «Что означает гражданское общество в Европе? Основа для международного сотрудничества». Они предложили использовать в научном дискурсе подходы и определения международной общественной организации «CIVICUS», которая регулярно публикует материалы о состоянии ГО в 196 странах.

² Такой подход значительно шире и ближе к американскому, т. к. включает все общественные движения и организации, в т. ч. профсоюзы. В немецкой политологической науке последние рассматриваются отдельно от НПО и НКО, однако они признаются важным элементом ГО.

³ Конституционная хартия Пруссии (31 января 1850 г.). URL: https://pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio60/ (дата обращения: 21.02.2023).

⁴ Конституция Германской империи (Веймарская) от 11 августа 1919 г. URL: https://pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio64/ (дата обращения: 21.02.2023).

⁵ Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. 1949. Art 9. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/gg/art_9.html (дата обращения: 21.02.2023).

Наиболее распространенные правовые формы объединения граждан в Германии – зарегистрированный союз (*eigetrager Verein, e.V.*) и фонд (*Stiftung*). Оба вида объединений могут добиться статуса общественно полезной организации, который утверждает налоговая служба, опираясь на цели устава НПО. На основании этого статуса они получают налоговые льготы, а также право предоставлять своим донорам справки о пожертвовании, позволяющие снизить налоги.

Свобода каждого гражданина Германии организовать союзы, к которым относятся НПО и НКО, является одной из ключевых основ немецкой политической системы и культуры. Она обеспечивает немецким неправительственным организациям широкую свободу действий внутри страны. В частности, НПО не обязаны (но могут по собственному желанию) разглашать информацию о своих членах, их контактах и зарубежных источниках финансирования¹. Отвечая на вопрос депутатов о целесообразности контроля за финансированием из-за рубежа, научная служба бундестага указала на безрезультатность поиска конечного источника. Тот, кто захочет скрыть свою деятельность, может сделать это через подставные европейские организации с хорошей репутацией. Не имея возможности отследить нежелательных инвесторов, немецкое государство сосредоточилось на проверке соответствия деятельности НПО и НКО немецкому законодательству. Правительственные органы контролируют также качество услуг НПО, проверяют отчеты о проектах, на которые выделены гранты из государственных средств. Взаимодействие власти и общественных организаций происходит не только через публичный диалог, СМИ, но и за счет консультаций правительственных структур с представителями НПО, участия в специальных комиссиях и других форматах, инициаторами создания которых, как правило, выступают органы власти.

Концепция НПО: основные определения, понятия, разграничения

Ни в политической, ни в академической дискуссии нет общепринятого определения неправительственной организации, поэтому целесообразно выделить ее основные признаки и разграничить с другими близкими терминами, которые применяются как в науке, так и в государственных документах. Понятие «НПО» часто используют в тематическом контексте вместе с гражданским обществом, социальным движением, третьим сектором и социальным капиталом.

Общим для всех понятий является точка отсчета промежуточного пространства между государством, рынком и частной сферой. Как показано выше, эксперты рассматривают ГО как сферу действия добровольных объединений граждан для достижения определенных целей между государством, рынком и частным сектором, в то время как третий сектор описывает добровольный, неправительственный сектор социальных услуг. Под социальными движениями обычно понимают неформальную, коллективную, мобилизующую деятельность с целью изменения социальных струк-

¹ Ausländische Finanzierung von Vereinen. Deutscher Bundestag. 2017. URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/503054/a56819274770f6a27539103b441f3111/WD-3-032-17-pdf-data.pdf> (дата обращения: 21.02.2023).

тур. Социальный капитал – понятие, введенное в 1980-е гг., характеризует как частный, так и общественный социально-интегративный потенциал – ресурсы, основанные на доверии, общих нормах и ценностях, а также социальных сетях (объединениях) [Stickler, 2005: 94]. Таким образом, социальный капитал можно понимать, с одной стороны, как условие для входа в третий сектор, а с другой – как его продукт, в создании которого активное участие принимают в т. ч. неправительственные организации.

Базовые характеристики НПО – добровольность, независимость (от государства/правительства), ориентация на общее благо и некоммерческий характер. Часто в концепциях указаны элементы постоянства и признаки формальной организации. Альтруистическая установка присутствует не всегда, в то время как стремление к политическому влиянию постепенно признается в качестве одной из целей НПО, что значительно расширяет сферу действий неправительственных организаций и увеличивает их значимость как для гражданского общества, так и для государства.

Таблица 1

Термин «НПО» в науке: подходы к определению

Авторы	Элементы	Основная характеристика	Разграничения/отличительные черты
М. Глагов, 1993	посредник; некоммерческий; добровольно-альтруистический, благотворительный характер; независимость от государства/правительства	некоммерческая; добровольная; независимая	некоммерческая; добровольная
Вайс Т., Горденкер Л., 1996	добровольное формальное объединение общественных сил; отсутствие погони за экономической выгодой; гуманистические и универсалистские принципы; попытка повлиять на государственных деятелей и политиков	некоммерческая; добровольная	формальная; гуманитарные цели; поиск влияния
Й. Хирш, 1993	формально частная, некоммерческая; воспринимается как защищающая интересы; организационно и финансово независима от государства и бизнеса; профессиональная, постоянно действующая организация	некоммерческая; независимая; постоянная; интересы третьих лиц	постоянная; независимая; защита интересов
И. Таке, 2002	независимость от государства/правительства; некоммерческий характер; только представление общественных интересов; универсальные принципы и благотворительность; политическая цель; добровольный приток ресурсов	независимая; некоммерческая; защита интересов; влияние на политику	независимость; политическое влияние

Авторы	Элементы	Основная характеристика	Разграничения/отличительные черты
Б. Колер-Кох, 2011	негосударственная; не ради прибыли; добровольная ассоциация; мирный и публичный характер; ориентация на общее благо	некоммерческая; добровольно; общее благо	публично; мирный
С. Хуммель, Л. Пфиртер, Л. Рот, Р. Штрахвитц, 2020	добровольность; эмпатия; дарение времени, идей, активов; субъективный общественный интерес, направленный на достижение общего блага; первичная ориентация на определенную цель; миссия; отказ от распределения прибыли между членами и/или собственниками.	добровольная, общественное благо; некоммерческая	миссия; фактор силы; влияние, преобразование общественного пространства

Составлено по: [Otten, 2016; Hummel et al., 2020].

Многие неправительственные организации Германии образовались из протестных движений. От протестных объединений, созданных с целью изменения сложившихся социально-экономических и правовых отношений, НПО прошли путь к организациям с фиксированной структурой и консультативной компетенцией и таким образом заняли место в немецкой политической системе. Современные исследователи неправительственных организаций в ФРГ до сих пор в качестве одного из критериев оценки деятельности организации анализируют ее конфликтный потенциал. Степень конфликтности, или готовность к протесту – объект внимания со стороны правительства ФРГ. Немецкие политологи отмечают, что в отличие от англосаксонской модели взаимодействия НПО и государства, которая базируется на конструктивном подходе, немецкие объединения готовы применять деструктивные (конфликтные или протестные) методы [Otten, 2016: 282]. Сегодня наличие у НПО признаков формальной организации, опыта и авторитета являются определяющими критериями, однако следует признать, что многие из них используют средства и методы социальных движений для того, чтобы заявить о себе и привлечь внимание.

Наибольший интерес представляет анализ политического подхода, т. к. именно он поможет понять специфику взаимоотношений немецкого государства и гражданского общества и выявить особенности последнего.

Политический подход

Термин «неправительственная организация» впервые использован в 1945 г. в статье 71 Устава Организации Объединенных Наций. Она закрепляет участие НПО в системе ООН (в частности, в Экономическом и Социальном Совете, ЭКОСОС). ООН приняла широкое определение, охватывающее все международные организации, не созданные на основе правительственного соглашения, включая университеты, деловые и промышленные ассоциации, церковные организации и муниципали-

теты. Подход Всемирного банка существенно отличается и ориентируется на общее благо, к которому должны стремиться НПО. К ним относятся организации, которые полностью или в значительной степени независимы от правительств и занимаются деятельностью, направленной на облегчение страданий, продвижение интересов бедных, защиту окружающей среды, предоставление основных социальных услуг или развитие общества.

Стремление к достижению общих целей должно быть существенной характеристикой НПО как части гражданского общества в понимании Европейской комиссии. Она проводит различие между оперативными НПО, предоставляющими услуги, и правозащитными, цели которых позволяют оказывать влияние на политику. В целом организации, по мнению Комиссии, представляют группы интересов [Otten, 2016: 28], следовательно занимаются лоббированием.

В документах немецкого парламента нет четкого определения НПО. По мнению специальных комиссий по этике 2002 г., основной отличительной чертой немецких неправительственных организаций является «политическая активность без правовых полномочий – без возможности использовать общепринятые политические инструменты»¹. Их деятельность, как и гражданских ассоциаций, базируется на принципах добровольности и самоорганизации. Для них характерна «политическая независимость, общественная активность, в т. ч., правозащитная, поддержка инициатив на низовом уровне». Таким образом, нижняя палата парламента ФРГ выделяет среди множества союзов и объединений неправительственные организации, которые оказывают влияние на политику государства, не имея при этом в своем распоряжении традиционного набора инструментов. С точки зрения немецкого бундестага, роль НПО заключается не в том, чтобы иметь право голоса при принятии решений, а в том, чтобы быть услышанными: «Только НПО, чья организация и внутренние процессы принятия решений являются прозрачными и честными и которые не используют какие-либо формы насилия, имеют законное право быть услышанными в качестве заинтересованных сторон в процессе принятия политических решений. Мы однозначно приветствуем приверженность, опыт и консультативное участие таких НПО в различных проблемных областях, в контроле и критике решений, в подготовке законодательства. Такое положительное влияние на расширение сознания общества имеет свою дополнительную значительную ценность»².

В документах 2002 г. говорится о необходимости пересмотра общественного договора государства и общества, отказа от адресной финансовой помощи организациям с целью создания устойчивой системы взаимодействия, при которой ГО будет всесторонне включено в политическую систему Германии, особенно на муниципальном уровне. С этой целью все принимаемые законы должны учитывать позицию НПО, действующих в этой сфере. ГО рассматривается Комиссией, как «социальный клей» немецкой демократии, а государство – как поддерживающее и стимулирующее гражданскую активность. Авторы концепции признают, что ГО в идеальном – научно-философском – плане не может существовать на практике, т. к.

¹ Bericht der Enquete-Kommission. P. 39.

² Там же. P. 76.

нуждается в финансовой поддержке государства или бизнеса. Призыв к деbüroкра-тизации выстроенной системы тоже наивен: бюрократический контроль нужно уменьшать, но отменить невозможно, поскольку именно чиновники поддерживают рамочные условия для функционирования ГО. Авторы доклада рекомендовали правительству создать в Германии культуру поощрения, признания важности деятельности НПО и добровольного участия граждан в общественной жизни. Добровольчество и волонтерство должны стать почетным занятием¹.

Тезис о волонтерстве звучал особенно актуально в начале 2000-х гг. на фоне роста безработицы, когда государству было выгодно, чтобы граждане сами находили себе применение и продолжали трудиться, а не участвовали в забастовках. Сегодня в ФРГ работа волонтером получила широкое распространение и признание прежде всего среди молодежи. Молодые люди не только проходят стажировки в НПО, выбирают их основным видом деятельности после окончания вузов, но и активно разрабатывают свои собственные проекты. В ведущих немецких университетах есть специальные учебные программы, посвященные изучению деятельности неправительственных организаций.

Анализ массива данных об НПО и НКО в Германии позволяет утверждать, что основой взаимодействия государства и неправительственных организаций является принцип субсидиарности – базовый принцип федерального устройства немецкого государства. НПО часто действуют в тех областях, в которых государство не успевает охватить все сферы жизнедеятельности общества или ему сложно проявлять активность. Например, благодаря немецким партийно-политическим фондам и другим неправительственным организациям за рубежом, немецкое правительство располагает возможностью установить контакт почти с любой политической партией, в т. ч. оппозиционной. Партийно-политические фонды – не просто базовый элемент «мягкой силы» Германии и особенность партийно-политической системы, а ее преимущество.

Финансирование НПО

Ключевой составляющей современных теорий гражданского общества и НПО является независимость последних прежде всего от государства, т. к. только независимые организации могут добросовестно отстаивать интересы граждан перед властными структурами. Такие организации используют частные средства: собственные, спонсоров, взносы на благотворительность и поэтому действуют самостоятельно. Однако их количество в Германии невелико. Более того, многие организации существуют за счет государственной поддержки. Например, партийно-политические фонды финансируются государством до 97,3% [Погорельская и др., 2021: 202]. Организации, которые участвуют в политике развития (*Entwicklungspolitik*) и выигрывают государственные гранты, вкладывают в проекты примерно 25–30% собственных средств. Остальное они получают из бюджета [Hermle, 2001: 16].

¹ Там же. Р. 24.

Во внутренней сфере государство также выступает активным игроком и поддерживает общественные объединения. Многие общины в Германии, особенно среди мигрантов, не смогли бы реализовать проекты без государственной помощи. Другая функция государственного финансирования НПО – поощрение: организации, достигшей значительных результатов, выделяется денежная сумма в качестве премии сотрудникам. Тем самым немецкое правительство не только оказывает поддержку деятельности НПО, но и направляет их деятельность в определенные сферы. Таким образом, немецкая модель сотрудничества государства и ГО базируется на тесном взаимодействии сторон и принципе субсидиарности.

Заключение

Единообразного определения термина «НПО» нет ни в науке, ни в политике. Можно выделить основные характеристики, по которым в политологическом дискурсе существует широкий консенсус: добровольный характер объединения, самостоятельность (независимость от государства), ориентация на общее благо и некоммерческий подход. Однако если считать ключевым критерием независимость, то многие ассоциации и союзы Германии нельзя рассматривать как классические НПО. Большая часть немецких неправительственных организаций, включая религиозные, которые действуют в сфере благосостояния – в третьем секторе, а также участвуют в политике развития и сотрудничества, получают значительное финансирование от государства.

Организации третьего сектора действуют как институты самопомощи, функционируют часто от имени государства на субсидиарной основе и ориентируются на общее благо. Однако рамочные условия их действий устанавливаются политически. В то время как политическая система принимает общеобязательные решения и гарантирует их исполнение, т. е. обладает властью, НПО заинтересованы в отстаивании более или менее широко распространенных, неиндивидуальных интересов через участие в государственном регулировании общества.

Политики и ученые едины в том, что НПО – неотъемлемая и наиболее активная часть гражданского общества. Эти термины часто используются как взаимозаменяемые, но понятие ГО шире. Исторически гражданское общество и его организации рассматривались как противовес государству и рынку. Сегодня они считаются неотъемлемой частью немецкого демократического общества – «социальным клеем», в задачи которого входят поддержка, дополнения, предложения и мониторинг политики государства. В случаях, когда репрезентативные системы отсутствуют или властные структуры не обладают достаточным авторитетом, гражданское общество и НПО берут на себя легитимационную функцию. При этом совместная ответственность государственных органов и НПО не гарантируется конституционным или международным правом.

Таким образом, НПО оказывают влияние на содержание политики немецкого государства, обеспечивают прозрачность и публичность, участвуют в мониторинге политических процессов, повышают осведомленность граждан о проблемах и помогают в формировании дискурсов. Однако у них нет юридических полномочий контролировать

национальные или наднациональные политические решения. Не имея правоприменительной силы, НПО полагаются на силу лучшего аргумента, авторитет и резонанс в обществе. Они выигрывают от «позитивной нормативной предвзятости», т. е. бескорыстной некоммерческой ориентации, которую им часто приписывают наука и общественность. Тем самым, неправительственные организации в Германии обладают влиятельным моральным авторитетом, несмотря на дефицит реальной власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Погорельская С.В., Тимошенко Е.П., Хорольская М.В. (2021) Неправительственные организации Германии: формирование гражданского общества. Глава 17. *«Третий сектор» в мире: модели гражданской активности в XX–XI веке*. Под ред. О.В. Павленко, Н.А. Борисова, М.В. Воскоян. Минобрнауки, ФГБОУ ВО «РГГУ», Автономная некоммерческая организация «Умная цивилизация», Москва. С. 151–211.

Погорельская С.В. (2007) *Неправительственные организации и политические фонды во внешней политике Федеративной Республики Германии*. Наука, Москва. 206 с.

Погорельская С.В. (2005) Национальные неправительственные международные организации и европейская внешняя политика: роль германских политических фондов. *Актуальные проблемы Европы*. № 3. С. 169–187.

Погорельская С.В. (2022) Германия. Институциональные вопросы интеграции на примере исламской конференции ФРГ. *Россия и мусульманский мир*. № 3(325). С. 112–121. DOI: 10.31249/rimm/2022.03.10

Погорельская С.В. (1999) «Право на родину» и единая Европа. *Мировая экономика и международные отношения*. № 5. С. 66–73. DOI: 10.20542/0131-2227-1999-5-66-73

Попова О.П. (2019) *Содействие международному развитию как инструмент внешней политики и внешнеэкономической деятельности ФРГ*. Дис. ... канд. полит. наук. Москва. 227 с.

Карпунина А.В. (2013) Социальная работа протестантской церкви в Германии: вопросы финансирования и фандрайзинга. *Отечественный журнал социальной работы*. № 4. С. 177–181.

Рожин А.А. (2021) Участие мусульманских организаций в социальной политике ФРГ. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 1 (19). С. 103–110. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran12021103110>

Alexander R. (2018) *Die Getriebenen. Merkel und die Flüchtlingspolitik: Report aus dem Inneren der Macht*. Siedler, Munich, Germany. 286 p.

Hermle R. (2001) Stellungnahme des Verbands Entwicklungspolitik deutscher Nichtregierungsorganisationen e.V. (VENRO). *Zivilgesellschaft und Entwicklung. Beiträge für eine Anhörung des Deutschen Bundestages über die „Bedeutung der Zivilgesellschaft für nachhaltige Entwicklung in den Entwicklungsländern“*. Ed. by Friedrich-Ebert-Stiftung. Bonn, Germany. P. 13–28.

Hummel S., Pfrter L., Roth J., Strachwitz R. (2020) *Was heißt Zivilgesellschaft in Europa? Grundlage für die internationale Zusammenarbeit*. ifa (Institut für Auslandsbeziehungen e.V.), Stuttgart, Germany. DOI: <https://doi.org/10.17901/AKBP1.11.2020>

Klein A. (2011) Zivilgesellschaft/Bürgergesellschaft. *Handbuch Bürgerschaftliches Engagement*. Ed. by Th. Olk, B. Hartnauß. Beltz Juventa, Weinheim, Germany. P. 29–40

Klie T. (2019) *Demokratische Integration in Deutschland*. Verlag Springer, Wiesbaden, Germany. 129 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-658-25264-9>

Kocka J. (2002) Das Bürgertum als Träger von Zivilgesellschaft: Traditionslinien, Entwicklungen, Perspektiven. *Bürgerschaftliches Engagement und Zivilgesellschaft*. Ed. by Enquete-Kommission „Zukunft des Bürgerschaftlichen Engagements“ Deutscher Bundestag, VS Verlag für Sozialwissenschaften Wiesbaden, Germany. P. 15–22. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-322-93263-1_2

Otten L.K. (2016) „Der Einfluss von Nichtregierungsorganisationen auf entwicklungspolitische Finanzentscheidungen von Bundesregierung und Parlament“. Eine empirische Untersuchung der 14. bis 16. Wahlperiode des Deutschen Bundestages. Doctoral dissertation. Mannheim, Germany. 354 p.

Nohlen D. (ed.) (2001) *Kleines Lexikon der Politik*. Bundeszentrale für politische Bildung, Munich, Germany. 623 p.

Stickler A. (2005) *Nichtregierungsorganisationen, soziale Bewegungen und Global Governance. Eine kritische Bestandsaufnahme*. Transcript Verlag, Bielefeld, Germany, 428 p. URL: <https://www.ssoar.info/ssoar/handle/document/68337> (accessed: 21.02.2023).

Wolf A.Ch., Zimmer A. (2012). *Lokale Engagementförderung. Kritik und Perspektive*. VS Verlag für Sozialwissenschaften (Bürgergesellschaft und Demokratie), Wiesbaden, Germany. 182 p.

State and Civil Society: Peculiarities of the German Approach

E.P. Timoshenkova*

Candidate of Sciences (History)

Leading Researcher at the Department of Social and Political Studies of Europe

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009

***E-mail:** katerinatim@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the interaction between the German state and civil society (CS). Germany is known as a developed democratic state with a strong CS in which non-governmental organizations play an active role. They also help the German government to implement its foreign policy vision and maintain its image abroad. The article addresses the question whether German NGOs are equal partners of the state and to what extent they are independent in reality. The author analyses the legal status and financing features of German NGOs, examines the concepts of interaction between the state and CSOs and highlights their underlying principles. The study makes a clear distinction between the academic approach and the state/government approach. For this purpose, the author examines theoretical papers by German academics and analyses conducted by the Bundestag, especially the "Ethics Commissions" of 2002, and compares the German approach to NGOs with other international practices. The article reveals the main points of interaction between the state and CSOs during the chancellorship of G. Schroeder and A. Merkel. The red-green coalition model is analyzed in more detail, as it has become the basis of the modern "social contract". The author concludes that there is no civil society in the classical scientific sense in the FRG. The German state not only actively supports its NGOs financially, but also defines the rules of engagement by clearly identifying organizations that seek political influence.

Key words: Germany, civil society, Bundestag, NGOs, social movements, third sector, soft power, political influence, social contract, H. Schroeder, A. Merkel

DOI: 10.31857/S0201708323030105

EDN: bstgqi

REFERENCES

Alexander R. (2018) *Die Getriebenen. Merkel und die Flüchtlingspolitik: Report aus dem Inneren der Macht*, Siedler, Munich, Germany.

Hermle R. (2001) Stellungnahme des Verbandes Entwicklungspolitik deutscher Nichtregierungsorganisationen (VENRO), in Friedrich-Ebert-Stiftung (ed.), *Zivilgesellschaft und Entwicklung. Beiträge für*

eine Anhörung des Deutschen Bundestages über die „Bedeutung der Zivilgesellschaft für nachhaltige Entwicklung in den Entwicklungsländern“, Bonn, Germany.

Hummel S., Pflirter L., Roth J., Strachwitz R. (2020) *Was heißt Zivilgesellschaft in Europa? Grundlage für die internationale Zusammenarbeit*, ifa (Institut für Auslandsbeziehungen e.V.), Stuttgart, Germany. DOI: <https://doi.org/10.17901/AKBP1.11.2020>.

Karpunina A.V. (2013) Socialnaya rabota protestantskoj cerkvi v Germanii: voprosy finansirovaniya i fandrazinga [Social Work in Protestant Church in Germany: Issues of Funding and Fundraising. The Russian Journal of Social Work], *Journal of Social Work*, 4, pp. 177–181. (In Russian).

Klein A. (2011) Zivilgesellschaft/Bürgergesellschaft, in Th. Olk, B. Hartnuß (ed.). *Handbuch Bürgerschaftliches Engagement*, Weinheim, Germany, pp. 29–40.

Klie T. (2019) *Demokratische Integration in Deutschland*. Verlag Springer, Wiesbaden, Germany. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-658-25264-9>

Kocka J. (2002) „Das Bürgertum als Träger von Zivilgesellschaft: Traditionslinien, Entwicklungen, Perspektiven“, in Enquete-Kommission „Zukunft des Bürgerschaftlichen Engagements“, Deutscher Bundestag (ed.) *Bürgerschaftliches Engagement und Zivilgesellschaft*“, Deutscher Bundestag, VS Verlag für Sozialwissenschaften Wiesbaden, Germany. P. 15–22. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-322-93263-1_2

Otten L.K. (2016) *„Der Einfluss von Nichtregierungsorganisationen auf entwicklungspolitische Finanzentscheidungen von Bundesregierung und Parlament“*. Eine empirische Untersuchung der 14. bis 16. Wahlperiode des Deutschen Bundestages, Doctoral dissertation, Mannheim, Germany.

Nohlen D. (ed.) (2001) *Kleines Lexikon der Politik*. Bundeszentrale für politische Bildung, Munich, Germany.

Pogorelskaya S. (2007) *Nepravitel'stvennye organizacii i politicheskie fondy vo vneshnej politike Federativnoj Respubliki Germanii* [Non-governmental organisations and political foundations in the foreign policy of the Federal Republic of German], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian).

Pogorelskaya S., Timoshenkova E., Horolskaya M. (2021) Nepravitel'stvennye organizacii Germanii: formirovanie grazhdanskogo obshchestva [Non-governmental organisations in Germany: Shaping Civil Society], in Pavlenko O., Borisova N., Voskonyan M. (ed.) *„Tretij sektor“ v mire: modeli grazhdanskoy aktivnosti v XXI veke*, FGBOU VO „RGGU“, Avtonomnaya nekommercheskaya organizaciya „Umnaya civilizaciya“, Moscow, Russia, pp. 151–211. (In Russian).

Pogorelskaya S.V. (2005) Nacionalnye nepravitel'stvennye mezhdunarodnye organizacii i evropejskaya vneshnyaya politika: rol germanskikh politicheskikh fondov [National non-governmental international organisations and European foreign policy: the role of German political foundations], *Current Problems of Europe*, 3, pp. 169–187. (In Russian).

Pogorelskaya S.V. (2022) Germaniya. Institucionalnye voprosy integracii na primere islamskoj konferencii FRG. [Germany. Institutional Issues of Integration by the Example of the Islamic Conference of the Federal Republic of Germany], *Russia and the Muslim World*, 3(325), pp. 112–121. DOI: 10.31249/rimm/2022.03.10 (In Russian).

Popova O.P. (2019) *Sodejstvie mezhdunarodnomu razvitiyu kak instrument vneshnej politiki i vneshneekonomicheskoy deyatelnosti FRG* [Promoting International Development as a Tool for Foreign Policy and Foreign Economic Activities of the Federal Republic of Germany], PhD. dissertation, Moscow, Russia. (In Russian).

Rozhin A.A. (2021) Uchastie musulmanskih organizacij v socialnoj politike FRG. [Participation of Muslim Organizations in German Social Politic], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 1(19), pp. 103–110. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran12021103110> (In Russian).

Stickler A. (2005) *Nichtregierungsorganisationen, soziale Bewegungen und Global Governance. Eine kritische Bestandsaufnahme*, Transcript Verlag, Bielefeld, Germany. URL: <https://www.ssoar.info/ssoar/handle/document/68337> (accessed: 21.02.2023).

Wolf A.Ch., Zimmer A. (2012). *Lokale Engagementförderung. Kritik und Perspektive*. VS Verlag für Sozialwissenschaften (Bürgergesellschaft und Demokratie), Wiesbaden, Germany.

УДК 329.1/.6, 327

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕДИАГЕОГРАФИЯ: ПОТРЕБЛЕНИЕ СМЫСЛА «ФЕМИНИЗМ» В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

© 2023 г. ЯНГЛЯЕВА Марина Михайловна*

*Кандидат филологических наук, доцент,
факультет журналистики Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова. 119019, Россия, Москва, Моховая, 9*

**E-mail: marinapavlikova@mail.ru*

Поступила в редакцию 13.01.2023

После доработки 30.03.2023

Принята к публикации 12.04.2023

Аннотация. В статье представлены результаты исследования интереса интернет-пользователей стран Северной Европы к феминизму. Анализ осуществлен на основе методов политической медиагеографии. Медиагеографический подход к *big data* позволяет критически осмыслить эффективность стратегий политической власти и поведение электората в различных странах и регионах. Феминизм рассмотрен как политический смысл, который хорошо вписывается в философию коммунизма, социализма и капитализма. В исследовании оценена относительная популярность темы «феминизм» в скандинавском и финском сегментах интернета за последнее десятилетие, выделены особенности потребления этого политического смысла в Швеции, Финляндии, Дании и Норвегии, в т. ч. в сравнении с другими странами мира. Несмотря на то что феминизм пока остается политически привлекательным и медийно востребованным, в результате сопоставления эмпирических данных из системы *Google* с 2010 по 2023 гг. с историческими реалиями выявлена увеличивающаяся анизотропия ментальных ландшафтов всех стран региона, в особенности Швеции и Финляндии. Практически равный интерес интернет-аудитория стран Северной Европы проявляет только к сексизму, используемому для характеристики современных процессов вокруг идеологии феминизма. Сделан вывод, что мода на феминизм

в регионе проходит, и электорально-мобилизационный потенциал феминизма и его роль как фактора и инструмента политтехнологий снижаются.

Ключевые слова: политическая медиагеография, Северная Европа, Швеция, Финляндия, политика, политический процесс, идеология, политические смыслы, феминизм, ментальный ландшафт

DOI: 10.31857/S0201708323030117

EDN: bsxzbq

Феминизм как политический смысл

Феминизм как политический смысл занимает особое место в идеологическом поле. Эта система идей, на основе которой возникли общественно-политические движения, никогда не претендовала на роль лидирующей концепции радикального переустройства мира и общества. Если капитализм и другие миросущностные проекты модерна изначально рассматривались как глобальная социальная общность и историческая неизбежность, то феминизм мог быть встроен в любой из этих проектов. Последний способен соединиться с другими идеологиями: коммунизмом, социализмом, капитализмом. Сегодня политический смысл, с одной стороны, является составной частью идеологии, с другой – продуктом идеологического процесса. При определенных условиях и высокой востребованности того или иного смысла в политической практике (отражает интересы социума), понятия политический смысл и конкретная идеология становятся тождественными, т. е. политический смысл может рассматриваться как система, совокупность идей и знаний, выступать как полноценная идеология и как часть метаидеологии.

Политический смысл – антропосоциальный феномен, который может выступать как товар (например, метафора «постправда», чаще всего используемая для характеристики положения дел в современной политике и элитарных играх, превратилась в политический смысл и стала медиапродуктом [Николайчук и др., 2020]), как общественное благо (поиск путей совершенствования общества, новых форм организации жизни [Кукушкина, 2015]) и как услуга (оказывается электорату политическими акторами для принятия решений по выбору конкурирующих политических программ [Малинова, 2013]). Идеология феминизма, имеющая в основе жесткие гендерные рамки и эксплуатирующая широкую тему приобретения и защиты прав социальных субъектов, востребована для мобилизации групп в рамках различных, часто несовместимых политических практик. В этом заключается преимущество феминизма, которое ярко проявляется в современных электоральных процессах. В этой связи во многих странах активно велись общественные дискуссии на тему преодоления «стеклянного потолка»¹, большинство политических партий обзаве-

¹ Термин «*glass ceiling*» впервые появился в американской печати в 1984 г. в издании *Working Woman* («Работающая женщина»). В 1991 г. в США было принято специальное постановление о гражданских правах женщин (*Glass Ceiling Act*), которое вошло в свод положений о правах человека. – Прим. авт.

лись женскими секциями и популистскими лозунгами о поддержке женщин в общественно-политической жизни, а женские лица стали брендами партий, государств и наций.

Хорошая сочетаемость феминизма с другими системами идей и общественными движениями, выступающими за социальные изменения, основаны на «критическом анализе привилегированного положения мужчин и подчиненного положения женщин в данном обществе». Поскольку «феминизм не представляет собой монолитной и универсальной теории, но имеет различные идеологические проявления и политические стратегии» [Королева, 2007], обсуждаются разные его проявления (либеральный, марксистский, радикальный, постмодернистский, экологический, психоаналитический, антирасистский и т.д.) в политической жизни и других областях. Показательный пример таких «феминизмов» – радикальное феминистское движение Мария 2.0 внутри Католической церкви Германии¹ [Шиманская, 2022].

Теоретические подходы и методология исследования

Для исследования современной системы существования политических смыслов, которая развивается в пространстве и времени и имеет свою скорость трансформаций, целесообразно использовать потенциал нового научного направления – политической медиагеографии. Мы впервые вводим в научный оборот это понятие и обозначаем им прикладную политологическую дисциплину, предназначенную для изучения актуальных политических и социальных процессов в мире на основе анализа совокупностей упорядоченных во времени эмпирических данных по публикациям печатной прессы, аудиовизуальных и онлайн-медиа (по принципу политической медиаметрии с анализом динамических рядов [Николайчук, 2015]) в привязке к пространственным координатам информационного поля. Иными словами, методическое ядро политической медиагеографии заключено в подходе, при котором специфика политических процессов и явлений рассматривается через призму анализа функционирования медиасистемы в конкретных географических локациях различного иерархического уровня и на конкретных временных отрезках (в пространстве и времени). При этом реальность раскрывается в ходе обращения к таким категориям общей медиагеографии, как ментальное пространство², ментальный

¹ Это движение выступает не только за широкое гендерное равноправие в церкви, но и за признание гомосексуальных браков, «поскольку это реальность, в которой живет современный мир». Подобная позиция противоречит не только учению Католической церкви, но и всему христианству, тем не менее «Церковь не обрушила на протестующих активисток запрещения или отлучения... Это противоречит и духу современного европейского общества с принципами толерантности, и позиции самой церкви, нацеленной на увещевание и катехизацию» [Шиманская, 2022: 181].

² Пространство, опосредованное и проявленное в деятельности средств массовой информации и коммуникации, которые реализуют свою общественную функцию в быстро прогрессирующей цифровой среде. – *Прим. авт.*

ландшафт¹, морфоскульптуры², которыми мы оперируем в своих исследованиях [Якова, Янглева, 2019]. Понятийный аппарат медиагеографии как междисциплинарной области на протяжении нескольких десятков лет создавался зарубежными географами и медиаисследователями Т. Хегерштрандом [Hägerstrand: 1965], Э. Рэльфом [Relph: 1976], Д. Уолмсли [Walmsley, 1982], Х. Блотефогелем [Blotevogel: 1984], И. Саловааарой-Мури [Salovaara-Moring, 2004] Д. Фолкхаймером, А. Янссон [Falkheimer, Jansson, 2006], Д. Дармофолом [Darmofal, 2015] и др. Географы предложили включить в понятийный аппарат гуманитарной науки определения образно-географической системы, образного пространства, ментально-географического пространства. В российской науке в рамках гуманитарной географии успешно развивается направление имажинальной географии, которая изучает особенности и закономерности формирования географических образов, их структуры, специфику моделирования, способы и типы репрезентации и интерпретации [Замятин, 2010].

Политическая медиагеография впервые ставит вопрос о специфике и разнообразии политических и социально-общественных процессов в системе различных иерархически и/или линейно организованных медиапространств. Мы акцентируем внимание на сильнейшей анизотропии географических локаций по реакции населения на политические процессы. Таким образом, очень много зависит от смыслов, транслируемых глобальными и региональными медиа и потреблением этих смыслов гражданами – резидентами территорий.

Разрабатывая методологию исследования, мы дополнили традиционные подходы (социологический, исторический, филологический) медиагеографическим анализом ментальных ландшафтов различных стран и регионов с привлечением интернет-статистики. Число пользователей, которых можно характеризовать как активных граждан, способных через запросы выразить свое отношение к социальным объектам, сегодня на порядки больше, чем респондентов в опросах. Поскольку все крупные поисковые системы и другие интернет-предприятия не только изучают клиентов, но и создают платные возможности для их анализа, оперативный контент для формирования личной информационной среды (пространства) оптимизируется – настраивается на потребителя. Основной эмпирический материал исследования составили *big data*, извлеченные из поисковой системы *Google*. Публичное веб-

¹ Ментальный ландшафт можно рассматривать как образ мыслей, отношение к каким-либо общественно значимым явлениям и процессам резидентов определенной местности, территории. Образ мыслей – ментальность – является системой отношений с социальной реальностью и осмыслением некой внеположенной данности отдельными личностями. Как и в случае с простым физическим ландшафтом, эта система эмерджентна. – *Прим. авт.*

² В качестве морфоскульптур на ментальном ландшафте рассмотрены персоны, события, явления, символы и знаки, укоренившиеся в массовом сознании. В качестве таких ментальных маркеров могут использоваться выдающиеся деятели из разных областей общественной жизни, современные политики, популярные представители культуры и искусства, реперные точки в истории, достижения и др. Характер ландшафта в данном случае будет определять стратегию воздвижения – инфузии в него новых морфоскульптур в пределах актуальной политической и пропагандистской практики. – *Прим. авт.*

приложение *Google Trends* показывает, как часто определенный термин ищут по отношению к общему объему поисковых запросов в различных регионах мира и на различных языках. Акт поиска и последующего использования информации носит добровольный или добровольно-принудительный характер и происходит в момент времени, когда такая потребность реально возникла. Тем самым такой акт принципиально отличается от ответа респондента на вопросы при социологическом опросе или при заполнении анкеты в ходе рекламной акции. Выход запроса на уровень тега или темы означает, что количество запрашиваемой информации статистически большое (запросы многочисленны, устойчивы, формулируются по-разному, но вокруг одного предмета) и на основе анализа запросов искусственный интеллект начинает форматировать и предлагать свои версии лексических единиц, что позволяет резко увеличить точность выдачи.

Сначала сравним потребление политического смысла «феминизм» со смыслами эпохи модернити: коммунизмом, социализмом, капитализмом. Анализ потребления смысла «феминизм» за последние годы будет отражать только актуальные тенденции и опишет достаточно хаотичную политическую практику последних лет.

Интерес к феминизму опережает интерес к социализму, но уступает коммунизму. Идеология феминизма является востребованной в рамках рассматриваемой системы из четырех смыслов в разных странах. Страной, где феминизм долгое время имел высший политический приоритет, является Швеция. Заметное доминирование этой идеологии наблюдается на длительном интервале времени – 2012–2019 гг.

Потребление смысла «феминизм» в Швеции

Швецию называют страной победившего феминизма. В борьбе за власть большинство партий использовали политический и электоральный ресурс феминисток. На первую ступень легитимации феминизма Швеция ступила позже, чем Россия. В 1884 г. в Швеции появились женские трудовые движения, которые боролись за изменения на рынке труда без выдвижения политических программ. В России уже в 1895 г. сформировалась политическая организация «Русское женское благотворительное общество» с лозунгом «Свобода и равенство всех перед законом без различия пола» [Воронова, Артюхова, 2008: 101], ставшая наиболее крупной политической организацией в женском движении России. К концу XX – началу XXI вв. страны подошли с разным историческим багажом. Во время перестройки в СССР во многом формальная, но реально существовавшая система гендерного равенства в политике была практически разрушена. Число женщин в Верховном совете должно было составлять 35% от общего числа депутатов, однако в 1990 г. система квот была отменена. В Швеции введенная в 1970-х гг. система квот не подвергалась реформированию. Она оказалась устойчивой и продуктивной и обеспечила баланс власти и внутреннюю стабильность. В стране были разработаны модели квот для партий и правительства в целом.

В 1992 г. принят Закон о равных возможностях (обновлен в 1994 и 2001 гг.). В 2006 г. (до выборов) женщины занимали 49% мест в парламенте страны и более 40% министерских постов. В 2014 г. к руководству страной пришла левоцентрист-

ская коалиция из социал-демократов и зеленых, которая сформировала т. н. феминистическое правительство. 1 января 2018 г. начало работать Управление по вопросам гендерного равенства (*Jämställdhetsmyndigheten*). Однако к концу 2010-х гг. потребление смысла «феминизм» среди шведов значительно спало.

Использование феминистического фактора в политических процессах в рамках эксплуатации лозунгов традиционных левых движений теряет свою эффективность. Феминизм левого толка с опорой на достижение политического равноправия в странах Северной Европы, где долгое время правили левоцентристские социал-демократы, отстаивающие права женщин, ослабевает. В соседних Финляндии и Норвегии у власти находятся коалиции с участием националистических партий, а правительство меньшинства в Дании зависит от поддержки крайне правых. За последние два десятилетия «партии, которые часто именуют “право-популистскими”, превратились ... во влиятельную общественно-политическую силу» [Плевако, 2018]. Однако это не меняет общественного климата в отношении признания женского равноправия. Популярность в других странах мира националистов, которые скептически относятся к либеральным или феминистическим идеям и более консервативно настроены по отношению к традиционным институтам, дает шведским политикам право говорить об особой ответственности Стокгольма в деле отстаивания прав женщин. Однако потребление смысла «феминизм» в Швеции в последние годы упало до исторического минимума. Самыми популярными в растущем тренде являются запрос «перспективы феминизма» и темы «постфеминизм»¹ и «антифеминизм». По интересу интернет-аудитории к теме «постфеминизм» за последние пять лет Швеция занимает восьмое место в мире (после Великобритании, Австралии, Канады; для сравнения: США – 11 место), а к теме «антифеминизм» – первое место, опередив Канаду и Австралию (для сравнения в регионе: Норвегия – 5, Финляндия – 18, Дания – 21 место).

Потребление смысла «феминизм» в Финляндии

В Финляндии политический феминизм в аспекте его потребления фактически повторил путь Швеции. Финляндия, точнее Великое княжество Финляндское в составе Российской империи, первая в Европе предоставила женщинам избирательные права (1906 г.). Закон о равноправии был принят раньше, чем в Швеции – в 1987 г.; в 2005 г. вступил в силу новый закон. Другое различие состоит в том, что бурное развитие спроса на феминизм проходило на фоне сохранения относительно высокого интереса к коммунизму. Финляндия, которая во внешнеполитической и внутривнутриполитической жизни ориентируется на Швецию, представляет в рассматри-

¹ Префикс «пост-» акцентирует внимание на том, что созданное феминистами поле гораздо шире, чем оно может казаться на первый взгляд. Постфеминисты обязательно рассматривают человека как физическую единицу (его гены, мозг, гормоны), т. е. включают в общий анализ биологические исследования мужской и женской природы. Постфеминисты, в отличие от профеминистов, говорят о наличии природного пола человека и его значении. – *Прим. авт.*

ваемом случае оригинальный профиль интереса к смыслам модерна, значительно отличающийся от шведского. На сегодняшний день спад внимания к феминизму в Финляндии, в отличие от Швеции, незначителен.

Во время нахождения на посту премьер-министра Санны Марин (2019-2023 гг.) главы всех пяти партий правительственной коалиции и большая часть кабинета министров были женщинами. Так Финляндия реализует государственный феминизм в форме социальной политики гендерного равенства [Павленко, 2019]. В апреле 2023 г. в Финляндии состоялись парламентские выборы; социал-демократы во главе с Санной Марин проиграли Национал-коалиционной партии (*Kokoomus*) и «Истинным финнам» (*Perussuomalaiset*). Лидер национальной коалиции Петтери Орпо начал формирование нового кабинета. Исходя из истории Финляндии (например, с 1970-х гг. доля женщин в парламенте превышает 20%; к первой в истории женщине-президенту Финляндии Тарью Халонен стали относиться как к политику с мировым именем), феминизм – «это идеология страны и часть сознания каждого финского человека» [Павленко, 2019: 242].

Гендерная проблематика стала самостоятельной системой производства смыслов, предназначенных для женских контингентов, которые стремятся достаточно быстро дифференцироваться от мужчин в социальном плане. Например, к середине 1990-х гг. многие европейские университеты сформировали учебные программы и специализированные отделения, нацеленные на изучение соответствующих тем. В Финляндии система для подготовки кадров в гендерных исследованиях получила государственное финансирование. Отделения (кафедры) открыты в университетах Хельсинки, Оулу, Ювяскюля, Турку, Йоенсуу и др. В 2004 г. у исследователей в области гендерных проблем появилась возможность получить степень доктора философии в Университете Хельсинки, в 2005 г. – степень доктора общественных наук в Университете Ювяскюля.

В трех странах скандинавского полуострова рост интереса аудитории к феминизму наблюдается в 2014–2017 гг. Максимальный уровень относительной популярности темы «Феминизм – Политическая идеология» (см. Рис. 1) фиксируется в Швеции в мае и сентябре 2014 г. (85 и 86 по 100-балльной шкале), в Дании – в ноябре 2017 г. (76), в Норвегии – в марте 2017 г. (53). Пики напрямую связаны с парламентскими и муниципальными выборами и выборами в европейский парламент (сентябрь 2014 г.)¹. С 1929 по 1999 гг. феминизм выходил на новые уровни присутствия в политике: например, доля женщин в парламенте Норвегии в 1929 г. составляла 1, в 1977 – 26, 1999 – 36,4%, в Финляндии – 3, 23 и 37% соответственно, в Швеции – 1, 21 и 42,7% соответственно. С 1980-х гг. наблюдается устойчивый рост количества женщин в муниципальных и региональных органах власти [Степанова, 2003].

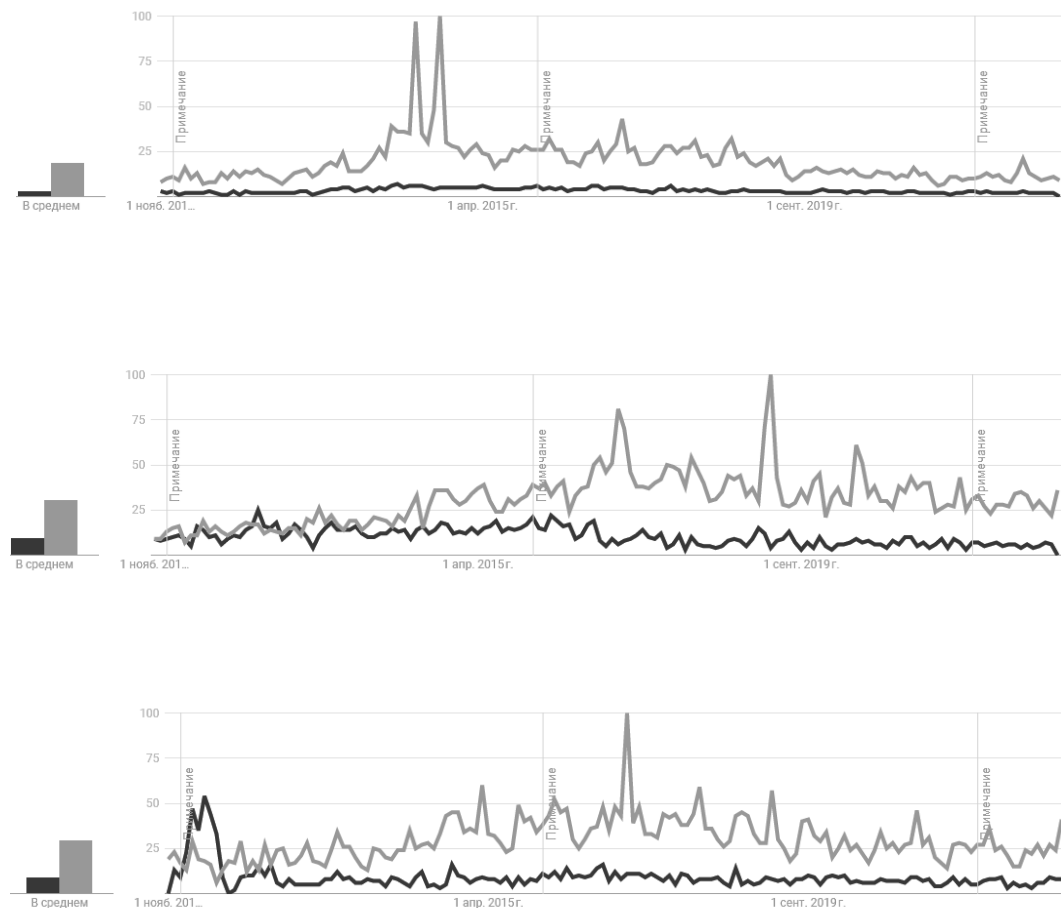
При рассмотрении ментального рельефа Северной Европы, исходя из уровня относительной популярности темы «феминизм» в целом, стоит указать на равный интерес к сексизму, часто используемому для характеристики современных про-

¹ Расчеты автора. Система *Google*. Настройки запроса: по всему миру за пять лет с 29.03.2018 по 29.03.2023.

цессов вокруг идеологии феминизма. Сексизм как комплекс социальных стереотипов и элемент политической и в целом коммуникационной практики активно изучается, поскольку результаты таких исследований находят применение в различных сферах человеческой деятельности. Однако их масштаб не сравним с научным интересом к феминизму, который коррелируется с общим интересом граждан североевропейских стран к теме. На Рис. 1 представлена динамика относительной популярности тем «сексизм» и «феминизм» в Швеции, Финляндии и Норвегии. Интерес к феминизму преобладает, но уровень интереса к сексизму в целом стабильный и устойчивый.

Рис. 1

Динамика относительной популярности запросов «Сексизм – Тема» (первая кривая), «Феминизм – Политическая идеология» (вторая кривая) в Швеции (1-й график), Финляндии (2-й график) и Норвегии (3-й график). Система Google. Настройки запроса: период с 10.02.2010 по 10.03.2023 гг.

Сексизм как тема потребляется значительно активнее, чем постфеминизм и антифеминизм. По сравнению с другими странами мира зафиксировано отсутствие интереса интернет-аудитории к профеминизму (из 15 представленных в рейтинге Google государств нет ни одного североевропейского).

Заключение

Практика политического феминизма в странах Северной Европы формировалась с учетом всех смыслов, мобилизующих женские движения. В то же время процесс внедрения феминизма в общественно-политическую жизнь в регионе не был противоречивым в отличие от Британии (превращение суфражисток-хулиганок в уважаемых политических лидеров), США (создание новых политических смыслов, например сестринство/*sisterhood* или феминизм как гарант демократии¹, креативными интеллектуалками) или Аргентины (популярность Эвы Перон, которую общественные массы в середине XX в. были готовы выдвинуть в президенты). При этом именно в Северной Европе получили развитие гендерные исследования.

Политический смысл «феминизм» остается политически и медийно востребованным, продолжает оставаться хорошим товаром и услугой. С его помощью политические конкуренты могут формировать спектр альтернатив для потенциальной аудитории с целью привлечь симпатии электората. Эмпирические данные по динамике потребления смысла «феминизм» интернет-аудиторией северных стран Европы позволяют говорить об увеличивающейся анизотропии ментальных ландшафтов и о снижении популярности этой идеологии. Мода на феминизм при исчерпанности его электорально-мобилизационного потенциала проходит. Участие женщин во властных структурах не принесло прорывных улучшений в странах Северной Европы, уже достигших высокой степени социального благополучия. Можно прогнозировать деградацию идеологии феминизма, снижение ее роли как фактора и инструмента политтехнологий. В таких условиях возникнут и окрепнут новые мужские движения, например, маскулизм, которые вступят в конфликт с женскими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воронова Л., Артюхова К. (2008) Путь в политику: особенности становления гендерного равенства в Швеции и России. *Образ женщины в культуре и массмедиа. Взгляд из Северной Европы и России*. Под ред. Е.Л. Вартанова, М.М. Павликова, О.Л. Кряжева. University of Tampere, Тампере, Финляндия.

Замятин Д.Н. (2010) Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития. *Общественные науки и современность*. № 4. С. 126–138.

¹ Имеется в виду деятельность общенационального журнала «Ms.» – первого и единственного журнала США, который позиционировал себя как феминистское издание. Издание появилось в начале 1970-х гг. во время второй волны феминизма и, как многие движения 1970-х гг., стал «буревестником революции» в психологии американского общества [Сви-стунова, 2008: 226–243].

- Королева Т.А. (2007) *Феминизм: идейно-теоретические основы и политическая практика*. Дис. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург. 164 с.
- Кукушкина Е.И. (2015) *Русская интеллигенция в поисках политических смыслов*. Изд. МГУ, Москва. 192 с.
- Малинова О.Ю. (2013) *Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России*. РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки, Москва, Россия. 421 с.
- Николайчук И.А. (2015) *Политическая медиаметрия. Зарубежные СМИ и безопасность России*. РИСИ, Москва. 230 с.
- Николайчук И.А., Янгляева М.М., Якова Т.С. (2020) Феномен постправды и кризис доверия к легитимным источникам информации. *Проблемы национальной стратегии*. № 2(59). С. 142–158.
- Павленко Н. Р. (2019) Феминизм в общественно-политической жизни Финляндии: история появления и развития. *Скиф. Вопросы студенческой науки*. № 7(35). С. 238–242.
- Плевако Н. (2018) Национализм и правый популизм в Скандинавских странах и Финляндии. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 3. С. 63–69.
- Степанова Н.М. (2003) Политика гендерного равенства в скандинавских странах. *Гендерная реконструкция политических систем*. Под ред. Н.М. Степанова, М.М. Кириченко, Е.В. Кочкина. ИСПГ-Алетей, Санкт-Петербург. URL: <http://www.owl.ru/win/books/genderpolicy/stepanova2.htm> (дата обращения: 01.02.2023).
- Шиманская О.К. (2022) Мария 2.0. феминистское движение в католической церкви Германии: новый вызов? *Современная Европа*. № 3. С. 171–184.
- Якова Т.С., Янгляева М.М. (2019) *Медиагеография*. Издательство ИКАР, Москва. 188 с.
- Blotevogel H.H. (1984) Zeitungsregionen in der Bundesrepublik Deutschland. *Erdkunde*, Band. 38. P. 79–93.
- Darmofal D. (2015) *Spatial Analysis for the Social Sciences*. Cambridge University Press. 259 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139051293>
- Falkheimer J., Jansson A. (ed.) (2006) *Geographies of Communication: The Spatial Turn in Media Studies*. Nordicom, Goeteborg, Sweden. 309 p.
- Hägerstrand T. (1965) Aspects of the spatial structure of social communication and the diffusion of the information. *Papers of the Regional Science Association*. No. 16. P. 27–42.
- Relph E. (1976) *Place and Placelessness*. Pion, London, UK. 174 p.
- Salovaara-Moring I. *Media geographies. Regional newspaper discourses in Finland in the 1990s*. Doctoral dissertation. Saarijarvi, Finland. 319 p.
- Walmsley D.J. (1982) Mass media and spatial awareness. *Tijdschrift voor Econ. En Soc. Geografie*. No. 73(1). P. 32–42.

Political Mediageography: Consumption of Feminism in Northern Europe

M.M. Yanglyueva*

*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University
9, Mokhovaja st., Moscow, Russia, 119019*

***E-mail:** marinapavlikova@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a multidisciplinary analysis of such political constant (political sense) as “feminism”. New aspects of the reaction of societies to the practice of exercising political power in different regions and countries are revealed. The analysis was carried out on the basis of political media geography – a new discipline in political science. The author considers feminism as a political sense that fits well into the framework of “big” ideologies: communism, socialism, capitalism. The author uses the concept of a mental landscape, which can be considered as a way of thinking, attitude to any socially significant phenomena and processes of residents of a certain area, territory. The research is based on big data obtained from Google for the period 2010–2023 – the dynamics of Internet users’ requests in Nordic countries, according to topics that mark the meaning of “feminism”. The study concentrates on a new understanding of Internet bibliometrics, which takes into account the massive interest of users in various topics, expressed in the number of requests for certain keywords or phrases in a certain period of time. The author focuses on the phenomenon of anisotropy of mental landscapes especially in Sweden and Finland. Despite the fact that feminism still remains politically attractive, available empirical data indicate an increasing anisotropy of the mental landscapes of all countries in the region. Popularity of feminism fell below its peak. It is possible to predict the degradation of the ideology, the decline of its role as a factor and instrument of political struggle.

Key words: political mediageography, Northern Europe, Sweden, Finland, politics, political process, ideology, senses, feminism, mental landscape

DOI: 10.31857/S0201708323030117

EDN: bsxzbq

REFERENCES

- Blotevogel H.H. (1984) Zeitungsregionen in der Bundesrepublik Deutschland, *Erdkunde*, 38, pp. 79–93.
- Darmofal D. (2015) *Spatial Analysis for the Social Sciences*, Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139051293>
- Falkheimer J., Jansson A. (ed.) (2006) *Geographies of Communication: The Spatial Turn in Media Studies*, Nordicom, Goeteborg, Sweden.
- Hägerstrand T. (1965) Aspects of the spatial structure of social communication and the diffusion of the information, *Papers of the Regional Science Association*, 16, pp. 27–42.
- Koroleva T.A. (2007) *Feminizm: idejno-teoreticheskie osnovy i politicheskaya praktika* [Feminism: ideological and theoretical foundations and political practice], PhD. Thesis, Sankt-Petersburg, Russia. (In Russian).
- Kukushkina E.I. (2015) *Russkaya intelligenciya v poiskah politicheskikh smyslov* [Russian intelligentsia in search of political meanings], MGU, Moscow, Russia. (In Russian).
- Malinova O.Yu. (2013) *Konstruirovaniye smyslov: Issledovaniye simvolicheskoy politiki v sovremennoy Rossii* [Constructing meanings: a study of symbolic politics in contemporary Russia], RAN. INION. Centr social'nyh nauch.-inform. issled. Otd. polit. nauki, Moscow, Russia. (In Russian).

Nikolajchuk I.A. (2015) *Politicheskaya mediametriya. Zarubezhnye SMI i bezopasnost' Rossii* [Political mediametry. Foreign media and Russian national security], RISI, Moscow, Russia. (In Russian).

Nikolajchuk I.A., Yanglyaeva M.M., Yakova T.S. (2020) Fenomen postpravdy i krizis doveriya k legitimnym istochnikam informacii [The post-truth phenomenon and the crisis of trust to legitimate sources of information], *Problemy nacional'noj strategii*, 2(59), pp. 142–158. (In Russian).

Pavlenko N.R. (2019) Feminizm v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Finlyandii: istoriya poyavleniya i razvitiya [Feminism in the social and political life of Finland: the history of emergence and development], *Skif*, 7(35), pp. 238–242. (In Russian).

Plevako N. (2018) Nacionalizm i pravyy populizm v Skandinavskih stranah i Finlyandii [Nationalism and right-wing populism in the Scandinavian countries and Finland], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 3, pp. 63–69. (In Russian).

Ralph E. (1976) *Place and Placelessness*, Pion, London, UK.

Salovaara-Moring I. *Media geographies. Regional newspaper discourses in Finland in the 1990s*, Doctoral dissertation, Saarijärvi, Finland.

Shimanskaya O.K. (2022) Mariya 2.0. feministskoe dvizhenie v katolicheskoy cerkvi Germanii: novyy vyzov? [Maria 2.0. feminist movement in the Catholic Church in Germany: a new challenge?], *Sovremennaya Evropa*, 3, pp. 171–184. (In Russian).

Stepanova N.M. (2003) Politika gendernogo ravenstva v skandinavskih stranah [The politics of gender equality in the Nordic countries], in Stepanova N.M., Kirichenko M.M., Kochkina E.V. (ed.) *Gendernaya rekonstrukciya politicheskikh system*. ISPG-Aleteya, Sankt-Petersburg, Russia. URL: <http://www.owl.ru/win/books/genderpolicy/stepanova2.htm> (accessed: 01.02.2023). (In Russian).

Voronova L., Artyuhova K. (2008) Put' v politiku: osobennosti stanovleniya gendernogo ravenstva v Shvecii i Rossii, in Vartanova E.L., Pavlikova M.M., Kryazheva O.L. *Obraz zhenshchiny v kul'ture i massmedia. Vzglyad iz Severnoj Evropy i Rossii* [The path to politics: features of the formation of gender equality in Sweden and Russia. The image of a woman in culture and mass media. A view from Northern Europe and Russia], University of Tampere, Tampere, Finland. (In Russian).

Walmsley D.J. (1982) Mass media and spatial awareness, *Tijdschrift voor Econ. En Soc. Geografie*, 73(1), pp. 32–42.

Yakova T.S., Yanglyaeva M.M. (2019) *Mediageografiya* [Media geography], Izdatel'stvo IKAR. Moscow, Russia. (In Russian).

Zamyatin D.N. (2010) Gumanitarnaya geografiya: predmet izucheniya i osnovnye napravleniya razvitiya [Humanitarian geography: the subject of study and the main directions of development], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 4, pp. 126–138. (In Russian).

УДК 327

ТЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА. ПОПЫТКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОДЧИНЕНИЯ ЦЕРКВИ

© 2023 ЩИПКОВ Александр Владимирович*

Доктор политических наук

Ректор Российского православного университета святого Иоанна Богослова

Советник председателя Государственной Думы ФС РФ

127051, Россия, Москва, Крапивенский пер, 4

***E-mail:** *mail@shchipkov.ru*

Поступила в редакцию 17.02.2023

После доработки 25.03.2023

Принята к публикации 12.04.2023

Аннотация. В статье рассмотрен культурный гибрид – религиозная политология, или теополитика. В рамках этого феномена язык церковной проповеди и катехизаторских практик оказывается подчинен дискурсу политических активистов. Примерами служат майданное богословие, Декларация об учении «о русском мире», польский политический католицизм, присоединение клириков Гродненской епархии к змагарской оппозиции в 2020 г. и др. Религиозная политология рассматривает политику как религиозную практику. С точки зрения политической теологии, напротив, политические вопросы должны быть сведены к теологическому канону. Задачи религиозной политологии (теополитики) решаются при тесном участии модернистской теологии. Последняя стремится к секулярной трансформации христианского канона, в частности к сакрализации какого-либо события светской истории. Этот принцип свойственен концепциям из разряда так называемого богословия после (после Освенцима, после 11 сентября, после пандемии и т.д.). Таким образом, под контроль берется пространство церковной проповеди, проповедничество переосмысливается в русле политической агитации, церковность репрезентируется как подсистема гражданского общества. Подчеркнута важность мотивов «слабой» Церкви и «слабого» Бога для создания богословского обоснования идей религиозной политологии. Сделан вывод, что

религиозная политология – это одно из проявлений новой секулярной Реформации, направленной на секуляризацию церковных институтов.

Ключевые слова: модернистское богословие, новая Реформация, политическая теология, религиозная политология, секулярная Реформация.

DOI: 10.31857/S0201708323030129

EDN: btcijr

Связь между политическим и теологическим в рамках современного интеллектуального поля становится все более тесной и порождает различные, порой разнонаправленные тенденции, которые требуют внимательного рассмотрения.

В целом отношения политики и религии определяются общей тенденцией современной культуры к формированию постмодернистских гибридов, будь то специфика гибридных войн XXI в. или процессы постсекулярного порядка. Позиция взаимного невмешательства религии и светской политики оказалась недостижимой: достаточно взглянуть на то, как постмайданный режим в Киеве прибегает к репрессиям по религиозному признаку против клириков Украинской православной церкви Московского патриархата. Митрополит Запорожский и Мелитопольский Лука (Коваленко) в связи с этим подчеркнул: «Масштабы гонений времен Сталина–Хрущева на Церковь ничтожно малы по сравнению с тем, что происходит сейчас»¹.

Однако если рассмотреть религиозно-политические взаимодействия отстраненно как борьбу двух дискурсов (политического и теологического), то мы вынуждены признать, что между ними продолжается спор о том, кто будет ведущим, а кто – ведомым в современной секуляристской (секулярной по самоопределению, но квазирелигиозной по существу) культуре. Объектом анализа становятся стратегии этого противостояния.

В рамках такой оптики можно говорить о стремлении ряда политических групп перехватить контроль над символическим ресурсом, накопленным и сохраняемым религией, и перенаправить его на достижение собственных целей. Эти тенденции знакомы по таким примерам, как майданное богословие, польский политический католицизм, роль клириков Гродненской епархии в белорусских событиях 2020 г. и т. п. Данные явления имеют двойное происхождение. С одной стороны, они активно поддерживаются либеральными политическими кругами в секулярном пространстве, с другой – лежат в русле настойчивой пропаганды «церковного республиканизма» со стороны клириков и мирян, склонных к греко-протестантским воззрениям и постмодернистскому смешению христианских догматов с догмами политического либерализма. Обе тенденции – либерально-секулярная и греко-протестантская, будучи встречными и взаимозависимыми, способствуют как теологизации политического дискурса, так и секуляризации «голоса Церкви».

¹ «Масштабы гонений времен Сталина–Хрущева на церковь ничтожно малы по сравнению с тем, что происходит сейчас» – митрополит Запорожский и Мелитопольский Лука. URL: <https://melitopol-news.ru/society/2023/03/12/27426.html> (дата обращения: 24.03.2023).

С точки зрения дискурсивного анализа данные процессы выглядят как вторичное «похищение языка» в классическом понимании Ролана Барта [Барт, 1989]. Язык церковной проповеди и катехизаторских практик оказывается подчинен дискурсу активистов «оранжевых революций» и сторонников политического неомодернизма, представляющих современную церковность в духе идей «республиканской» и «национальной церкви». Итогом становится формирование на базе политизированного богословия устойчивого постмодернистского гибрида – религиозной политологии.

Наиболее яркий пример религиозной политологии – это доктрина богословия майдана, изложенная в 2013 г. в одноименной статье архимандритом Кириллом Говоруном¹, в настоящее время выведенным за штат. Кирилл Говорун – сторонник ультраправой, бандеровской идеологии киевского режима, а его идеи стали частью теоретического обоснования (в религиозном аспекте) украинского государственного переворота 2014 г., приведшего в том числе к упомянутым выше репрессиям по религиозному признаку. Другой пример религиозной политологии – позиция ряда клириков Гродненской епархии в период змагарского путча в Белоруссии в 2020 г. и использование пропольской и проамериканской пропагандой жанра церковной проповеди [Щипков, 2021].

Третий – очень яркий и более свежий пример. В марте 2022 г. на сайте Академии богословских исследований г. Волосс (Греция) опубликован документ под названием «Декларация об учении “о русском мире”». В нем концепция русского мира рассматривается как богословская ересь, хотя по своему содержанию миссия русского мира является культурно-исторической и никак не связана с богословием. Декларация подписана отдельными представителями западной либеральной профессуры, в частности богословской.

Разумеется, Декларация находится за рамками строгой науки. Авторы документа демонстративно проигнорировали культурно-исторический аспект проблемы, не указывая на конкретные признаки теологизма в понятии «русский мир». Фактически здесь имеет место типичное проявление западной «культуры отмены» – запрет целой национальной группы (русским) на культурно-историческую самоидентификацию. Логика такого запрета подразумевает, что арабский, тюркский, британский миры онтологичны, реально существуют, но русского мира «не может быть, потому что не может быть никогда». По существу, это отрицание русской общности как таковой. Характерно, что создатели Декларации, пусть некорректно, но использовали именно теологический аргумент. Речь идет не просто о нарушении каких-то политических табу – привлекается термин «ересь», взятый в исходном религиозном смысле.

Случай с фантазийным понятием «русмирианская ересь» может быть рассмотрен в попперианском контексте демаркации (разграничения) между научными и метафизическими концепциями. Однако с точки зрения заявленной проблематики показательнее разграничение между классической политической теологией, из-

¹ Архимандрит Кирилл (Говорун). Богословие Майдана. Правмир. 12.12.2013. URL: <https://www.pravmir.ru/bogoslovie-majdana/> (дата обращения: 24.03.2023).

вестной со времен Макса Вебера и Карла Шмитта [Шмитт, 2000], и зеркальным подходом в русле религиозной политологии. Некоторые современные исследователи высказывают мнение о неразличимости этих направлений: «У нас нет абсолютного или определенного критерия, который позволит тот или иной феномен обозначить как теологический или, напротив, нетеологический» [Коначева, 2022: 215]. Однако кардинальное различие двух подходов прослеживается на уровне исходных методологических установок: религиозная политология рассматривает политику как религиозную практику, с точки зрения политической теологии, напротив, политические вопросы должны быть сведены к теологическому канону. Если этого сведения не происходит, то политика начинает имитировать различные фигуры теологической мысли. Например, патрональное государство оборачивается калькой с монотеизма (единобожия), а либеральное постмодернистское – воспроизводит в светских формах языческую архаику. Политическим аналогом религиозного чуда в рамках этой логики становятся революция, чрезвычайное положение и т. п.

Таким является различие между классическим и постмодернистским пониманием связи теологии и политики. Обозначив его таким образом, можно переходить к анализу гибрида религиозной политологии (теополитики). Этот феномен может быть рассмотрен в рамках концепции имплицитной религиозности – «недостаточно оформленной по сравнению с традиционными верованиями, но влияющей на формирование знаний, культурных смыслов и моделей поведения современного человека» [Михельсон, 2014: 155]. Логика и алгоритм такого анализа более или менее понятны и заключаются в выделении семантики сакрального, описании ее места и роли в структуре теополитического дискурса и т. д.

Подобный анализ требует отдельного исследования, и в рамках настоящего текста нет необходимости останавливаться на этом вопросе подробно. Более существенно, что полная теологическая характеристика объекта теополитики невозможна без учета роли модернистского богословия. Здесь сразу стоит указать на некий методологический симбиоз. Если теолог-модернист стремится выразить на богословском языке секуляристские идеологемы, идиомы и нормативы (например, «после Освенцима, после 11 сентября, после пандемии богословие должно измениться и проповедовать “встречу с Богом в Другом”, а не традиционные ценности»), то религиозный политолог использует фигуры и интуиции христианской мысли как конструктивные элементы собственного политического дискурса среди других элементов. Например, «если вы верны евангельским заповедям, собирайте информацию на членов семей полицейских» или «отдайте оппозиции улицу, если в вас живы христианские чувства». В обоих случаях возникает постмодернистский культурный гибрид.

Главная проблема такой дискурсивной практики – соединить религиозное с политическим так, чтобы генетические и стилевые различия между ними маскировались общей гражданской риторикой политолога (или политтехнолога) и не были заметны беглому взгляду. Для решения этой задачи привлекаются течения модернистской теологии, с уже встроенным социально-политическим и политико-идеологическим контентом. Подобные конструкции легко перелицевать, выведя политическое на уровень рамочного текста.

В ряду используемых таким образом модернистско-богословских течений можно выделить как относительно публицистические и массовые, так и утонченные варианты, сформированные в среде профессорского богословия. К первой категории, в частности, относятся богословие майдана, богословие после 11 сентября, богословие после пандемии. Ко второй – такие направления, как богословие после Освенцима, богословие смерти Бога или слабые теологии. Все эти концепции объединяет то, что их легко использовать как заготовки для политических задач, и виной тому – секулярная трансформация христианского канона. Такой трансформацией может быть, например, сакрализация какого-либо события светской истории (что означает десакрализацию Священной истории), свойственная концепциям из разряда так называемого богословия после.

Возьмем для примера расхожее утверждение: «После Освенцима христианство уже не может быть прежним, поскольку это событие перевернуло общество». Обычно этому выводу предшествует трудный вопрос: «Где был Бог в Освенциме?». На основании эмоционального шока от трагедии Освенцима делается вывод: современное богословие непременно должно измениться, иначе религия окажется на задворках общественной жизни. Стоит напомнить, что нацизм – человеконенавистническая идеология, имеющая абсолютно секулярное происхождение (коллорационистский грех Немецкой евангелической церкви (1933–1945) не распространяется на большинство христианских церквей). Тем не менее итоговым выводом из трагедии становится требование пересмотреть стандарты не секуляризма, а традиционного христианского богословия. Эта логика вызывает большие сомнения. Очевидно, что она основана на иррациональной апелляции к эмоциям, сочувствию и справедливому негодованию, однако энергия этих естественных и более чем справедливых чувств используется не по назначению, в узкогрупповых, идеологических целях.

Важная особенность концептуальной схемы «богословия после» состоит в том, что сакральное событие непременно должно быть трагическим. В этом случае на любую последовательную критику можно ответить общим обвинением в неуважении или недостаточном внимании к памяти жертв. При этом, как правило, игнорируются аналогичные и не менее трагические события более ранней истории, такие как Варфоломеевская ночь, геноцид индейцев или зверства испанской инквизиции по отношению к евреям. Необходимо, чтобы сакральное событие было недавним, это позволяет легко увязать церковные проблемы с проблемами современности.

Общий вывод из логики религиозно-политологического подхода обычно такой: критерии сакральности должны теперь определять гражданские культы и символы. Так осуществляется секуляризация теологического дискурса. Происходит присвоение критериев религиозной сакральности и нравственных дефиниций, берется под контроль пространство церковной проповеди, проповедничество переосмысливается в русле политической агитации, а церковность репрезентируется как подсистема гражданского общества.

Внимательно рассмотрев тезис о том, что мир после определенных событий внезапно и необратимо меняется (как будто заново рождается), мы увидим секулярный аналог переходного обряда, который по умолчанию должен пройти каждый член цивилизованного общества (это или вариант «повторного Крещения», или отголоски нехристианских ритуальных практик). Так секуляризм оборачива-

ется альтеррелигиозностью, которая де-факто является его подлинным основанием. Исходя из этого, например, в западной радикал-ортодоксии (в частности, в работах Джона Милбанка) секуляризм определяется как негативная теология [Milbank, 2006].

Сакрализируя светское социальное событие, теолог-модернист и религиозный политолог призывают начать богословие с чистого листа – «обнулить» традицию. Отсюда происходит известный термин «сброс на ноль» (обозначает общее условие развития богословских идей и их адаптации к изменившемуся социокультурному контексту) [Разумовский, 2008]. В случае отказа от такой перспективы современных верующих обвиняют в отсталости и нежелании говорить на языке современности. На этом основании Церковь объявляется препятствием для обновления, которое непременно нужно устранить. Нередко при этом говорится о слабости, социальной ущербности и бесполезности Церкви и даже (иногда) о ее неполной исторической легитимности. В результате следует вывод: если Церковь слаба и бесполезна и ее проповедь бессмысленна, значит, необходимо менять параметры богословской мысли, подчинив ее актуальной общественной повестке, т. е. позициям секулярного официоза, например, в порядке некоего богословского апгрейда, демифологизировать Евангелия в духе Рудольфа Бульмана. В подтекст при этом закладывается мысль о том, что Церковь не всегда была, а именно недавно стала несостоятельной. В такой аранжировке антицерковная позиция выглядит как бы процерковной – как стремление «налить старое вино в новые мехи».

Вслед за образом несостоятельной, слабой Церкви в поле модернистского богословия возникает образ слабого Бога, неспособного предотвратить войны и революции, влиять на земную историю, иначе говоря: это Бог с маленькой буквы – «не высшее сущее, а внушающий голос <...>, не демонстрация „подавляющей силы“ <...>, а приглашение» [Caputo, 2019: 33]. Слабый Бог воспринимается как единственно возможный, подлинный, отрицающий господство над тварным миром ради испытания человека. На этом фоне истинный Бог Библии де-факто отрицается как слишком амбициозный, как бог-Левиафан. Очевидно, что это богословие секуляризированного христианства (*secular Christianity*), прототипом которого является демифологизированное христианство Дитриха Бонхеффера.

С канонической точки зрения позиция «богословия после», придающая событиям светской истории религиозное и даже надрелигиозное измерение, ведет к искажению образа Священной истории. В рамках «богословия после» происходит игнорирование роли теодицеи, уход от канонического объяснения того, как сочетаются всеблагость Господа и наличие зла в мире, т. е. построение своего рода антитеодицеи.

Как уже отмечалось, секуляризация религиозного пространства и теологизация политики – это встречные процессы, связанные общим основанием. Его вполне можно охарактеризовать как процесс новой секулярной Реформации. Секуляризация прежде касалась общества и государства и привела к отделению от них Церкви. Новая секулярная Реформация – это переход от секуляризации общества и государства к секуляризации самой Церкви. В отличие от атеистического проекта «отмены» Церкви, он подразумевает формирование Церкви нового типа, ко-

торая изменила бы цели своей миссии¹. Сторонники данного проекта также неоднократно заявляли о такой трансформации, подразумевая, например, превращение Церкви в «конфедерацию независимых православных приходов» или религиозный «блокчейн»².

Таким образом, следствием рассмотренных в статье тенденций, существующих на стыке политической и религиозной жизни, становится устойчивый постмодернистский культурный гибрид – религиозная политология (или теополитика). Для религиозной политологии теология – это инструмент сакрализации политики, оружие политтехнологий: именно при таком использовании теологии политика превращается в квазирелигиозный феномен.

Религиозная политология имеет двойное происхождение. С одной стороны, это следствие попыток секуляризации Церкви, которые ведут к сращиванию религиозности с политикой и политическими идеологиями. С другой – происходит встречный процесс: с позиций уже сформировавшейся религиозной политологии в церковном пространстве лоббируются светские программы церковного республиканизма с идеями выборного священства, некафолической общинности «миссионерских PR-технологий», восприятия священника как религиозного консультанта-психолога и продавца «религиозных услуг», а также широкий спектр либеральных политических инициатив.

Религиозная политология сегодня может быть осмыслена как часть программы новой Реформации, представляющей серьезную опасность для церковной традиции. Однако с Божьей помощью Церковь выдержит и это испытание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барт Р. (1989) Избранные работы: Семиотика: Поэтика. Прогресс, Москва. 616 с.
- Коначева С. (2022) «Бог без суверенитета» и «священная анархия» Царства: «слабая» теология как теополитический проект. *Социологическое обозрение*. Т. 21. № 2. С. 214–229. DOI: 10.17323/1728-192x-2022-2-214-229
- Михельсон О.К. (2014) От «псевдорелигии» и «квазирелигии» к «имплицитной религии». Теологизм в исследованиях современной религиозности. *Вестник Орловского государственного университета. Серия Новые гуманитарные исследования*. № 6(41). С. 255–258.
- Разумовский Д.А. (2008) Метаморфозы постмодернистской церкви в интерьере «ретро-духовности». *Научный богословский портал «Богослов.Ru»*. 09.02.2008. URL: <https://bogoslov.ru/article/277615> (дата обращения: 24.03.2023).
- Шмитт К. (2000) *Политическая теология*. КАНОН-пресс-Ц., Москва, Россия. 336 с.
- Щипков А.В. (2021) Гродненский нарратив в контексте современной политической посттеологии. *Ортодоксия*. № 2. С. 224–242. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-2-224-242

¹ О попытках трансформации Церкви см. [Щипков, 2017].

² См., например: Белковский С. В ожидании русской Реформации. URL: <https://snob.ru/entry/167036>; Севастьянов Л. Православный блокчейн. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/11/11/78544-pravoslavnyy-blokcheyn> (дата обращения: 24.03.2023).

Щипков А.В. (2017) Территория Церкви. Церковь перед угрозой секулярной реформации. URL: <http://shchipkov.ru/32710> (дата обращения: 24.03.2023).

Caputo J.D. (2019) *Cross and Cosmos: A Theology of Difficult Glory*. Indiana University Press, Bloomington, USA. 308 p.

Milbank J. (2006) *Theology and social theory: beyond secular reason*. Blackwell Publishing Ltd. 448 p.

Theology and Politics. Political Attempts to Subordinate the Church

A.V. Schipkov*

Doctor of Sciences (Politics)

Rector of the Russian Orthodox University of St. John the Theologian

Adviser to the Chairman of the State Duma of the Federal Assembly

of the Russian Federation, Krapivensky Lane, 4, Moscow, Russia, 127051

***E-mail:** *mail@shchipkov.ru*

Abstract. The article reviews a cultural hybrid, which is defined as religious political science or “theopolitics”. Within the framework of this phenomenon, according to the author, the language of church mission and catechetical practices is subordinated to the discourse of political activists. Among the examples of such subordination are the so-called “maidan theology”, the Declaration on the “Russian World” Teaching, Polish political Catholicism, the accession of the Hrodna episcopate clergy to the “zmagar” political opposition in 2020, etc. Religious political science tends to consider politics itself as a religious practice; political theology, on the contrary, looks at political issues as something that should be brought in accordance with a theological canon. The goals of theopolitics are reached with the close application of modernist theology. The latter seeks to transform the Christian canon according to the secularism, in particular, to sacralize specific events in secular history – this principle is characteristic of concepts from the category of the so-called “theology after” (after Auschwitz, after 9/11, after the global pandemic, etc.) According to the author, the field of church mission is thus taken under control, preaching is reinterpreted in line with the political propaganda, the church is represented as a subsystem of a “civil society”. The author emphasizes the importance of the motives of the “weak Church” and “weak God” for creating a “theological” justification of the ideas of religious political science and concludes that theopolitics is one of the manifestations of the “new Reformation” (otherwise: secular reformation) aimed at secularisation of church institutions.

Keywords: modernist theology, new Reformation, political theology, religious political science, secular Reformation

DOI: 10.31857/S0201708323030129

EDN: btcijr

REFERENCES

- Bart R. (1989) *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected works: Semiotics: Poetics], Progress, Moscow, Russia. (In Russian).
- Konacheva S. (2022) «Bog bez suvereniteta» i «svyashchennaya anarhiya» Carstva: «slabaya» teologiya kak teopoliticheskij proekt [“God without sovereignty” and the “sacred anarchy” of the Kingdom: “weak” theology as a theopolitical project], *Sociologicheskoe obozrenie*, 21(2), pp. 214–229. DOI: 10.17323/1728-192x-2022-2-214-229 (In Russian).
- Mihel'son O.K. (2014) Ot «psevdo religii» i «kvazireligii» k «implicitnoj religii». Teologizm v issledovaniyah sovremennoj religioznosti [From “pseudo-religion” and “quasi-religion” to “implicit religion”. Theologism in the studies of modern religiosity], *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Novye gumanitarnye issledovaniya*, 6(41), pp. 255–258. (In Russian).
- Razumovskij D.A. (2008) *Metamorfozy postmodernistskoj cerkvi v inter'ere «retroduhovnosti»* [Metamorphoses of the postmodern church in the interior of “retro spirituality”], URL: <https://bogoslav.ru/article/277615> (accessed: 24.03.2023). (In Russian).
- Shmitt K. (2000) *Politicheskaya teologiya* [Political Theology]. Sbornik. Perevody s nem. Zaklyuchit. stat'ya i sostavlenie A. Filippova. KANON-press-C., Moscow, Russia. (In Russian).
- Shchipkov A.V. (2021) Grodnenskiy narrativ v kontekste sovremennoj politicheskoy postteologii [Grodno narrative in the context of modern political Ideology]. *Ortodoksiya*, 2, pp. 224–242. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-2-224-242 (In Russian).
- Shchipkov A.V. (2017) *Territoriya Cerkvi. Cerkov' pered ugrozoy sekulyarnoj reforma-cii* [The Territory of the Church. The Church facing the threat of secular reform]. URL: <http://shchipkov.ru/32710> (accessed: 24.03.2023). (In Russian).
- Caputo J.D. (2019) *Cross and Cosmos: A Theology of Difficult Glory*. Bloomington: Indiana University Press.
- Milbank, J. (2006) *Theology and social theory: beyond secular reason*. John Milbank. 2nd ed. p. cm. Blackwell Publishing Ltd.

УДК 327

МИГРАЦИЯ И ИСЛАМСКИЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ДИСКУРСА¹

© 2023 г. **ПРОНИНА Татьяна Сергеевна***

Доктор философских наук,

Главный научный сотрудник Центра религиоведческих и этнополитических исследований

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

196605, Россия, г. Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10

***E-mail:** *tania_pronina@mail.ru*

© 2023 г. **ТАЛАЛАЕВА Екатерина Юрьевна****

Кандидат философских наук

Младший научный сотрудник Центра религиоведческих и этнополитических исследований

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина;

Старший преподаватель кафедры теологии,

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

196605, Россия, г. Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10

****E-mail:** *kater-ina@mail.ru*

Поступила в редакцию 17.01.2023

После доработки 25.03.2023

Принята к публикации 12.04.2023

Аннотация. В статье проанализированы причины выбора молодыми мусульманами в европейских странах фундаменталистской версии ислама. В результате миграции миллионов мусульман ислам стал одной из влиятельных европейских религий. В исследовании указан ряд признаков формирования новой глобальной религиозной системы. Возникают религиозные трансграничные сообщества, представляющие глобализованную сеть. Их динамичный характер, частичная

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00374 «Религия как фактор адаптации и интеграции (им)мигрантов: на примере стран Балтийского региона». <https://rscf.ru/project/23-28-00374/>

виртуализация деятельности ослабляют контроль со стороны государства. В «параллельных обществах», деятельность которых связана с иммигрантами-мусульманами, есть собственная система лидерства, права и управления, конкурирующая с государственными структурами. Мусульман, испытавших детерриторизацию ислама, привлекает именно его фундаменталистская версия. Их религиозная идентичность формируется под влиянием новых взаимодействий, медиа-ресурсов, участия в глобальной сети единомышленников. Исламский фундаментализм является не закономерным продуктом ислама, а результатом европеизации и секуляризации ислама, который использует религию как ресурс для легитимации социально-политического протеста и выступает реакцией на поиски идентичности в новой среде. Недоверие к ценностям европейской цивилизации, призыв к радикальным мерам, конструирование собственной версии традиции и ее идеализация – установки, присущие фундаментализму и основанные на современных проблемах, подтверждают, что это феномен эпохи постмодерна.

Ключевые слова: ислам, фундаментализм и постмодернизм, миграция, детерриторизация религий, конструирование идентичности, кризис политики ассимиляции

DOI: 10.31857/S0201708323030130

EDN: btsafi

События 2020 г. во Франции запустили в европейских обществах новый этап дискуссии об интеграции (им)мигрантов и повлияли на пересмотр мер иммиграционной политики. 16 октября 2020 г. после урока свободы слова 18-летний выходец из Чечни убил учителя С. Пати, который демонстрировал карикатуры на пророка Мухаммеда. Президент Франции Э. Макрон после убийства заявил, что «Ислам – это религия, которая переживает кризис сегодня во всем мире»¹, и республика не откажется от карикатур: «Мы продолжим»². Лидеры и граждане ряда стран мусульманского мира осудили слова президента и призвали бойкотировать французские товары. Во Франции была совершена серия терактов. По словам министра внутренних дел Франции Ж. Дарманин, после убийства учителя 80 человек разместили сообщения в сетях в поддержку этого акта³. «Когда право на карикатуры публично защищает глава государства, – прокомментировал ситуацию доктор политических наук Э. Паин, – то, конечно, этому акту придается дополнительная

¹ La République en actes: discours du Président de la République sur le thème de la lutte contre les séparatismes. 02.10.2020. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/10/02/la-republique-en-actes-discours-du-president-de-la-republique-sur-le-theme-de-la-lutte-contre-les-separatismes> (дата обращения: 29.10.20).

² Emmanuel Macron on Twitter: “Nous continuerons, professor”. Sorbonne. 21.10.2020. URL: <https://twitter.com/EmmanuelMacron/status/1319004125896581132> (дата обращения: 29.10.2020).

³ France teacher attack: Pupil's father 'exchanged texts with killer. BBC. 20.10.2020. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-54613565> (дата обращения: 08.11.2020).

политизация. И вот эта дополнительная политизация, конечно, усилила негативное восприятие немалой части исламского мира»¹.

Ущерб от убийства имел символический характер. Как об уничтоженных 11 сентября 2001 г. башнях на Манхэттене писал Ю. Хабермас: «уничтожили одну из икон в сознании американской нации» [Borradori, 2003: 28], так и убийство учителя отозвалось как столкновение цивилизационных оснований – либертарианского принципа свободы слова, которым Франция дорожит как одним из столпов и символов республики, и религиозного благочестия. Многие европейцы, для которых религия – только культурное наследие, находятся в растерянности от того, что религиозные убеждения могут быть мотивом убийства. В связи с этим можно привести слова Ф. Фукуямы: «постмодернисты, которые не могут определить, кто они есть, рискуют быть подавлены теми, кто знает, кто он есть»². С. Жижек обозначает эту дихотомию, как противостояние между «анемичными либералами и страстными фундаменталистами»³.

Миграция и новая глобальная религиозная система

Ряд исследователей называют современную эпоху «веком миграции»⁴. По словам Ю. Хабермаса, сегодня европейские города – это лаборатории под открытым небом, в которых различные религиозные и этнические общины вырабатывают социальную солидарность среди чужаков [Habermas, 1997]. По данным отдела народонаселения ООН, в настоящее время насчитывается более 200 млн международных мигрантов. С 1980 г. эта цифра выросла в два раза. В книге «Глобализованный ислам» О. Руа пишет, что сегодня «треть всех мусульман принадлежат к меньшинствам в немусульманских странах» [Ruа, 2017: 24].

Процессы, которые приводят к столь значимым изменениям, определяются основными демографическими трендами – показателями рождаемости и количеством молодежи в популяции. Рождаемость и количество молодых людей, которые вскоре заведут детей, существенно выше в регионах и странах, традиционно исповедующих ислам. По данным проекта «Религия и общественная жизнь» Исследовательского центра Пью (*Pew Research Center's Religion & Public Life Project*), средний возраст мусульман в мире составляет 23 года, а средний возраст христиан – 30 лет. Сегодня в мире проживают 2,2 млрд христиан (32% населения мира) и 1,6 милли-

¹ «Если ты хороший мусульманин, ты обязан возмутиться»: что провоцирует теракты в Европе? Euronews. 05.11.2020 URL: <https://ru.euronews.com/2020/11/05/europe-terrorism-freedom-of-speech> (дата обращения: 09.11.2021).

² Fukuyama F. Identity and migration. Prospect. 25.02.2007. URL: <https://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/identity-migration-multiculturalism-francis-fukuyama> (дата обращения: 20.10.22).

³ Славой Жижек о расправе в Charlie Hebdo: злые дошли до остервенения? New Statesman. 13.01.2015. URL: <https://inosmi.ru/20150113/225494698.html> (дата обращения: 25.01.2023).

⁴ Appadurai A., Morley D. New Formations Decoding Diaspora and Disjuncture. New Formations. 01.01.2011. URL: <https://www.questia.com/read/1P3-2551912651/decoding-diaspora-and-disjuncture> (дата обращения: 21.10.20).

арда мусульман (23%). По прогнозам экспертов проекта, к 2050 г. численность мусульман в мире будет равняться численности христиан¹.

Однако необходимо принимать во внимание изменения религиозной геолокации. Исследователи отмечают, что у мусульман, иммигрировавших в европейские страны, через 2-3 поколения уровень рождаемости постепенно приближается к европейским показателям. «Коэффициент фертильности значительно упал за последние двадцать лет (с 1980 по 2000 гг. с 6,36 до 2,67 в Алжире; с 5,06 до 3,03 в Египте; с 4,90 до 2,10 в Тунисе, что близко к французскому уровню)» [Руа, 2017: 21].

Изменение состава населения отдельных стран влечет трансформацию глобального религиозного пространства. По словам Э. Паче, профессора Туринского университета, специалиста по миграции, «Никто не выйдет невредимым из изменений, которые будут порождены этими новыми картами, – ни те религии, которые претендуют на неизменность, ни те, которые убеждены, что они представляют собой коллективное сознание целых народов» [Pace, Da Silva Moreira, 2018]. Опираясь на основополагающие в теории глобализации работы А. Аппадурай, Р. Робертсона, М. Уотерса, можно сказать, что возникает новый формат глобальной религиозной системы [Robertson, 1992; Appadurai, 2001; Waters, 2001]. Важнейшая предпосылка ее формирования – детерриторизация религий, когда последователи разных религиозных направлений меняют локацию. Об исламе в этом ключе пишет О. Руа: «мусульманская умма больше не связана ни с какой территорией, и это есть результат глобализации и детерриторизации ислама» [Руа, 2017: 24]. Миграция миллионов мусульман привела к тому, что ислам стал европейской религией. Это также касается исламского радикализма: «...пространство современного исламского радикализма, – по словам О. Роя, – шире Ближнего Востока. Это глобальное пространство» [Руа, 2017: 20].

Религия как глобальная сеть и воображаемая религиозная идентичность

В результате детерриторизации культурные особенности больше не привязаны к физическому пространству. Средства связи и коммуникации транспортируют людей в разные места, поэтому снижается значение реальной пространственной локации. Нет необходимости перемещаться в пространстве или находиться в определенном месте для участия в религиозной жизни. Символические границы религий продолжают разделять людей, но формируются на новых основаниях. Институализация религиозной жизни выходит за рамки зданий и перемещается в киберпространство, образуя глобальную религиозную сеть, в которой на основе онлайн-коммуникаций складываются сообщества трансграничного характера. На это указывает, например, шведская исследовательница медиа М. Лёвхейм: «в современном обществе как индивидуальная, так и коллективная религии создаются и поддерживаются посредством опыта и репрезентаций, которые слабо связаны с верованиями

¹ Lipka M., Hackett C. Why Muslims are the world's fastest-growing religious group. Pew Research Center. 06.04.2017. URL: <http://pewrsr.ch/2nOPNXY> (дата обращения: 15.07.2020).

и практиками религиозных институтов» [Лёвхейм, 2020: 81]. Преимущества сетевых взаимодействий, интернет-коммуникаций перед привычными социальными структурами подтвердились в период пандемии, когда они обеспечили выполнение многих важных задач.

Современные формы коммуникации, интернет, социальные сети меняют «ткань реальности» [Appadurai, 1996]. Технологии позволяют создавать новые пространства, сообщества и способы выстраивания отношений. Мусульмане в Европе могут слушать проповеди в мечетях Ирана, Саудовской Аравии в режиме реального времени, общаться с духовным наставником в любой точке мира. Активизация символических обменов благодаря современным средствам распространения информации способствует сохранению (им)мигрантами исторической этнорелигиозной идентичности.

Культуры в новом контексте меняются не только под влиянием соседствующих локальных культур, но и благодаря воздействию глобальных потоков информации. Религиозность западных мусульман – результат новых социальных взаимодействий и интерпретаций. Она имеет изобретенный характер, обнаруживает заимствования из разных религиозных и нерелигиозных источников. По мнению А. Аппадурай, важнейшей социальной силой становится воображение. Если религиозность первого поколения иммигрантов отражала традиции места исхода, то следующие поколения создают религиозную идентичность из прежних и новых элементов, что приводит к изменению иерархии значимого. «С появлением второго и третьего поколений ислам видит себя все более и более европейским, определенно формируя часть западного ландшафта» [Roy, Amghar, 2006: 49].

Глобализация и исламский фундаментализм: поиск новой универсальности

Термин «исламский фундаментализм» имеет дискуссионный характер. Некоторые исследователи критикуют его использование в отношении ислама [Карамян, 2007]. Под данным понятием в статье имеется в виду его идейная составляющая – возвращение к основам. Фундаменталисты изобретают свою версию традиции, тем самым революционизируют религиозный дискурс. Профессор Университета Техаса Полин-Мари Розено, автор исследования «Постмодернизм и социальные науки», охарактеризовала исламский фундаментализм как постмодернизм Третьего мира¹. Постмодернисты отказываются от парадигмы линейности времени и событий. История в рамках такого дискурса рекурсивна – сколько людей, столько историй. Эта философия хорошо объясняет то, что уже стало реальностью в религиозной сфере. В современных исследованиях религии происходит смещение исследовательского фокуса с институциональной религии в сторону многообразия «проживаемой религии» (*lived religion*) [Лёвхейм, 2020: 81]. Люди в анклавах живут в своем мире и времени. Им безразлично, что они находятся, например, в предместье Парижа, по-

¹ Rosenau P.M. Post-Modernism and the Social Sciences: Insights, Inroads, and Intrusions. URL: <https://www.questia.com/read/99837790/post-modernism-and-the-social-sciences-insights> (дата обращения: 12.06.2020).

тому что они выстраивают свой мир. Этот фрагмент мозаики продолжает другую историю, а не историю прежнего Парижа.

В численности мировых мигрантов христиане составляют 49%, а мусульмане – 27%¹. Однако последние воспринимаются европейцами хуже: они трудно интегрируются в принимающее общество, требуют строительства мечетей, школ с арабским языком, признания выходных в свои праздничные дни, право совершать молитвы во время работы. Государственные институты и общество часто рассматривают эти просьбы как попытки навязать свою волю, а в крайних случаях как способ взращивания террористов [Spena, 2011]. Постепенно положение ислама в европейском обществе меняется под влиянием того, что он становится более привычным для граждан принимающего сообщества: появились стабильные институты исламских организаций, которые способны осуществлять коммуникацию между верующими и государством, стали открываться исламские школы, изменились публичные практики манифестаций религиозной принадлежности иммигрантов.

В то же время, как отмечает Карло де Анжело, исследователь исламского права из Университета Неаполя, происходит изменение социальных характеристик исламской иммиграции. Если на первом этапе преобладало сельское малообразованное население, то с конца 1980-х гг., когда иммиграция из стран Ближнего Востока и Африки в Европу приобрела массовый характер, приезжает грамотное городское население, молодежь, выросшая в странах «исламского пробуждения» (в Алжире, Сирии, Египте)². Последняя знает на практике феномен «возвращения в мечеть» и, как следствие, поддерживает распространение норм ислама на многие сферы жизни.

Межпоколенческий разлом наблюдается также в среде (им)мигрантов-мусульман в России: представители первого поколения менее религиозны в отличие от приезжающих к ним молодых родственников. Отличается характер религиозности поколений. У родившихся в советский период религиозность функционирует как этнокультурный архетип. Для представителей следующих поколений религия более важна. Их религиозность нередко имеет радикальные черты, что проявляется в неприятии светских ценностей западного мира. Некоторые из собеседников-мигрантов в ходе интервью, проведенных в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в 2020–2021 гг., рассказывали, что поддерживают связь с прежними религиозными наставниками по телефону, скайпу, в соцсетях и получают от них духовную поддержку³. Однако в России в силу ряда причин (невысокий уровень иммиграции, общность предшествующего социокультурного контекста – советский период) эти проблемы не стоят так остро, как в европейских странах.

Радикальная религиозность второго и третьего поколения иммигрантов формируется под влиянием ряда факторов. Первое поколение, как правило, не вело ак-

¹ The Global Religious Landscape. Pew Research Center. 18.12.2012. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2012/12/18/global-religious-landscape-exec/> (дата обращения: 12.06.2020).

² De Angelo C. Le problematiche socio-giuridiche connesse all'immigrazione islamica in Europa con particolare riguardo alla situazione italiana. Journal of Arabic and Islamic Studies. 4 (2001–2002). P. 27–48. URL: <https://journals.uio.no/JAIS/issue/view/393> (дата обращения: 22.01.2022).

³ Подробнее см.: [Пронина, 2020].

тивную религиозную жизнь. У них была другая жизненная стратегия: необходимо найти работу и содержать семью, что в новой среде требует больших усилий. На активное участие в жизни религиозной общины не оставалось времени и сил. Таким образом, представители второго и третьего поколений не наследуют религиозность. Их идентичность формируется под влиянием новых взаимодействий, медиа-ресурсов, участия в глобальной сети единомышленников. Эту точку зрения разделяет Э. Паин: «Люди, приезжающие в Европу из государств исламского мира, живут не только в стране. Они живут в специфических социальных сетях – общеевропейских и общемировых. Значительную часть информации, значительную часть ценностей и ориентаций они получают не из жизни страны, в которую они приехали, а в интернациональных, глобальных сетях мирового исламизма»¹.

В выстраивании идентичности сегодня важную роль играет воображение [Appadurai, 1996]. По словам О. Руа, «мусульмане новых меньшинств вынуждены переизобретать то, что делает их мусульманами» [Руа, 2017: 24]. Эти интерпретации основаны на насущных проблемах. А. Аппадурай приводит убедительный пример: если в лагере для беженцев цена на хлеб возрастает каждые 15 минут, то закономерно, что в интерпретации социального контекста начинают превалировать негативные коннотации². Это позволяет понять, почему в религиозности мусульман нарастают радикальные идеи и практики. Исследователи солидарны в выводе, что исламский фундаментализм – «это не традиционализм и не консерватизм, а ответ на современные проблемы» [Коновалов, Лещин, 2004: 210; Гаджиев, 2015]. Идеологи фундаментализма апеллируют к традиции, но не стремятся к сохранению существующих условий и норм, а призывают к возрождению собственной версии прошлого. «Постмодернистские социальные движения в странах третьего мира, – считает П.-М. Розено, – являются выражением воспоминаний об идеализированном традиционном обществе, которые передавались из поколения в поколение и теперь вновь утверждаются»³. О. Руа настаивает, что мусульман, испытавших детерриторизацию ислама, привлекает именно фундаментализм [Руа, 2017: 13].

Постмодернизм и фундаментализм роднит «оппозиция иерархии, государственной власти и административным режимам наряду со специфической консервативной социальной политикой»⁴. Директор отдела политики Французского института общественного мнения (*Institut français d'opinion publique, IFOP*) Франсуа Краус, комментируя результаты исследования, выполненного для *Le Comité Laïcité République*⁵, делает вывод, «что значительная часть мусульманской молодежи разделяет с исламистами идею о том, что предписания, принятые их религией, должны быть важнее французского законодательства». По данным опроса, так считают более половины французов-мусульман в возрасте до 25 лет (57%). Эта цифра выросла

¹ «Если ты хороший мусульманин, ты обязан возмутиться» ...

² Appadurai A., Morley D. New Formations Decoding Diaspora and Disjuncture.

³ Rosenau P.M. Post-Modernism and the Social Sciences: Insights, Inroads, and Intrusions.

⁴ Там же.

⁵ Республиканский комитет секуляризма. Согласно его идеологии, только секуляризм может обеспечить свободу совести и равенство прав.

на 10% по сравнению с 2016 г.¹ Например, убийца учителя во Франции был не одинок – он имел единомышленников в сети. В ходе расследования в аккаунте одной из мечетей были обнаружены призывы к насилию в отношении учителя, демонстрирующего карикатуры на пророка Мухаммеда. Французские СМИ называют проповедника этой мечети с 1500 верующими «радикальным исламистом»².

Речь не идет о возложении ответственности за теракты на абстрактный постмодернизм, но важно понять, что распространение фундаменталистских идей обусловлено современными процессами. Исламский фундаментализм не является закономерным продуктом ислама или его культуры, а выступает реакцией на поиски идентичности, которые актуализируются в новой среде. «Неофундаментализм обрел почву среди лишенной корней мусульманской молодежи, в частности среди второго и третьего поколений мигрантов на Западе. Ему привержено незначительное меньшинство мусульман, но этот феномен питает новые формы радикализации» [Руа, 2017: 24]. Убийца С. Пати Абдуллах Анзоров приехал во Францию с родителями ребенком в 2008 г. Соответственно, его религиозный радикализм сформировался уже во Франции. «В значительной мере, – комментирует ситуацию Э. Паин, – их (радикальных мусульман. – *Прим. Т.С.*) радикализация формируется уже в Европе, она не вывезена из мест, где они родились»³. Схожий вывод делает И.Л. Алексеев: «Исламский фундаментализм является базовой моделью сохранения исламской идентичности в ситуации социокультурного кризиса» [Алексеев, 2006: 426].

Национальные государства сегодня, по словам А. Аппадурай, характеризуются «“плавающим” населением, транснациональной политикой внутри национальных границ и мобильными конфигурациями технологий и опыта» [Appadurai, 2000: 5]. Пространство расщепляется на множество локальностей, покрытых глобальной сетью взаимодействий, создающей новую сакральную топографию. «Эти новые этнические и религиозные границы, пишет О. Руа, не соотносятся ни с какими географическими регионами. Они действуют в умах, отношениях и дискурсах. Они более словесны, чем территориальны, но тем более страстно их поддерживают и защищают – именно потому, что их нужно изобретать» [Руа, 2017: 25].

Появляются сообщества, преодолевающие пространственную локализацию, апеллирующие к конструируемым традициям, возникают «коллективные модели несогласия и новые проекты коллективной жизни» [Appadurai, 2000: 6]. Подобные сообщества скорее представляют глобализованную сеть, пребывающую в состоянии постоянных изменений – трансформаций, мимикрий, конфликтов, союзов. Это делает такие сообщества непрозрачными, ослабляет возможности контроля со стороны государственных структур. Эти выводы иллюстрирует феномен «параллельных обществ», связанных с иммигрантами-мусульманами. Формирующая

¹ Morel P.Th. 57 % des jeunes musulmans pensent que la charia est plus importante que le droit français, ce fossé qui se creuse entre les communautés. Valeurs. 05.11.2020. URL: <https://www.valeursactuelles.com/societe/57-des-jeunes-musulmans-pensent-que-la-charia-est-plus-importante-que-le-droit-francais-ce-fosse-qui-se-creuse-entre-les-communautes> (дата обращения: 09.11.2020).

² France teacher attack: Pupil's father 'exchanged texts with killer.

³ «Если ты хороший мусульманин, ты обязан возмутиться» ...

яся в них параллельная система лидерства, управления и права создает реальную конкуренцию государственным структурам [Пронина, 2021].

Остается вопрос, как противодействовать формированию контробществ, уже не просто конкурирующих с государствами, но вступающими в открытый конфликт. Президент Франции Э. Макрон 2 октября 2020 г. выступил с программной речью «Республика в действии» (*La République en actes*), в которой заявил о решимости бороться с сепаратизмом, радикальным исламом, ведущими к терроризму: «идеология радикального исламизма ставит свои законы выше законов Республики, это сознательный, теоретизированный, политико-религиозный проект, который воплощается в неоднократных отклонениях от ценностей Республики, что часто приводит к созданию контробщества»¹. Э. Макрон также пообещал новый закон в борьбе с сепаратизмом.

Для обеспечения эффективности контроля за «параллельными обществами» и выявления потенциальных террористов, мгновенно коммуницирующих в глобальной сети государства могут использовать опыт пандемии и разрешить тотальный надзор, но в результате вместо конфликта государств с радикальными группами возможен конфликт светского радикализма с религиозным радикализмом. На сегодняшний день можно констатировать, что прежняя политика ассимиляции не работает. С точки зрения теоретического обоснования наиболее убедительно выглядит стратегия интеркультурализма. Как утверждают А.И. Куропятник и М.С. Куропятник, «Опыт интеркультурального переосмысления глобализирующей современности, накопленный в контексте отношений национального государства со своими регионами, представляется чрезвычайно актуальным для всех мультикультурных иммиграционных обществ» [Куропятник, Куропятник, 2018: 255].

Выводы

Представители второго и третьего поколения мусульман переживают «возвращение в мечеть», изобретая свою версию ислама. Привлекательная их фундаменталистская версия ислама зиждется на негативной модели идентичности, формируемой через противопоставление «Другому» – европейскому окружению. Этот дихотомический принцип, замечает Э. Паин в статье «Социальная природа экстремизма и терроризма», используют в своих доктринах «большинство исламских политических идеологов, которые описывают терроризм в терминах битвы двух миров – “эксплуатируемых” (исламский мир, или Юг) и “эксплуататоров” (иудео-христианский мир, или Север)» [Паин, 2002: 113]. Когда в формировании идентичности превалирует негативный принцип над поисками положительного содержания, «Другой», т.е. «не-Мы», чаще всего представляются с отрицательной коннотацией как враждебные и безнравственные. Идентичность и образ «Другого», конструируются в виду актуальных целей и задач. Фундаментализму присущи двойственные установки: конструирование собственной версии традиции, ее ретроспективная легитимация и идеализация, критика ценностей европейской цивилизации с

¹ La République en actes : discours du Président de la République sur le thème de la lutte contre les séparatismes.

одновременным желанием пользоваться ее благами. Критикуя модернизм, фундаментализм сам является вариантом модернизации религии, что делает его феноменом постмодерна. Исламский фундаментализм – результат секуляризации ислама, который принимает приоритет политики над религией, используя религию как ресурс для легитимации своего социально-политического протеста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев И.Л. (2006) Исламский фундаментализм. *Религиоведение. Энциклопедический словарь*. Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. Академический проект, Москва. С. 425–426.
- Гаджиев К.С. (2015) Фундаментализм в поле пересечения западных и исламских ценностей. *Власть*. № 3. С. 5–13.
- Карамян С.Г. (2007) Исламский фундаментализм: теория и практика. *Власть*. № 4. С. 82–86.
- Коновалов В.Н., Лещин А.Ю. (2004) Исламизм как проявление глобального феномена. *Кавказский регион: пути стабилизации. Доклады международной научной конференции*. Отв. ред. Ю.Г. Волков. РГУ, Ростов-на-Дону. С. 207–214.
- Куропятник А.И., Куропятник М.С. (2018) Интеркультурализм: постмультикультурный дискурс социальной интеграции. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. Т. 18. № 2. С. 250–261. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-250-261
- Лёвхейм М. (2020) Медиатизация религии: критическая оценка. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. № 2(38). С. 76–97. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-76-97>
- Паин Э. (2002) Социальная природа экстремизма и терроризма. *Общественные науки и современность*. № 4. С. 113–124.
- Пронина Т.С. (2020) Миграция в современной России и религиозный фактор. *Вестник Ленинградского университета им. А.С. Пушкина*. № 3. С. 225–240.
- Пронина Т.С. (2021) «Параллельные общества» и поворот к мягкой ассимиляции. *Современная Европа*. № 1. С. 151–160. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope12021151160>
- Руа О. (2017) Глобализированный ислам: в поисках новой уммы. *Islamology*. Т. 7. № 1. С. 12–40.
- Appadurai A. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Univ. of Minnesota Press, Minneapolis, USA. 248 p.
- Appadurai A. (2000). Grassroots Globalization and the Research Imagination. *Public Culture*. Vol. 12. Issue 1. P. 1–19.
- Appadurai A (ed.) (2001) *Globalization*. Duke University Press, Durham, UK. 288 p.
- Borradori G. (2003) *Philosophy in a Time of Terror. Dialogues with Jurgen Habermas and Jacques Derrida*. Chicago University Press, Chicago, USA. 224 p.
- Habermas J. (1997) *Solidarietà tra estranei*. Guerini e Associati, Milano, Italy. 150 p.
- Pace E., Da Silva Moreira A. (2018) Introduction – Religious Diversity in a Global Religious Field. *Religions*. Vol. 9. Issue 4. DOI: <https://doi.org/10.3390/re19040095>
- Robertson R. (1992) *Globalization: Social Theory and Global Culture*. Sage, London, UK. 224 p.
- Roy O., Amghar S. (2006) L’Islam de la France. Entretien avec Olivier Roy, éalisé par Samir Amghar. *Confluences Méditerranée*. No. 57. P. 49–55.
- Spena M.R. (2011) Muslims in Italy: models of integration and new citizenship. *Muslims in 21st Century Europe. Structural and cultural perspectives*. Ed. by A. Triandafyllidou. Routledge, London, UK. P. 160–180.
- Waters M. (2000) *Globalization*. Routledge, London, UK. 268 p.

Migration and Islamic Fundamentalism in the Context of Discourse of Postmodernism¹

T. Pronina*

*Doctor of Sciences (Philosophy)
Senior Researcher, Center for Religious and Ethnopolitical Studies
Leningrad State University Pushkin
10, Street, Petersburg highway, St. Petersburg, Russia, 196605
E-mail: tania_pronina@mail.ru

E. Talalaeva**

*Candidate of Sciences (Philosophy)
Lecturer in the Department of Philosophy, Leningrad State University Pushkin;
Department of Theology, Derzhavin Tambov State University
10, Street, Petersburg highway, St. Petersburg, Russia, 196605
**E-mail: kater--ina@mail.ru*

Abstract. The article analyses the reasons for the choice of radical Islam by young Muslims in the European countries. Islam became a Western religion as a result of the migration of millions of Muslims. The authors provide a number of indications of the formation of a new global religious system. The new religious cross-border communities constitute a globalised network. Their dynamic nature and partial virtualisation of their activities weaken the state control. The activities of “parallel societies” are associated with Muslim immigrants. Their parallel system of leadership and law creates real competition for the state governance structures. The fundamentalist version of Islam becomes attractive to Muslims who have endured its de-territorialisation. Their religious identity is formed under the influence of new interactions, media resources and participation in a global network of like-minded people. Islamic fundamentalism does not naturally emerge from Islam. This is the result of the secularisation of Islam, when the priority of politics over religion uses the latter as a resource for legitimising its social and political protest. It is also a reaction to the search for an identity that is relevant in a new environment. The attitudes inherent in fundamentalism, such as distrust of the values of European civilisation, the call for radical measures in their denial, the construction of a private version of the tradition and its idealisation, are based on modern problems. This represents fundamentalism as a postmodern phenomenon.

Key words: Islam, Fundamentalism and Postmodernism, Migration, de-territorialisation of Religions, Identity Construction, Assimilation Policy Crisis

DOI: 10.31857/S0201708323030130

EDN: btsafi

¹ The study was funded by a grant Russian Science Foundation No 23-28-00374 «Religion as a factor of adaptation and integration of (im)migrants: on the example of the countries of the Baltic region». <https://rscf.ru/en/project/23-28-00374/>

REFERENCES

- Alekseev I.L. (2006) Islamskij fundamentalizm [Islamic fundamentalism], in Zabiyaiko A.P., Krasnikova A.N., Elbakyan E.S. (ed.) *Religiovedenie. Jenciklopedicheskij slovar'*. [Religious studies. Encyclopedic Dictionary]. Akademicheskii proekt, Moscow, Russia, pp. 425–426. (In Russian).
- Appadurai A. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*, Univ. of Minnesota Press, Minneapolis, USA.
- Appadurai A. (2000) Grassroots Globalization and the Research Imagination, *Public Culture*, 12(1), pp. 1–19.
- Appadurai A (ed.) (2001) *Globalization*, Duke University Press, Durham, UK.
- Borradori G. (2003) *Philosophy in a Time of Terror. Dialogues with Jurgen Habermas and Jacques Derrida*, Chicago University Press, Chicago, USA.
- Gadzhiev K.S. (2015) Fundamentalism in the field of intersection of Western and Islamic values [Fundamentalism in the field of intersection of Western and Islamic values], *Vlast'*, 3, pp. 5–13. (In Russian).
- Habermas J. (1997) *Solidarietà tra estranei*, Guerini e Associati, Milano, Italy.
- Karamjan S.G. (2007) Islamskij fundamentalizm: teorija i praktika [Islamic Fundamentalism: Theory and Practice], *Vlast'*, 4, pp. 82–86. (In Russian).
- Konovalov V.N., Leshhin A.Ju. (2004) Islamizm kak projavlenie global'nogo fenomena [Islamism as a manifestation of a global phenomenon], *Kavkazskij region: puti stabilizacii. Doklady mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*, RGU, Rostov-na-Donu, Russia, pp. 207–214. (In Russian).
- Kuropjatnik A.I., Kuropjatnik M.S. (2018) Interkul'turalizm: postmul'tikul'turnyj diskurs social'noj integracii [Interculturalism: post-multicultural discourse of social integration], *RUDN Journal of Sociology*, 18(2), pp. 250–261. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-250-261 (In Russian).
- Lövheim M. (2020) Mediatisation of Religion: A Critical Appraisal, *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 38(2), pp. 76–97. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-76-97> (In Russian).
- Pace E., Da Silva Moreira A. (2018) Introduction – Religious Diversity in a Global Religious Field, *Religions*, 9(4). DOI: <https://doi.org/10.3390/rel9040095>
- Pain Je. (2002) Social'naja priroda jekstremizma i terrorizma [The social nature of extremism and terrorism], *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, 4, pp. 113–124. (In Russian).
- Pronina, T.S. (2020) Migratsiya v sovremennoi Rossii i religioznyj faktor [Migration in modern Russia and the religious factor], *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*, 3, pp. 225–240. (In Russian).
- Pronina T.S. (2021) «Parallelnye obshhestva» i povorot k mjagkoj assimiljacii [“Parallel Societies” and a Turn Towards Soft Assimilation], *Sovremennaya Evropa*, 1, pp. 151–160. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope12021151160> (In Russian).
- Roy O. (2017) Globalized Islam: the Search for New Umman, *Islamology*. 7(1), pp. 12–40. (In Russian).
- Roy O., Amghar S. (2006) L'Islam de la France. Entretien avec Olivier Roy, éalisé par Samir Amghar, *Confluences Méditerranée*, 57, pp. 49–55.
- Robertson R. (1992) *Globalization: Social Theory and Global Culture*, Sage, London, UK.
- Spena M. R. (2011) Muslims in Italy: models of integration and new citizenship, in Triandafyllidou A. (ed) *Muslims in 21st Century Europe. Structural and cultural perspectives*, Routledge, London, UK, pp. 160–180.
- Waters M. (2000) *Globalization*, Routledge, London, UK.

УДК 327

ЕВРОПЕЙЦЫ В ЯПОНИИ: ОТ ТОРГОВЛИ К ЗНАНИЯМ

© 2023 **НОСОВ Михаил Григорьевич***

Член-корреспондент РАН

Институт Европы РАН. 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3

**E-mail: mikhailnosov@mail.ru*

Поступила в редакцию 18.12.2022

После доработки 21.02.2023

Принята к публикации 12.04.2023

Аннотация. Торговые фактории голландцев существовали в Хирадо, а затем в Дэсима на севере-западе острова Кюсю с 1609 г. по 1855 г. Этот период условно можно разделить на две части. В XVII в. и в начале XVIII в. отношения японцев и голландцев отличались взаимной заинтересованностью в торговле и готовностью последних беспрекословно подчиняться жестким правилам пребывания в Японии. Вторая половина характеризуется снижением объемов торговли и ростом взаимного интереса. Объем торговли начал снижаться после того, как сёгунат в 1668 г. запретил экспорт золота и серебра. Несмотря на то, что вывоз меди компенсировал эти убытки, в 1743 г. торговля перестала быть прибыльной. В 1799 г. Голландская Ост-индская компания (VOC) перестала существовать. Это было связано как с потерей рынков в Персии, Индии и Европе, так и с ростом конкуренции с Англией и Францией в борьбе за колониальные рынки. Другая причина банкротства компании – управленческие ошибки руководства: VOC выплачивала дивиденды акционерам в Нидерландах, превышающие ее доходы. Несмотря на экономические потери, обе стороны не спешили прекращать отношения. Для Японии Дэсима оставалась окном в Европу, через которое они получали знания о внешнем мире, о его научных и технических достижениях. Нидерланды, сохраняя факторию в Японии, исходили не только из стремления поддержать статус глобальной империи, но и возможности изучить уникальный интеллектуальный и культурный потенциал японцев. Появление в Японии квалифицированных переводчиков с голландского языка совпало с возникновением интереса у сёгуната к развитию науки, что открыло для страны источник знаний и привело к

возникновению новой отрасли науки – рангаку, которая в переводе означает голландская наука.

Ключевые слова: Европа, голландцы, Нидерланды, Япония, Токугава, рангаку, торговля

DOI: 10.31857/S0201708323030142

EDN: bugbzo

В июне 1636 г. была введена смертная казнь для японцев, пытавшихся покинуть страну, а португальцев из Японии изгнали. Через год голландцам запретили свободное передвижение. В 1639 г. страна была окончательно закрыта для иностранцев за исключением голландцев и китайцев, сохранивших свои торговые фактории в Нагасаки.

Почти полная изоляция страны от внешнего мира привела к развитию внутреннего производства и торговли. В Японии существовала хорошо действующая система товарно-денежных отношений, функционировали до сих пор существующие торгово-промышленные дома (например, Сумитомо и Мицуи)¹, купеческие гильдии и мануфактуры. Немаловажным фактором развития страны был высокий уровень грамотности населения². Япония обладала сильной централизованной властью и самобытной культурой. После битвы при Сэкигахаре в 1600 г., когда к власти пришел сёгунат Токугава, до его падения в 1868 г. страна не знала войн. Главное последствие изоляции Японии – жесткая ограничительная политика в отношении европейцев. Она уберегла страну от судьбы подавляющего большинства стран Азии, Африки и Латинской Америки, ставших колониями европейских стран³.

Однако у изоляции страны были недостатки. Если в Европе накопление и распространение знаний имело широкое поле для обмена идеями между странами, то для Японии приток достижений европейской науки и культуры шел только через Нидерланды и крошечный остров Дзесима, где, сменяя друг друга, постоянно находились менее 20 голландцев.

Присутствие голландцев в Японии XVII в. отличалось выгодной для обеих сторон торговлей и достаточно суровым отношением японцев к европейцам, но с

¹ Основателями этих компаний были Сумитомо Масатома, открывший в 1630 г. в Киото магазин по продаже лекарств и книг, и Мицуи Такатоси, основавший в конце XVII в. в Эдо магазин по продаже тканей. Первый отказался от монашества в буддийском монастыре, а второй перестал быть самураем.

² Если в начале периода Токугава большинство населения не умело ни читать, ни писать, то благодаря созданию системы государственных и частных школ уровень грамотности в Японии в середине XIX в. был сопоставим с показателями европейских стран.

³ В Африке этой участи избежала Либерия, которая находилась под контролем США. В Азии кроме Японии независимость сохранили Афганистан, Непал, Персия и Китай, вынужденный уступить часть своих территорий колониальным державам. Северная Америка целиком принадлежала Англии и Испании, а Южная – Испании, Португалии, Нидерландам и Франции.

начала XVIII в. режим пребывания последних был значительно смягчен. Правивший с 1716 по 1745 гг. сёгун Ёсимунэ Токугава (1684–1751), осознавая отставание изолированной страны, в 1720 г. разрешил ввоз европейских книг. Однако официальные японские переводчики, чьи знания ограничивались устным общением с голландцами, имели весьма скудный запас слов и практически не знали грамматику голландского языка. Во многом это было результатом политики сёгуната, ограничивающей общение японцев и голландцев¹. Ёсимунэ принял решение сотрудничать с японскими учеными, проявляющими интерес к голландским книгам. Стимулом стало знакомство сёгуна с последними. Точность иллюстраций анатомических атласов произвела на него впечатление и вызвала интерес к тексту медицинских книг. Сёгун стал покровителем школы изучения научных достижений голландцев. По его приказу в Нагасаки отправили молодых японцев для общения с голландцами на Дэсимае и изучения языка и письменного перевода. Развитие науки требовало переводчиков – «почтовых лошадей просвещения» [Пушкин, 1978: 354].

Страхи сёгуната относительно опасного влияния католицизма развеяли осторожность и покорность голландцев. Режим жизни европейцев был смягчен, и общение голландцев и японцев стало более оживленным. С середины XVII в. в Японии начали появляться переводы голландских книг. Изучение научных достижений Европы, как отрасль науки, получило название голландоведение – рангаку (от «орандо» – Голландия и «гаку» – наука). Японцы в первую очередь интересовались научными достижениями в медицине, поскольку сёгуны были озабочены своим долголетием.

Рангаку – голландская наука

Распространение европейских знаний зависело от знаний голландского языка. Была существенная разница между официальными переводчиками Дэсимы, чья работа ограничивалась устным переводом по торговой тематике, и японцами, которые стремились познать достижения и секреты европейской науки. По словам врача Сугита Гэнпаку (1733–1817), стремящегося изучить голландские достижения в медицине, весной 1767 г. во время встречи с голландцами в Эдо, главный японский переводчик убеждал его, что голландский язык невозможно понять, а тем более выучить. Во время встречи в следующем году Сугита увидел у переводчика голландскую книгу по анатомии и выпросил ее на несколько дней. Читать он не мог, но ему удалось скопировать все гравюры с изображениями внутренностей организма человека. Это был анатомический атлас немецкого врача Л. Хейстера (1683–1758). Иллюстрации настолько поразили Сугиту, что он упросил своего даймё дать деньги на покупку голландских книг по медицине [Theodore de Bary, 2005: 502].

¹ Португальцы – предшественники голландцев в общении с японцами – успели создать достаточную для повседневного общения прослойку людей, владеющих португальским языком. Для японцев были открыты школы по изучению языка, многие португальцы освоили японский язык. Португальский язык для голландцев в начале их пребывания в Японии был единственным средством общения с японцами.

Изучение голландской науки было связано в первую очередь с медициной и астрономией. Сложность изучения европейской медицины была связана не только с отсутствием названий некоторых органов в японском языке, но и с принятыми в Японии китайскими медицинскими догмами. Согласно китайской трактовке, здоровье человека зависит от чисел и символов и определяется как взаимодействие между инь и янь – противостоящими друг другу началами. Европейцы рассматривали организм человека как единое целое, где каждый орган имеет свою функцию.

В 1771 г. Сугита и его коллеги присутствовали при вскрытии трупа казненной женщины. Они тщательно сравнивали увиденное с иллюстрациями в голландской книге по анатомии А. Кулмуса. Через три года она была переведена под заголовком «Новый текст по анатомии» (Кайтай синсо) и состояла из четырех томов, хотя в начале работы переводчики знали только несколько голландских слов, обозначающих основные внутренние органы человека. Книга была издана в переводе с японского на классический литературный китайский язык (камбун).

Описывая трудности, связанные с переводом, Сугита писал, что «однажды мы прочли, что нос на голландском означает *“verhevene”* (возвышение). Мы долго раздумывали, чтобы это могло значить, однако в голову ничего не приходило. Настоящего словаря у нас не было, а в тоненьком разговорнике, купленном в Эдо, мы прочли, что когда обрубает сук на дереве, то остается *“verhevene”*. Далее было написано, что когда подметают двор, то на земле остается *“verhevene”* из пыли и грязи. Мы пытались сопоставить то и другое, но ничего не получалось. Неожиданно мне пришлось в голову, что, когда мы отрубаем ветку от дерева, она торчит вверх, когда мы собираем пыль и грязь на дворе, она собирается в бугорок. Нос на лице выглядит как бугорок посередине лица, поэтому слово *“verhevene”* возможно означает “торчит”. Мои товарищи согласились со мной, и фраза сразу обрела смысл. Мы были несказанно рады и чувствовали, как говорилось в старой китайской поговорке, что “нашли драгоценный камень ценой в пятнадцать замков”. Вот так мы находили японские эквиваленты голландским словам, расширяя наш словарный запас и пополняя словарь, который составлял переводчик Маэно Рётаку (1723–1803)» [Sugita, 1969: 28–29]. Перевод атласа А. Кулмуса – отправной момент в распространении западной медицины в Японии. Как позже писал Сугита в своих воспоминаниях, «когда одна собака начинает лаять, вся улица воет на луну» [Sugita, 1969: 44].

Появление в Японии европейской медицины способствовало успехам в лечении многих болезней. В середине XVIII в. самым распространенным эпидемическим заболеванием в мире была оспа. В Японии эпидемии этой болезни повторялись примерно раз в десять лет, а уровень смертности составлял от 40 до 65 процентов. В 1796 г. английский врач Э. Дженнер создал вакцину против оспы. В Нидерландах вакцинация началась в 1799 г. Попытки голландцев использовать вакцину Э. Дженнера в Японии и на Яве оказались неудачными, поскольку было невозможно при доставке из Европы сохранить ее лечебные свойства¹. Только в 1849 г.

¹ В Японии первые попытки вакцинации были сделаны Накагава Городзи, рыбаком, попавшим в Россию в 1807 г. В 1824 г. он вернулся в Японию и привез на Хоккайдо так называ-

немец Отто Монике (1814–1887) и рангакуся Нарабаяси Сокен (1802–1852) начали делать в Нагасаки прививки от оспы вакцинной, привезенной из Джакарты. Это положило начало массовой вакцинации в Японии, т. к. вместе с вакциной японцы получили метод ее изготовления.

Посольства в Эдо

Распространению голландской науки способствовали регулярные посольства руководства фактории в Эдо для демонстрации лояльности. После того как первый директор фактории Ж. Спекс в сентябре 1609 г. прибыл в Японию и из рук сёгуна получил грамоту, разрешавшую голландским кораблям заходить в любые порты страны, была достигнута договоренность о ежегодных визитах ко двору. Однако первый визит состоялся только в 1633 г., поскольку попытки голландцев установить межгосударственные дипломатические отношения оказались неуспешными. Японцы, убедившись, что голландцы не стремятся обращать их в христианство, были готовы торговать, но не хотели признавать равенство государств. Фактически руководителя голландской фактории приравняли к даймё (губернатору) провинции, в чьи обязанности входило ежегодное посещение Эдо. Оно символизировало покорность и преданность сёгуну¹. Голландцы демонстрировали готовность подчиняться всем указаниям и ограничениям. После 1764 г. посольства направлялись один раз в два года, а с 1790 г. – в четыре года. Подарки отправлялись ежегодно. До 1853 г. Эдо посетило 167 голландских посольств [Joby, 2021: 27].

Несмотря на протокольный характер, путешествие в Эдо через всю Японию давало возможность голландцам получить сведения о стране, а японцы могли увидеть европейцев и познакомиться с ними. В представлении многих жителей Японии последние были скорее демонами, чем людьми.

Подготовка визитов занимала много времени и стоила достаточно дорого. Она начиналась с выбора подарков и согласования их с губернатором провинции Нагасаки, чья власть распространялась сначала на Хирадо, а затем на Дэсиму. По оценке Э. Кемпфера, посольство 1692 г. обошлось компании в 4000 фунтов стерлингов, что в то время было достаточно большой суммой. На подарки сёгуну и чиновникам в Эдо уходила почти половина суммы, затраченной на подготовку [Kaempfer, 1906: 359]. «Самые изысканные диковинки природы и искусства покупались и привозились для ежегодных подарков сёгуну, его советникам и чиновникам высокого ранга в

емую Оспенную книгу с описанием методики прививок, изданную в Москве в 1805 г. Городзи успешно делал прививки на Хоккайдо.

¹ В отношении даймё в сёгунате действовали правила «Санкин котай» (поочередное прибытие на службу), что, по сути, было системой заложенничества, при которой его семья должна жить в столице, а он был обязан посещать Эдо в соответствии с существовавшим расписанием. При этом численность свиты, сопровождающей даймё, зависела от доходов. Численность сопровождавших варьировалась от 4 до 20 всадников, от 20 до 130 пеших воинов, от 30 до 300 слуг и носильщиков. Пребывание даймё в Эдо длилось от 6 месяцев до года, а голландцы находились в столице от недели до месяца. Условия совершения поездки в Эдо определялось не только доходами даймё, но и оценкой его лояльности сёгунату.

Эдо, Мияко (Киото) и Осаке. Странные и редкие животные покупались в самых отдаленных королевствах Европы, в Персии и в Индии, чтобы иметь возможность удовлетворить их часто нелепые и причудливые прихоти. Они хотели получить от нас таких странных по цвету и форме животных, которых, возможно, никогда не существовало в природе, но они убеждали нас, что они видели их изображения» [Kaempfer, 1906: 278]. Китайцы, чей доход от торговли многократно превышал прибыль голландцев, были лишены этой привилегии¹.

Кавалькада двигалась пешком из Нагасаки в Кокуру на восточной оконечности Кюсю. Члены голландского посольства и высокопоставленные чиновники из Нагасаки ехали на лошадях или в паланкинах. Затем они плыли в Симоносеки, а оттуда шли снова пешком в Осаку и далее по дороге Токайдо в Эдо.

Путешествие 1691 г. с участием немецкого врача Э. Кемпфера началось 10 февраля. Дорога в Эдо и обратно занимала около трех месяцев. Длинная кавалькада, состояла из 3-4 голландцев и около 200 японцев. 19 февраля они пришли в Кокуру (Китакусю), через пролив Каммон между Кюсю и Хонсю переправились в Симоносеки, откуда по Внутреннему морю отправились в Осаку, куда прибыли 24 февраля. 28 февраля посольство продолжило путь в Мияко и 2 марта по дороге Токайдо в Эдо, куда посольство пришло 10 марта, преодолев 1484 километра.

По пути путники посетили 33 больших города, 75 меньших городов и бесчисленное количество деревень. Трех голландских послов всегда сопровождала многочисленная свита. По подсчетам врача посольства шведа К. Тунберга (1743–1828) в 1755 г. их сопровождали около 200 японских чиновников, переводчиков, охранников, поваров, носильщиков и слуг [Thunberg, 1905: 95]. В книге Ф. Зибольда, посетившего Эдо в 1826 г., только перечисление участников процессии и их должностей заняло три полные страницы [Siebold, 1841: 89–91].

Официальная процедура аудиенции была формальной и краткой. Японцы зачитывали директору фактории правила торговли и поведения голландцев. Далее следовал обмен любезностями и взаимными обещаниями соблюдать правила торговли. Что касается неофициальной части аудиенции, то в 1691 г., по словам Э. Кемпфера, она была «абсолютным фарсом». Император, сидевший за ширмой среди дам почти напротив голландцев, приблизился и сел рядом с ними. «Он приказал нам снять наши шляпы и плащи, которые являются нашей церемониальной одеждой, затем потребовал встать прямо, чтобы он мог видеть нас целиком, снова ходить, стоять на месте, говорить друг другу комплименты, танцевать, прыгать, изображать пьяницу, говорить на ломаном японском, читать по-голландски, рисовать, петь, надевать и снимать плащи» [Kaempfer, 1906: 93].

Церемония во дворце сёгуна напоминает сцену представления Гулливера в Бробдинггете, описанную Джонатаном Свифтом в книге «Приключения Гулливера». Работа Э. Кемпфера «Достопримечательности экзотических стран» (*Amoenita-*

¹ Отношение японцев к китайцам в Дэсима сильно отличалось. По отношению к китайцам японцы вели себя бесцеремонно, вплоть до применения к ним физических наказаний. К голландцам японцы относились с подчеркнутой вежливостью, хотя жители фактории назидательно приглашались на экзекуцию китайцев и провинившихся японцев.

tum Exoticarum) вышла на латыни в 1712 г. в Лемго, на родине автора. Возможно, Дж. Свифт, чьи «Путешествия Гулливера» были опубликованы в 1726 г., читал книгу немецкого ученого. По словам Гулливера, «я брал наперсток, наполненный вином, и выпивал за здоровье публики. Я выхватывал шпагу и размахивал ей, как это делают учителя фехтования в Англии. Конечно, было оскорбительно играть роль какой-то чудесной диковины, которую выставляют напоказ. Но я чувствовал себя совершенно чужим в этой стране и полагал, что в моем несчастье никто не вправе будет упрекнуть меня, если мне случится возвратиться в Англию. Даже сам король Великобритании, окажись он на моем месте, был бы вынужден покориться такому унижению» [Свифт, 2010: 114]. Э. Кемпфер оправдывал это тем, что выгоды от торговли «заставляли голландцев слепо и покорно подчиняться приказам, несмотря на их нелепость и абсурдность» [Kaempfer, 1906: 171].

Начиная с середины XVIII в., с одной стороны, процедура приема японского посольства стала более формальной, с другой – смягчился жесткий режим контроля над голландцами. Это создало условия для более широких контактов японцев с европейцами не только во время пребывания посольства в Эдо, но и долгого путешествия в столицу сёгуната.

Регулярные визиты голландцев в Эдо способствовали получению знаний друг о друге и расширяли горизонты рангаку. Всегда участвовавший в посольстве врач мог встречаться с японскими врачами. К. Тунберг, посетивший Эдо в 1775 г., тепло вспоминал об этих встречах. «Перед отъездом мои ученики попросили выдать им аттестат, в котором были бы приведены данные о тех заданиях, которые я им давал, и успехи, которых они достигли. Поэтому я дал им написанный на голландском языке диплом, что вызвало у них такую огромную радость и гордость, поскольку каждый из молодых докторов мог теперь примерить мантию и шапку доктора. Мне посчастливилось завоевать их любовь и дружбу настолько, что они не только высоко ценили мои знания и мою доброту в передаче им этих знаний, но и любили меня до глубины души и искренне сожалели о моем отъезде. После возвращения я в течение нескольких лет не только поддерживал переписку с ними и моими друзьями из числа переводчиков, но и посылал им небольшие подарки, получая в ответ семена для ботанического сада в Упсале и образцы для коллекции по истории естествознания» [Thunberg, 2005: 206].

Голландцы получили возможность познакомиться с жизнью японцев и экономическими успехами страны. В 1826 г. Ф. Зибольд встретился с хозяином магазинов шелка Этигоя. По словам торговца, клиент мог вернуть шелк или обменять его в любом из многих магазинов Этигоя по всей Японии. Все продажи шли по наличному расчету и фиксированной цене, а при покупке шелка можно было заказать пошив кимоно. Ф. Зибольда поразили масштаб торговли и финансовые возможности торгового дома. На следующий день после встречи торговый дом и все его склады в Эдо сгорели, но уже на следующий день торговля возобновилась, а хозяин прислал голландцам, пострадавшим от того же пожара, своих работников для помощи [Siebold, 1841: 116]. Ф. Зибольд встретился с одним из основателей будущего крупного торгового дома современной Японии Мицуи, которому в то время принадлежали лавки Этигоя по всей стране.

Голландцы и японцы друг о друге

Представления голландцев и японцев друг о друге формировались под влиянием ряда условий. Выразителями впечатлений о японцах в силу сложившихся обстоятельств была малочисленная группа голландцев. За пределами Нагасаки мнение японцев о голландцах складывалось почти при полном отсутствии общения. Нехватка коммуникации порождала легенды, слухи и страхи перед иноземцами.

Немногие европейцы, имевшие возможность общаться с японцами, имели талант и интерес к изложению своих впечатлений. Среди них следует отметить тех, чьи подробные и достаточно точные описания Японии дошли до нашего времени. Прежде всего, это глава фактории в Дэсима голландец И. Титцинг (1745–1812) и врачи фактории: немцы Э. Кемпфер (1615–1716), Ф. Зибольд (1796–1866) и швед К. Тунберг (1743–1828). Кроме интереса к Японии и авторства книг об этой стране, их объединяет пребывание в Дэсима, участие в визитах в Эдо и почти полное незнание японского языка.

Первым посетил Японию в 1690–1692 гг. Э. Кемпфер, автор трехтомника «История Японии» и «Достопримечательности экзотических стран». Рукопись первой была куплена английским коллекционером и меценатом сэром Гансом Слоаном (1660–1753), переведена на английский и издана в 1727 г. в Лондоне. О масштабе исследования говорит обложка первого издания книги. «История Японии предлагает обзор древнего и настоящего состояния государства, и правительства империи; ее храмов, дворцов, замков и других зданий; ее металлов, минералов, деревьев, растений, животных, птиц и рыб; хронологию императоров духовных и светских; их происхождения, религии, обычаев, местного производства, торговли с голландцами и китайцами. Книга написана на верхненемецком языке Энгельбертом Кемпфером, врачом голландского посольства при дворе императора, и переведена с никогда не публиковавшейся рукописи Иоганном Каспаром Шойхцером» [Kaempfer, 1906].

Даже сегодня объем информации, использованной автором для создания исторической хроники, удивляет. Она, как и значительная часть географических сведений, взята из книг португальских авторов, напечатанных в Лиссабоне, Мадриде и Париже. Список многочисленных европейских книг о Японии приведен в предисловии переводчика книги Э. Кемпфера и занимает сорок страниц. Однако наибольший интерес для читателя представляют собственные наблюдения автора. По словам Э. Кемпфера, большую помощь в написании книги ему оказал слуга-японец, которого врач обучал голландскому языку, медицине и астрономии. Он доплачивал ему и поэтому имел возможность покупать необходимые для работы произведения.

История Японии содержит точные наблюдения автора, отражающие живую картину жизни страны и общества в XVII в. Несмотря на строгости и унижения, Э. Кемпфер с большим теплом пишет о японцах, с которыми ему приходилось общаться во время путешествия в Эдо. «Я должен признаться, что, когда мы посещали или принимали гостей во время нашего путешествия, мы обнаружили все то же, что можно было ожидать от любой цивилизованной нации. Поведение японцев, от самого захудалого крестьянина до высочайшего принца или даймё, таково, что всю

империю можно назвать школой вежливости и хороших манер. В них столько чувства врожденной любознательности, что, если им не было бы категорически отказано в свободном и открытом общении и переписке с иностранцами, они бы приняли их с величайшей доброжелательностью и удовольствием» [Kaempfer, 1906: 357]¹.

Образованные европейцы, служившие в Дэсима в период с 1609 по 1853 гг., сумели по достоинству оценить японцев и их культуру. Среди тех, кто внес большой вклад в изучение Японии и активно содействовал развитию сотрудничества между учеными двух стран, следует отметить голландского врача И. Титцинга, занимавшего пост главы фактории в 1779–1784 гг. В 1820 г. в Париже вышла книга «История правящей династии сёгунов – государей Японии в воспоминаниях и рассказах». Она содержит подробную историю сёгуната Токугава, от правления первого сёгуна Иэясу и до начала правления одиннадцатого сёгуна Иэнари, и описание праздников и церемоний [Titsingh, 1822]. Вернувшись в Нидерланды, И. Титцинг продолжал переписку с переводчиками и рангакуся.

Шведский врач и натуралист К. Тунберг, ученик знаменитого биолога К. Линнея, пробыл в Японии с 1775 по 1776 г., но за это короткое время сумел установить тесные связи с японскими врачами-рангакуся, многое узнал о популярном в Японии иглоукалывании и прижигании моксой, помог японцам успешно лечить сифилис, который они называли голландской болезнью. В 1825 г. ему поставили памятник в Нагасаки. К. Тунберг собрал коллекцию из 800 японских растений, из которых девять носят его имя. Она хранится в Упсальском университете. В 1784 г. вышла его книга «Флора Японии», а в 1795 г. в Лондоне – четырехтомник с описанием путешествий К. Тунберга с 1770 по 1779 гг. по Европе, Азии и Африке. Третий том целиком посвящен Японии [Thunberg, 2005].

В отличие от предшественников, пытавшихся представить читателю историю Японии, К. Тунберг ограничивает повествование дневниковыми записями со дня отплытия из Батавии 20 июня 1775 г. до 30 июня 1776 г., когда он вернулся в Нагасаки после визита в Эдо. Дневник завершается кратким описанием быта, языка и характера японцев. В книги приведены постраничный индекс географических мест, упоминаемых в тексте, названия растений, животных, минералов и предметов быта. В конце текста К. Тунберг приводит краткий словарь японского языка.

Ценность книги состоит в непредвзятой оценке. К. Тунберг восхищался трудолюбием и интересом к науке молодых японцев, с которыми он встречался в Эдо. В то же время он считал, что «главным недостатком этого народа является гордыня. Они верят, что им даровано божественное происхождение от небес, солнца и луны. Они считают себя лучше других, что относится и к европейцам. Какая бы обида не была нанесена японцам, она никогда не позволит уязвить их гордость» [Thunberg, 2005: 260]. Оценивая отношения между голландцами и японцами, К. Тунберг писал, что «спесь, которую неосмотрительно демонстрируют не слишком далекие голландцы, их грубое поведение, презрительные взгляды и насмешки вызывают у японцев лишь ненависть. Она становится только сильнее, когда они видят отношения голландцев между собой,

¹ Э. Кемпфер в своей книге шесть раз упоминает вежливость и хорошие манеры японцев.

их жестокое отношение к матросам, их ругань и удары, которыми они осыпают бедняг» [Thunberg, 2005: 29].

Заметный след в отношениях между Европой и Японией в XVIII в. оставил немецкий врач и натуралист Ф. Зибольд, находившийся в стране с 1823 по 1829 гг. и с 1859 по 1862 гг. Он совмещал профессии врача и ботаника. Во время своего первого пребывания в Японии он получил разрешение на медицинскую практику за пределами Нагасаки и в 1824 г. открыл медицинскую школу в пригороде города – Нарутаки-дзюку, где занималось около 50 молодых японцев. С их помощью начала формироваться коллекция японских раритетов и образцов флоры и фауны. В июле 1827 г. коллекция в 89 ящиках была погружена на голландский корабль в Батавию. Шторм повредил судно и выбросил его на берег. Проводившие осмотр корабля японцы обнаружили в одном из ящиков географические карты, считавшиеся в Японии секретными. Карты были конфискованы, а Ф. Зибольд был отправлен под домашний арест. Его освободили и выслали из Японии без права возвращения только в 1829 г. В Нагасаки осталась его двухлетняя дочь от японки, спустя много лет ставшая первой женщиной-врачом в Японии и при императорском дворе в Токио.

В Лейдене были опубликованы такие книги Ф. Зибольда, как «Фауна Японии» в семи томах (1833–1850) и «Флора Японии» (1835). В 1841 г. в Лондоне издан труд «Манеры и обычаи японцев в XIX веке», первые 6 глав которого – это дневник пребывания в Дэсима и Эдо, а остальные 9 глав посвящены политическому, социальному и экономическому устройству Японии, ее истории, обычаям, религии, искусству, литературе, отношениям США, России и Китая.

С начала периода Токугава в 1603 г. и до фактического «открытия» страны в марте 1854 г. японцы попадали в Европу, а точнее в Санкт-Петербург, всего несколько раз и не по своей воле, после того как японские корабли терпели крушения у берегов Камчатки. Таким образом, сложно говорить о формировании образа европейцев и Европы.

Отношения с японцами, имевшими доступ на Дэсиму, были достаточно напряженными, поскольку им в силу политики государства были запрещены дружеские отношения с голландцами. По словам Э. Кемпфера, «ни один японец, замеченный в отношениях или дружбе с голландцами, не может считаться честным человеком и истинным патриотом своей страны. Эта максима основывается на следующем принципе: проявление какой-либо благосклонности к иностранцам абсолютно противоречит интересам страны, воле их государя, а также данной ими присяге, высшей воле богов и велениям совести» [Kaempfer, 1906: 173].

На Дэсима, где состав фактории, как правило, менялся раз в год, одновременно проживало от 12 до 20 европейцев, которые крайне редко выходили за пределы тщательно охраняемого острова. Это позволяет говорить, что круг общения европейцев и японцев в основном ограничивался переводчиками, обслугой, охраной и чиновниками, имевшими право находиться на Дэсима, и проститутками. За пределами Нагасаки японцы могли видеть 3–4 европейцев, направляющихся с посольством в Эдо в сопровождении многочисленного японского эскорта. Итогом редкого общения стали многочисленные легенды и слухи. Для японца голландец стал символом чужеземного и поэтому непривычного, а иногда и пугающего.

Приверженец национальной японской науки – кокугаку – Хирата Ацутанэ (1776–1843) проявлял большой интерес к голландской науке. Однако он утверждал, что «японцы не только не похожи на китайцев, индийцев, русских, голландцев, сиамцев, камбоджийцев и все другие народы, но и намного превосходят их». По его словам, «голландцы – народ, усердно изучающий науки, осуществивший глубокие исследования в самых разнообразных областях. Они весьма преуспели в медицине, так же как в астрономии и географии». Однако он не мог себе позволить поставить их на один уровень с японцами. «Глаза у них точь-в-точь собачьи. Поскольку у них нет пяток, они привязывают деревянные пятки к туфлям, что делает их похожими на собак... возможно, поэтому они похотливы как собаки. Это вместе с пьянством укорачивает их жизнь» [Jansen, 2000: 209]. Высоко оценивая европейскую медицину, он признавал ее преимущества по сравнению с китайской и японской, но объяснял это тем, что в древней Японии не было потребности в развитии медицины, поскольку до вступления в контакты с Китаем и другими странами японцы не страдали от серьезных заболеваний [Keen, 1969: 171].

Подобным легендам пытался противостоять один из первых рангакуся Оцуки Гентаку (1757–1827), написавший книгу «Заблуждения относительно голландцев», содержащую разоблачение бытовавших представлений о европейцах. По его словам, «из-за того, что голландцы не похожи на нас, вовсе не следует, будто они похожи на животных. Все мы порождение одного творца» [Otsuki, 1952: 75]. Тем, кто считал иностранцев животными, но спрашивал, почему они могут создавать множество замечательных вещей, философ и экономист Хонда Тосиаки (1744–1821) ответил, что «животные иногда бывают удивительно искусными» [Keen, 1969: 165].

Заключение

Португальское, а затем голландское присутствие в Японии началось в XVI в., и продолжалось до середины XIX в. Для Европы это было время, когда географические открытия XIV в. создали условия для строительства европейских колониальных империй, получивших контроль над большей частью мира. Одной из немногих стран, «открытых Европой» и не ставших жертвой ее колониальной политики, была Япония. Причины этого – создание в стране в начале XVII в. централизованного государства, сумевшего поставить под жесточайший контроль пребывание европейцев в стране, и максимальная изоляция Японии от внешнего мира.

Отношения голландцев с японцами весь период их пребывания в стране строились на строгих правилах, введенных сёгуном, территориально ограничивавших пребывание европейцев в фактории Дэсима. Если в отношении китайцев, чья торговля во много раз превышала торговлю с Нидерландами, применялись телесные наказания, то в отношении голландцев максимальным наказанием за нарушение пребывания в Японии был штраф или высылка.

Япония была вынуждена отказаться от изоляции, после того как у ее берегов появились корабли коммодора У. Перри и в 1854–1858 гг. были подписаны так

называемые Ансэйские договоры¹ между Японией и западными странами под давлением военной угрозы. Эти соглашения получили название «неравноправные», поскольку иностранцы получали право экстерриториальности и в отношении их товаров вводились льготные пошлины. Договор между Нидерландами и Японией был подписан в 1856 г. последним руководителем фактории на Дэсима Я. Куртисом (1813–1879). В соответствии с Договором о мире и дружбе, стороны устанавливали дипломатические отношения, однако парламент Нидерландов выразил недовольство отсутствием пунктов о торговых правах и о разрешении для голландцев исповедовать христианство, находясь в Японии. В 1857 г. это было добавлено в договор. Я. Куртис стал первым консулом посольства.

Характерное для Японии заимствование чужих культур сначала Китая, а затем Европы существенно замедлилось в силу закрытия страны, однако японцы, сохранив торговые отношения с Нидерландами, смогли создать условия для изучения достижений европейской науки и культуры. Немногие связи с внешним миром, которые сёгунат позволил сохранить, во многом способствовали развитию японской экономики, культуры и политической мысли.

Подводя итоги трех веков общения японцев с европейцами, можно сказать, что, несмотря на все те уступки, на которые Япония была вынуждена пойти под неприкрытым военным давлением США и стран Европы, она сумела избежать политической и экономической зависимости от колониальных империй. Итогом периода Бакумацу (конец эпохи Токугава), который начался в 1850-е гг., стала реставрация Мейдзи – время развития интенсивных контактов между Европой и Японией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Пушкин А.С. (1978) *Полное собрание сочинений. Т. 7. Критика и публицистика*. Ленинград, Наука. 543 с.
- Свифт Дж. (2010) *Путешествия Гулливера*. Мир книги, Москва. 400 с.
- Jansen M. (2000) *The Making of Modern Japan*. Harvard University Press, Cambridge, USA. 931 p.
- Joby Ch. (2021) *The Dutch Language in Japan 1600–1900*. Brill, Leiden, Netherlands. 494 p.
- Kaempfer E. (1906) *History of Japan (1690–1692). Vol. II*. J. MacLehose and sons, Glasgow, UK. 397 p.
- Keene D. (1969) *The Japanese discovery of Europe, 1720–1830*. Stanford University Press, Stanford, USA. 272 p.
- Otsuki G. (1952) Ransetsu Benwaki. *Occasional papers - Center for Japanese Studies*. No. 3. University of Michigan, Ann Arbor, USA. P. 71–99.
- Siebold F. (1841) *Manners and Customs of the Japanese in the XIX Century*. John Murray, London, UK. 423 p.
- Sugita G. (1969) *Dawn of Western Science in Japan*. Hokuseido Press, Tokyo, Japan. 74 p.
- Theodore de Bary W., Gluck C., Tiedemann A.E. (2005) *Sources of Japanese Tradition. Vol 2: 1600 to 2000*. Columbia University Press, N.Y., USA. 1448 p.
- Thunberg C. (2005) *Japan Extolled and Decried Carl Peter Thunberg and the Shogun's Realm, 1775–1796*. Routledge, London, UK. 319 p.
- Titsingh I. (1822) *Illustration of Japan*. R. Ackermann, London, UK. 325 p.

¹ Период Ансэй с 1854 по 1869 гг. назван по имени правления императора Комей.

Europeans in Japan: From Trade to Knowledge

M.G. Nosov*

Corresponding Member Russian Academy of Sciences

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

***E-mail:** mikhailnosov@mail.ru

Abstract. The Dutch trading posts, first at Hirado and later at Deshima in northwest Kyushu, existed from 1609 to 1855. These almost two and a half centuries can be roughly divided in two parts. In the XVII th and the beginning of the XVIII th century the relations between the Dutch and the Japanese were marked by the mutual interest in trade and by the readiness of the Dutch to unconditionally obey the strict rules of their presence in Japan. The second half of Dutch presence at Desima is characterized by decline of trade and increase of mutual interest. Trade began to decline after the Shogunate prohibited the export of gold and silver in 1668. In 1743 for the first time trade with Japan became unprofitable. In 1799 the Dutch East India Company (VOC) ceased to exist. This was due both to the loss of its markets in Persia, India, and Europe and to increased competition with England and France for colonial markets. Another reason for the company's bankruptcy was the managerial errors of its management – the company was paying dividends to shareholders in Holland that exceeded its profits. Despite the economic losses, both sides were in no hurry to end the relationship. For Japan, Deshima remained a small window to Europe, through which they learned about the outside world and its scientific and technological achievements. The emergence of qualified translators from the Dutch language in Japan coincided with the Shogunate's interest in the development of science, opened up a source of knowledge for the country and the emergence of a new branch of science, Rangaku, which means «Dutch science». The Netherlands, maintaining its trading post in Japan, proceeded not only from the desire to maintain its status as a global empire, but also got a chance to study and appreciate the rather unique intellectual and cultural potential of the Japanese, becoming a unique source of knowledge about this country for Europe. Last 15 years of Tokugawa period is called Bakumatsu (what means the «end of Tokugawa period»), which was followed by Meiji restoration, and development of intensive contacts between Europe and Japan.

Key words: Europe, Dutch, Netherlands, Japan, Tokugawa, Rangaku, trade

DOI: 10.31857/S0201708323030142

EDN: bugbzo

REFERENCES

- Jansen M. (2000) *The Making of Modern Japan*. Harvard University Press, Cambridge, USA.
Joby Ch. (2021) *The Dutch Language in Japan 1600–1900*, Brill, Leiden, Netherlands.
Kaempfer E. (1906) *History of Japan (1690–1692)*. Vol. II, J. MacLehose and sons, Glasgow, UK.

Keene D. (1996) *The Japanese discovery of Europe, 1720–1830*. Stanford University Press, Stanford, USA.

Otsuki G. (1952) Ransetsu Benwaki, *Occasional papers – Center for Japanese Studies*, 3, University of Michigan, Ann Arbor, USA, pp. 71–99.

Pushkin A.S. (1978) *Polnoe sobranie sochinenii. T. 7. Kritika i publitsistika* [Full composition of writings. Vol. 7. Criticism and journalism], Leningrad, Nauka, Russia. (In Russian).

Siebold F. (1841) *Manners and Customs of the Japanese in the XIX Century*. John Murray, London, UK.

Sugita G. (1969) *Dawn of Western Science in Japan*. Hokuseido Press, Tokyo, Japan.

Swift Dzh. (2010) *Puteshestviya Gullivera* [Gulliver's Travels], Mir knigi, Moscow, Russia. (In Russian).

Theodore de Bary W., Gluck C., Tiedemann A.E. (2005) *Sources of Japanese Tradition. Vol 2: 1600 to 2000*, Columbia University Press, N.Y., USA.

Thunberg C. (2005) *Japan Extolled and Decried Carl Peter Thunberg and the Shogun's Realm, 1775–1796*. Routledge, London, UK.

Titsingh I. (1822) *Illustration of Japan*. R. Ackermann, London, UK.

РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОЧИТАННОМ

УДК 327

**ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ ГЕОПОЛИТИКИ:
ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ**

© 2023 г. **НЕЙМАРК Марк Афроимович***

*Доктор исторических наук,
профессор кафедры политологии и политической философии
Дипломатической академии МИД России
119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, строение 1
E-mail: mark.neimark@mail.ru

Поступила в редакцию 19.01.2023

После доработки 28.03.2023

Принята к публикации 12.04.2023

Аннотация. В кардинально изменившемся мире геополитические издержки и ошибки в результате недооцененности или, наоборот, переоцененности все более нелинейно-гибридных процессов, противоречивых тенденций и спонтанных зачастую событий приобретают повышенную практико-политическую значимость. В этих условиях в центре исследовательского внимания не мог не оказаться только что опубликованный труд французских ученых и экспертов-международников под ярким и многозначимым названием «Мир никогда не будет прежним». В фокусе анализа – обостренно актуализированный контекст современной кризисной геополитики. Концептуально-аналитическую основу текста образуют обширные вводные и одновременно обобщающие разделы, систематизирующие два десятка глав на самые различные международные темы и проблемы. Они написаны соруководителями авторского коллектива, известными французскими политологами-международниками Бертраном Бади и Домиником Видалем. Во главе угла – новый подход, который предопределен не заранее, а создан на основе жизненной практики в результате и под воздействием исторических неожиданностей, непредвиденных и даже невообразимых ранее событий. Предпринята попытка рассмотреть проблематику будущего мирового порядка через призму великодержавных противоречий, противостояния различных ценностных ориентаций и моделей развития с форсированным акцентом на борьбу демократий и автократий. На примере США переосмыслено понятие мирового

господства. Книга отражает новые особенности экспертно-аналитической работы французских исследователей-международников. Авторы осознают, что конфронтационная острота кризисной ситуации на Украине и ее интернационализация в самых разнообразных гибридизированных формах резко «раскачали» более или менее устоявшийся баланс сил не только в европейском регионе, но и во всем глобальном пространстве. На карту поставлены оптимистические варианты нового мирового порядка. В отдельных разделах книги хаотизация мировой политики и международных отношений увязывается с «гипердержавностью» США, которая приближается к критической точке.

Ключевые слова: геополитика, стратегическая безопасность, новый мировой порядок, США, ЕС, Франция, Россия

DOI: 10.31857/S0201708323030154

EDN: bundbz

Мир претерпевает глобальный мегакризис, проявления которого имеют признаки долгосрочно-системного. Траектория глубинных турбулентных трансформаций в нем представляет «рваную графику». Возникла новая геополитическая реальность, характеристика которой – переломный момент в мировой политике и международных отношениях. Намного возросла степень неустойчивости международной системы. Раскол мира приобрел невиданные ранее формы и очертания. Угроза «мирового беспорядка» из прогностических допущений перешла в осязаемую опасность, чреватую мало предсказуемыми геополитическими последствиями. Борьба за модель общественного развития все чаще приобретает гибридные формы. Тесное сопряжение внутренних противоречий и конфликтов и стремление западных, прежде всего американских правящих кругов, превратить Украину в форпост противоборства с Россией создали предпосылки для использования сугубо конфронтационной модели в отношениях с Москвой и соответственно для усиления дисбаланса в структуре стратегической безопасности. Это означает, что динамический баланс прошлого и настоящего окончательно нарушен, а линейная проекция в будущее не имеет перспективы.

Лейтмотив исследования «Мир никогда не будет прежним» – нельзя осмысливать будущее мира в категориях и оценках прошлого. Авторы труда предупреждают, что в противном случае история человечества будет напоминать старую пластинку с изъезженными бороздками, которая возвращает людей к прошлым застывшим навсегда реалиям. Результат такого подхода – неизбежность ложных сравнений с объективно несравнимыми явлениями и фактами, искажающих и упрощающих особенности новых ситуаций и процессов в мире. Это ведет к ошибкам, неадекватным ответам на современные вызовы и в итоге оборачивается поражением. То, что прожито и осмыслено в прошлом в качестве неких экспериментов, привычно упрощает деятельность лиц, принимающих решения, которые чувствуют себя неуверенно в ситуациях неопределенности и неизвестности. Важнейшей задачей стала разработка новых принципов международных отношений в условиях глубинных трансформационных процессов. Здесь рецензируемое исследование концеп-

туально перекликается с книгой известного французского эксперта-международника Фредерика Анселя «Пути к могуществу» с подзаголовком-призывом «Осмыслить геополитику XXI века» 2022 г. [Encel, 2022]. Сегодня не работают часто используемые на Западе сравнения, например, события в Праге в августе 1968 г. и на Украине в 2022 г. Модное сопоставление с периодом холодной войны не учитывает множество факторов, которые не только кардинально изменили мироустройство, но и значение присущих ему концептов. «Навязчивое тяготение к опыту прошлого ведет к политической лени, отсутствию гибкости ума и даже воображения» [Le Monde ne sera..., 2023: 16]. Тем самым в рецензируемом труде критикуется опыт так называемого аналитического консерватизма. Это понятие вводится впервые. Оно расценивается как «подлинная политическая стратегия, которая сохраняет за элитами их то или иное положение в обществе» [Le Monde ne sera..., 2023: 9].

Авторы рецензируемого исследования предлагают важнейший методологический подход – избегать оценочных упрощенных и застывших взглядов на исторический процесс, воспринимаемый как набор неких циклических повторов, а вместо этого концентрировать внимание на отличиях, особенностях, принципиально новом. Это в совокупности способствует появлению «новой грамматики» международных отношений. «В течение многих веков наш западный мыслительный аппарат привык пассивно воспринимать историю, уроки правовых регламентаций и формирования гражданского общества и соответственно пассивно оперировать категориями нации, территории, границ, государства и сражений – выигранных или проигранных». Сходство событий обманчиво и ведет к искусственной ясности, неоправданным сравнениям и тяготению к воспроизводству исторических повторов. «Слишком часто забывают, что в истории надо исходить из *контекста*, который по определению постоянно меняется» (выделено в тексте – М.Н.).

Ошибочная недооценка особенностей исторического контекста может привести к опасным последствиям и игнорированию новых взаимодействий между акторами мировой политики. «Между тем правительства, “зацикленные” на концепции нации-государства и на национальной политико-военной системе безопасности, “маргинализируют” новые параметры стратегической безопасности, которая стала более глобальной, нежели национальной. Они не осознают, что отныне главные убийственные угрозы носят системный характер. И дело не только в том, что новые вызовы нельзя осмысливать на основе старых методов: появляется новая модель, предполагающая, что выигрыш одной стороны полноценен только в том случае, если одновременно он устраивает и другую» [Le Monde ne sera..., 2023: 14]. Эта идея явно перекликается с многослойным классическим трудом Роберта Джервиса «Восприятие и неверное восприятие в международной политике» 1976 г. (в переводе на русский язык 2022 г.), в котором проблемные узлы геополитики рассматриваются через призму психологии. Речь идет, в частности, об особенностях прогнозных оценок акторов мировой политики и международных отношений в быстро меняющихся ситуациях, специфике восприятия ими конкретных действий стратегических союзников и противников, взаимосвязи получаемой и осмысливаемой информации с политическими убеждениями/заблуждениями/предрасположенностями, политико-психологических аспектах стратегии устрашения, которые явно недооце-

ниваются на уровне принятия стратегических решений. Роберт Джервис особенно предостерегал против ассимилирования новых данных с существующими убеждениями, подчеркивая, что они особенно устойчивы к получаемой противоречивой информации [Джервис, 2022: 306, 511].

Призыв к необходимости учета контекста в анализе мирополитических процессов политико-методологической новацией не является новым. Об этом неоднократно высказывался Дж. Най – родоначальник концепции «мягкой силы», который подчеркивал важность «контекстуального интеллекта» [Най, 2014: 23]. В условиях кризисной геополитики предлагаемая контекстуальная идея вписывается, несомненно, в поиски новой парадигмы политического мышления. Она воспринимается как усиление креативного аналитического потенциала в глобальном интеллектуальном пространстве, повышение способности генерировать новые идеи и рекомендации, отвечающие жестким требованиям управления рефлексией в мировой политике. Контекстуальный акцент следует понимать как аналитическую сбалансированность реакций на внешние контексты политических и субъективных форм обработки получаемой информации. Аналитико-операционная деятельность предполагает обработку тех моделей, аналогий, сопоставляемых рядов и классификаций, которые отражают реальные, а не идеологизированные мирополитические процессы, и полученные на выходе объективно взаимосвязанного целого из разрозненных и/или противоречивых фактов. Здесь возникают неожиданные трудности, когда один международный контекст – одна ситуация – наслаивается почти одновременно на другой, осложняя аналитическую экспертизу динамической взаимосвязи двойного транситуативного контекста. Отсюда следует острая потребность в международной аналитике, способной концептуально и практически синтезировать разнородные компоненты «хаотически запутанной реальности» международной жизни [Неймарк, 2023: 108].

Контекстуальность научного-экспертного анализа означает отрицание монолинейного осмысления конкретных мирополитических процессов. Без контекстуального фокуса не может быть полноценного ситуационного анализа, который предполагает изложенное в книге: умение отбрасывать случайное, единичное; аналитически продуманное сопоставление однопорядковых, однородных элементов и разнородных противоположностей; чувствовать разрыв между видимостью, мнимой реальностью и подлинной сущностью международных явлений и событий; видеть глубинную суть конфликтов и противоречий современного мира.

Вместе с тем сводить аналитическую энергетику к контекстуально-ситуационному анализу без учета множества долговременных факторов мирового развития – значит объективно минимизировать его перспективные векторы. Таким образом, контекстуальный анализ не должен выпадать из стратегически выверенной цепи размышлений, доводов и аргументов. В реальности сами по себе контекстуально-ситуационные оценочные границы слишком узки для осмысления изменчивой сложности нынешнего кризисного геополитического пространства, которая требует многомерного системно-стратегического анализа.

В контекстуально-методологическом и политическом планах в книге утверждается, что классические категории, казавшиеся незыблемыми и даже сакральными,

утрачивают первооснову. Прежде всего это касается понятия могущества и всевластия в мировой политике. Б. Бади предостерегает против опасности превратить новый концепт могущества в эталон будущих международных отношений: «в свете неспособности США доказать свою сверхдержавность в Ираке, Афганистане, Ливии, а также американское величие по отношению к Китаю и даже Венесуэле, едва ли правомерно говорить о лозунге “Америка возвращается”, который несколько наивно сопровождал всю избирательную кампанию Дж. Байдена... Официальное признание могущества не означает сегодня его всевластие» [Le Monde ne sera..., 2023: 20]. Д. Видаль в жестко критическом ключе характеризует суть и последствия американской модели геополитической гегемонии: «После исчезновения Советского Союза высокомерие как результат головокружения от всемогущества охватило американских руководителей: воодушевленные неоконсервативным мессианством, они возмнили себя властителями мира. Унижение от 11 сентября, проигранная война в Афганистане, крах вторжения в Ирак развеяли эту иллюзию» [Le Monde ne sera..., 2023: 34].

Однако анализ процессов, происходящих в Евросоюзе и влияющих на его внешнюю политику, в рецензируемой книге нельзя назвать беспристрастным. Особенно наглядно это проявилось в отношении расширения статусного геополитического формата ЕС и проблем его суверенной автономии. Преувеличенным выглядит профильный раздел «Формирование беспрецедентной суверенности Европейского союза». В нем подчеркивается, что с приходом Урсулы фон дер Ляйен руководство Европейской комиссии поставило амбициозную геополитическую задачу «усилить ответственное лидерство ЕС в мире». В разделе конкретизируется целевая установка Э. Макрона – превратить Европу в «суверенную, единую и демократическую». Новые европейские амбиции в области международной политики предполагают реализацию двух идей – создание новых стандартов в соответствии с «классическими векторами нормативной мощи ЕС» и их продвижение за пределами западного мира. Однако речь идет не о навязывании европейской модели, а сохранении и усилении ее привлекательности. Тем самым «европейская суверенность выражается как во внутренних, так и внешних аспектах европейского проекта» [Le Monde ne sera..., 2023: 210–213].

Из проведенного в рецензируемом исследовании анализа выпал важнейший комплекс вопросов суверенной субъектности ЕС, стратегические перспективы которой зависят от США. Не затронута проблема реальной, а не декларируемой готовности отстаивать цели и базовые предпосылки обеспечения суверенного статуса ЕС, ускользающего из-за усилий Вашингтона. Об этом высказался вице-премьер и министр иностранных дел Италии Антонио Таяни: «У Европы нет реальной внешней политики, равно как и оборонной политики. Мы всегда следуем за американцами»¹.

¹ Antonio Tajani: “La Russia vuole un nuovo Medioevo, manderemo subito aiuti e armi”. La Stampa. 25.01.2023. URL: https://www.lastampa.it/esteri/2023/01/25/news/antonio_tajani_italia_da_priorita_agli_aiuti_uma_nitari_per_linvio_dei_missili_servira_tempo-12602872/ (дата обращения: 25.01.2023).

Тем не менее в результате интернационализации украинского кризиса в ЕС срабатывает принцип интеграционной солидарности, уменьшающий антиамериканские настроения. Он рассматривается через американскую призму восприятия России и, соответственно, в американоцентричном фокусе европейской и глобальной системы безопасности. Анализ последствий специальной военной операции России на Украине (СВО) варьируется в книге в самом широком диапазоне: от отдельных адекватных оценок до неточностей, объективно не подтвержденных данных и констатаций, не соответствующих действительности. В концептуальном плане выделяются оценочные позиции соруководителей авторского коллектива. Например, по мнению Б. Бади, конфликт на Украине отличается от предыдущих, потому что он оказался «в центре сложного системного комплекса санкций, исключений, экономического и продовольственного давления, создав тем самым и новую форму “глобальной войны”, в которой оказались вовлеченными даже те, кто в ней напрямую не участвуют» [Le Monde ne sera..., 2023: 8–9]. С этой оценкой согласуется точка зрения Д. Видалья. Квинтэссенция его политико-методологического подхода выражена в формуле: «война на Украине – это ложная холодная война», которая в искривленно-отраженном свете показала суть «дикой» трансформации международных отношений, происходящей в условиях хаоса глобализованного мира. Падение Берлинской стены в 1989 г. ознаменовало окончание холодной войны. Американское вторжение в Ирак в 2003 г. развеяло иллюзию сверхмогущества США. Начало СВО 24 февраля 2022 г. оставило позади устаревшее черно-белое видение мира, в котором жертвы одного – американского – империализма могли бы объединиться против него. Сегодня настало время осмыслить «все оттенки серого» в бурно трансформирующемся мире с учетом огромных изменений в международных отношениях, в результате которых ранее незаметные страны, считавшиеся жертвами, стали полноценными, иногда даже решающими акторами мировой политики [Le Monde ne sera..., 2023: 23–24].

Д. Видаль считает абсолютно несостоятельной точку зрения, согласно которой война пришла в Европу впервые после разгрома нацизма в 1945 г. Он солидаризируется с оценочной позицией Катрин Хаас, которую часто цитирует: «Есть нечто непотребное и возмутительное в повторяющихся утверждениях, будто с наступлением русских на Украине война вновь вернулась в Европу – впервые после Второй мировой войны. Это значит игнорировать войны в Югославии (1991–2001), в которых погибли от 150 тыс. до 200 тыс. жителей, число беженцев достигло 2,5 млн человек, а перемещенных лиц – 2 млн. Не забывая и важнейшей роли НАТО, которая осуществила там свою первую масштабную военную операцию с момента создания в 1949 г. И вместо того чтобы самораспуститься в соответствии с ее основополагающим принципом – противостоять советской угрозе, которая исчезла, НАТО стала увековечивать себя как неизменно востребованную структуру». Сохранение Североатлантического альянса «запрещает Европе переосмыслить обновленные организационные принципы его политики безопасности, отдаленной от всевластной монополии США и их интересов». Д. Видаль скептически оценивает мнение, что украинский конфликт означает простое возвращение в эпоху холодной войны: «1948–1991 годы были благословенным периодом для геополитиков – лю-

бителей, считавших, что различать союзников США от союзников Советского Союза вполне достаточно, чтобы претендовать на трактовку всех конфликтов на планете». С тех пор мир претерпел фундаментальные изменения, «став уже не биполярным, а многополярным, точнее, аполярным (apolaire)» [Le Monde ne sera..., 2023: 24–26].

Большинство авторов рецензируемой работы критически оценивают СВО и рассматривают ее как «вторжение». Демонизация России, обвинения ее в агрессивности – ключевой посыл в их анализе. Нет упоминаний об интернационализации военных действий, прокси-участии в них стран Запада во главе с США, прямых поставках самого разнообразного вооружения, подготовке и переподготовке в странах НАТО украинских солдат и офицеров. Авторы труда не рассматривают беспрецедентное приближение Североатлантического альянса к границам России, антигосударственный переворот в 2014 г. на Украине, убийства в Киеве и Одессе, бомбардировки городов и поселков Донбасса, принятие законов о запрете преподавания на русском языке и дерусификации страны в целом, «отмену» русской культуры и т.д.

Авторы рецензируемой книги сопоставляют СВО и войну в Грузии в 2008 г. В обоих случаях не рассмотрены их первоисточки/первопричины. Нет упоминаний о многочисленных жертвах гражданского населения на Юго-Востоке Украины в период 2014–2021 гг. и об обмане украинских властей, постоянно срывающих Минские соглашения. Авторы обошли факт, признанный на высоком европейском уровне: именно грузинское руководство развязало агрессию в Южной Осетии. Учрежденная по решению Совета ЕС от 2 декабря 2008 г. Международная независимая комиссия по установлению фактов конфликта в Грузии, подводя итоги почти десятимесячной работы, констатировала, что «открытые боевые действия начались с крупномасштабной грузинской военной операции против города Цхинвали и его окрестностей в ночь с 7 на 8 августа 2008 г.», а «военной атаки России до начала грузинской операции не было»¹.

Многие авторы сходятся на том, что Россия «потерпела многоплановое поражение», ее экономика в результате санкций Запада оказалась «катастрофически парализованной», а «промышленное производство полностью остановилось». Безусловно, возведенное в отработанную систему санкционное давление существенно сказывается на экономических параметрах, замедляя темпы инновационного развития страны, но не фатально и не всецело разрушительно, как показано в рецензируемом труде. Не рассмотрены экономические и социальные последствия санкций для западных стран, потери от которых болезненно ощущаются населением. Авторы не приводят данные об «усилении оппозиции власти в России», о «растущей изоляции Москвы даже от дружественных ей стран, которые открыто дистанцируются от нее» [Le Monde ne sera..., 2023: 36].

¹ Report of the Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia. Council of the European Union. 30.09.2009. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/110370.pdf (дата обращения: 20.01.2023).

Отдельные авторы вплетают феномен устрашения в мировой политике, говоря о специальной военной операции России на Украине. С их точки зрения, именно СВО послужила первотолчком к переосмыслению и адаптации феномена к макросистемным трансформациям: «Война России на Украине была замыслена, подготовлена и ведется в рамках концепции комплексного и постоянного устрашения». Тем самым четко очерчена суть односторонне ориентированного политико-методологического подхода к этой многосложной, объективно глобализированной проблематике. Отталкиваясь от украинского кризиса, авторы призывают учитывать в обновленной концептуальной оптике политики устрашения новый феномен «стратегическое пиратство», отсутствие правил и обман со стороны государства – одного из гарантов мирового ядерного порядка, который использует ядерное устрашение «для обеспечения военного превосходства в ходе тактических конвенциональных операций» [Le Monde ne sera..., 2023: 149–151].

Такая оценочная позиция предполагает молчаливое выведение за аналитические скобки упоминания прокси-войны Запада на Украине против России и напрашивающееся сравнение ядерной стратегии последней с ядерной доктриной США, т. е. принципиальное различие российского ответного ядерного удара и превентивного США.

В отдельный блок суммируется вопрос о «стратегическом поражении России» в связи с «НАТОнизацией Европы». В качестве аргумента приводятся изменения, которые произошли в альянсе после «диагноза» Э. Макрона в декабре 2019 г. о «параличе мозга» организации: историческое решение Германии в июне 2022 г. создать специальный фонд из 100 млрд евро для модернизации бундесвера, решение Финляндии и Швеции о вступлении в НАТО, усиление политической и военной координации стран-участниц. Однако эта аргументация завершается откровенным выводом о главном бенефициаре изменений – Вашингтоне, делающем все, чтобы «без особого риска вновь подтвердить свое лидерство в Европе» [Le Monde ne sera..., 2023: 38–39].

* * *

Затяжной кризис адаптации к глобальным изменениям – качественная особенность нового переходного этапа разнонаправленного развития современной мировой политики. Беспрецедентное обострение геополитического, геоэкономического, ценностно-мировоззренческого и информационного противоборства в гибридной совокупности стало отчетливо выраженной константой. Отрицание отрицания – его основа и сущностная характеристика. В этих условиях возрастает ценность непредубежденного анализа.

Мировоззренческие истоки, позиции и представления авторов имеют единую первооснову – укорененную западную политическую культуру. Однако оценочные позиции отдельных авторов не совпадают отнюдь не в единичных случаях. В одних из них – аналитическая заостренность научно-поисковых решений; в других – бо-

лее многочисленных – стремление остаться в привычных трендах западных подходов. Последние берут верх над интеллектуальной смелостью анализа беспрецедентных гигантских разломов и подвижек в геополитическом пространстве. Несмотря на то что перед авторским коллективом была поставлена четкая задача – избегать консервативного осовременивания новейших тенденций и процессов мирового развития. Его руководство вполне осознало опасность оказаться в концептуальном тупике: чем больше привычных точек идеологизированной опоры, тем труднее сохранить беспристрастность стратегического анализа. Из книги следует, что в условиях глубоких макросистемных трансформаций бесперспективно рассматривать настоящее как мирополитическую колыбель будущего и как циклическое повторение прошлого даже в модифицированных формах и вариантах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Джервис Р. (2022) *Восприятие и неверное восприятие в международной политике*. Центр анализа стратегий и технологий, Москва. 656 с.
- Най Дж. (2014) *Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век*. АСТ, Москва. 448 с.
- Неймарк М.А. (2023) *Кризисная геополитика: опыт и перспективы «мягкой силы» России*. Дашков и К, Москва 323 с.
- Encel F. (2022) *Les voies de la Puissance. Penser la géopolitique au XXI siècle*. Odile Jacob, Paris, France. 281 p.
- Le Monde ne sera plus comme avant* (2023) Sous la direction de Bertrand Badie et Dominique Vidal. Le Liens qui Libèrent, Paris, France. 336 p.

Geopolitics' Past and Future: Negation of the Negation

M.A. Neimark*

*Doctor of Sciences (History), Professor of the Department
of Political Science and Political Philosophy*

*Diplomatic Academy of the Ministry of the Foreign Affairs of the Russian Federation
53/2, build. 1, Ostozhenka str., Moscow, Russia, 119021*

***E-mail:** mark.neimark@mail.ru

Abstract. In a radically changed world, geopolitical costs and errors as a result of underestimation or, conversely, overestimation of increasingly non-linear hybrid processes, conflicting trends and often spontaneous events acquire increased practical and political significance. Under these conditions, the focus of research attention could not but be on the recently published work of French researchers and international experts under the catchy and meaningful title “The world will never be the same”. In the focus of the analysis is the updated context of modern crisis geopolitics. The conceptual and analytical basis of the text is formed by extensive introductory and at the same time generalizing sections that systematize two dozen chapters on a variety of international topics and problems. They were written by the co-leaders of the team of authors, well-known French international political researchers Bertrand Badie and Dominique Vidal. A new approach is put at the forefront, which

is not predetermined in advance, but is created on the basis of life practice as a result and under the influence of historical surprises, unforeseen and even previously unimaginable events. An attempt was made to consider the problems of the future world order through the prism of great-power contradictions, the confrontation of various value orientations and development models with an emphasis on the competition of democracies and autocracies. On the example of the United States, the concept of world domination is rethought. The book reflects new features of the expert-analytical work of French international researchers. The authors are aware that the confrontational severity of the crisis situation in Ukraine and its internationalization in a variety of hybridized forms have sharply “shaken” the more or less established balance of power not only in the European region, but throughout the global space. In general, they agree that optimistic options for a new world order are at stake. In separate sections of the book, the chaos of world politics and international relations is linked to the overstrain of the US hyperpower, which is approaching a critical point.

Key words: geopolitics, strategic security, new world order, USA, EU, France, Russia

DOI: 10.31857/S0201708323030154

EDN: bundbz

REFERENCES

Dzhervis R. (2022) *Vospriyatiye i nevernoe vospriyatiye v mezhdunarodnoi politike* [Perception and Misperception in International Politics], Tsentr analiza strategiy i tehnologiy, Moscow, Russia. (In Russian).

Encel F. (2022) *Les voies de la Puissance. Penser la géopolitique au XXI siècle*. Odile Jacob, Paris, France.

Le Monde ne sera plus comme avant (2023) Sous la direction de Bertrand Badie et Dominique Vidal, Le Liens qui Libèrent, Paris, France.

Nai Dzh. (2014) *Budushee vlasti. Kak strategiya umnoi sily menyaet XXI vek* [The Future of Power. How the strategy of smart power changes XXI century], AST, Moscow, Russia. (In Russian).

Neimark M.A. (2023) *Krizisnaya geopolitika: opit i perspektivi “myagkoi sili” Rossii* [Crisis geopolitics: lessons and prospects of Russia’s “soft power”], Dashkov i Ko, Moscow, Russia. (In Russian).

УДК 327

ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

© 2023 г. **КАНУННИКОВ Анатолий Алексеевич***

Доктор политических наук

*Ведущий научный сотрудник Центра проблем социального развития Европы
Институт Европы РАН. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11-3*

***E-mail:** soc-eco@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.01.2023

После доработки 27.02.2023

Принята к публикации 12.04.2023

Аннотация. В статье сделан анализ коллективной монографии «Латинская Америка: политический ландшафт на фоне турбулентности», вышедшей в Институте Латинской Америки РАН под редакцией доктора политических наук З.В. Ивановского. В ней авторы отвечают на вопросы, по какому пути будут развиваться страны Латинской Америки и как они будут выстраивать свои отношения с окружающим миром в условиях новой геополитической реальности. Это имеет большое значение для прогнозирования характера будущих отношений между странами Латинской Америки и Европейским союзом. В статье даны оценки расстановки политических сил перед лицом новых вызовов как в отдельных странах, так и в регионе в целом. Особый акцент сделан на итогах последних избирательных кампаний, формирующих новый политический ландшафт в Латинской Америке. Сделан вывод, что в Латинской Америке появились шансы на решение глубоких социальных проблем, преодоление межгосударственных противоречий и активизацию интеграционных процессов.

Ключевые слова: Латинская Америка, избирательные циклы, политические процессы, массовые социальные протесты.

DOI: 10.31857/S0201708323030166

EDN: buvcup

Динамика развития отношений между странами Европы и Латинской Америки – одно из направлений исследований в Институте Европы РАН. Обсуждение вопросов взаимодействия и сотрудничества двух регионов проходит в формате научных конференций и круглых столов совместно с учеными Института Латинской Америки РАН и других научных центров России. В журнале «Современная Евро-

па» публикуются доклады по данной теме и материалы о проходящих дискуссиях [см., например: Ермольева, 2020; Ивановский, 2020; Калашников, 2020; Пятаков, 2020; Розенталь, 2020; Тайар, 2020].

Политологи и специалисты по Латинской Америке с большим интересом встретили вышедшую под редакцией доктора политических наук З.В. Ивановского коллективную монографию «Латинская Америка: политический ландшафт на фоне турбулентности» [Ивановский, 2022].

Актуальность рецензируемой работы не вызывает сомнений, поскольку авторы монографии пытаются ответить на вопросы: по какому пути развития пойдут страны Латинской Америки и как они будут выстраивать отношения с окружающим миром в условиях новой геополитической реальности. Это имеет большое значение не только для изучения развития региона в академической плоскости, но и для прогнозирования характера будущих отношений между странами Латинской Америки и Европы. Авторы коллективной монографии детально анализируют возможные парадигмы экономического и политического развития в отдельных странах.

Удачным следует считать решение редактора монографии взять за основу предложенную ранее в ИЛА РАН типологизацию политических режимов региона, которая включает относительно консолидированные представительные демократии, широкую палитру новых демократий, поляризованные постконфликтные страны и альтернативные модели с определенными элементами неавторитаризма [Чумакова, 2009]. С учетом изменившихся условий в монографии представлены четыре раздела: «Правый спектр: смена парадигмы и преемственность власти»; «Левоцентристские режимы: ожидания и политический реализм»; «Проблемы правоцентристских режимов и новая левая волна» и «Вызовы и риски сторонников “Социализма XXI века”».

В главе по типологии современных политических режимов отмечается: несмотря на то что военные диктатуры ушли в прошлое и смена власти во всех государствах Латинской Америки происходит в соответствии с конституциями и на основе выборов, в регионе сосуществуют разнообразные социально-экономические и политические модели. Соотношение между последними постоянно меняется, а споры относительно их характеристик по-прежнему доминируют в политологическом дискурсе [Ивановский, 2022: 23].

Глубокий анализ политических процессов и итогов электоральных циклов показывает, что начало XXI в. прошло под знаком «золотого десятилетия». В 2003–2013 гг. в регионе наблюдались высокие темпы экономического роста и положительные сдвиги в социальной сфере. Авторы монографии обращают внимание на то, что именно в этот период отмечены заметное снижение уровня бедности, рост реальной заработной платы, улучшение системы образования и здравоохранения. Однако в последующие годы экономическая и социальная обстановка значительно ухудшилась, и на очередных парламентских и президентских выборах в большинстве стран побелила оппозиция.

При детальном рассмотрении причин и последствий динамичного переформатирования политического ландшафта анализируется усиление поляризации, поражение левых и укрепление позиций правых сил на выборах, а затем очередная победа на выборах представителей левого спектра. Справедливо отмечается, что в

избирательных процессах активно участвуют представители гражданского общества, не связанные с традиционными политическими партиями. В рецензируемой работе дан подробный анализ роста массовых социальных протестов, вызванных ухудшением социального положения значительной части населения, а также введением ограничительных мер в связи с пандемией *COVID-19*. Экономическая дестабилизация и усиление политической турбулентности региона, как видно из монографии, потребовали от властных структур незамедлительного решения острых социальных проблем и проведения политических реформ.

В рецензируемой монографии представлена современная расстановка политических сил перед лицом новых вызовов как в отдельных странах, так и в регионе в целом. Рассматривая ситуацию в каждом конкретном государстве, авторы делают особый акцент на итогах последних избирательных кампаний и показывают новый политический ландшафт в регионе.

Первый раздел в коллективной монографии посвящен анализу ситуации в Бразилии (Л.С. Окунева), Сальвадоре (М.А.-М. Кодзоев), Уругвае (А.С. Андреев), Эквадоре (Е.С. Галибина-Лебедева и З.В. Ивановский) Парагвае (Н.Ю. Кудеярова) и Гватемале (Д.В. Морозов), т.е. в странах, где наблюдалась смена парадигмы развития в результате «правого дрейфа» или произошла коррекция неолиберальной модели при сохранении условий преемственности власти [Ивановский, 2022: 69–234].

Во второй раздел вошли страны, в которых смена власти связана с надеждой на то, что левоцентристские правительства преодолечат кризисные явления в экономике и социальной сфере, а также проявят политический реализм. В эту группу авторы монографии включили Аргентину (Н.М. Яковлева), Мексику (А.А. Манухин) и Панаму (Д.М. Елесеенко). Например, на выборах 2015 г. к власти в первой пришла оппозиция во главе с Маурисио Макри, лидером предвыборного альянса «Вместе за перемены» (*Juntos por el Cambio, JpC*). Новое правительство предложило план структурных реформ в экономике, чтобы устранить бюджетные дисбалансы, сократить государственный долг, преодолеть изоляцию от мировых кредитных организаций и фондов, обеспечить приток в страну иностранных инвестиций, снизить налоговую нагрузку на бизнес, обуздать инфляцию и др.

Из-за опасений массовых протестов правительству пришлось пойти на существенные уступки профсоюзам и общественным организациям в социальной политике. Несмотря на ограниченные возможности, реализованы масштабные программы помощи уязвимым слоям населения, начаты проекты по развитию инфраструктуры в отдаленных районах страны, приняты программы по поддержке местного бизнеса, в т. ч. в аграрном секторе, с целью укрепления его экспортных возможностей.

Нельзя не согласиться с Н.М. Яковлевой, которая утверждает, что итоги правления правительства М. Макри оказались неутешительными: для преобразований в экономике не хватило времени и Аргентину не удалось «превратить в нормальную страну» [Ивановский, 2022: 235].

В третьем разделе рассмотрены проблемы правоцентристских режимов и приход к власти представителей нового течения левых. Речь идет о Перу (А.А. Шинкаренко), Чили (Л.В. Дьякова), Гондурасе (А.Н. Пятаков) и Колумбии (З.В. Ивановский) [Ивановский, 2022: 308–438]. Наиболее красноречивый пример – современ-

ное Чили, ставшее развитым демократическим государством, для которого характерны высокая степень реализации политических прав и свобод граждан, открытость глобальному миру и эффективная экономика. Последние двадцать лет по многим показателям – политическим, экономическим, социальным – Чили служило ориентиром для других государств Латинской Америки.

Однако, как отмечает Л.В. Дьякова, общее улучшение жизни, достигнутое в начале 2000-х гг., не сопровождалось преодолением социального противостояния, что усиливало протестные настроения и политическую радикализацию в чилийском обществе. Второе правительство Мишель Бачелет (2014–2018 гг.), лидера левоцентристской коалиции «Новое большинство» (*Nueva Mayoría, NM*), предприняло попытку минимизировать социальное неравенство и улучшить систему политического представительства. Для этого проведены глубокие преобразования: введено бесплатное образование на всех уровнях: от школьного до университетского; принята пропорциональная электоральная система вместо жесткой биномиальной, отдававшей предпочтение сложившимся крупным коалициям. Тем не менее реализацию сложнейших реформ, в первую очередь в системе высшего образования, нельзя считать успешной без выполнения целого ряда других обещаний, например: создания более справедливой пенсионной системы, принятия новой конституции и др. Отсутствие или затягивание реформ только усиливали предкризисные настроения в обществе [Ивановский, 2022: 334].

В итоге кардинальные изменения, начатые одним из самых социально-ориентированных правительств в новейшей истории Чили, обострили противоречия и ускорили процессы, назревавшие на протяжении последнего десятилетия. Это привело к возникновению центробежных сил внутри правящей коалиции, а также стремительному росту леворадикальных настроений и глубокому общественному разочарованию политикой реформ.

На фоне роста социальной напряженности следует отметить усиление протестных настроений среди организаций гражданского общества: различных фондов, общественных структур и неправительственных организаций. Среди них – «Национальная корпорация индейского развития» (*Corporación Nacional de Desarrollo Indígena, CONADI*)¹, которая не смогла влиться в стремительный процесс модернизации страны. Социальные программы, стремившиеся учесть потребности коренного населения в образовании, здравоохранении, включении в рынок труда, не преодолели глубинные причины бедности и неблагополучия индейцев особенно в наиболее отсталых сельских районах.

В октябре 2019 г. в Чили начались массовые протесты. Требования носили ярко выраженный социальный характер и включали сокращение неравенства, повышение зарплат, создание справедливой пенсионной системы, доступного и качественного здравоохранения и образования, а также принятие новой конституции, в кото-

¹ *CONADI* создана для координации действий правительства и индейских сообществ. В ее задачи входила помощь государственным структурам в изучении реальных проблем коренного населения, создании планов и программ развития, а также взаимодействие с местными властями, министерствами, различными НПО и фондами.

рой отражены социальные права граждан. Во втором туре выборов 19 декабря 2021 г. новым президентом Чили избран Габриэль Борич Фонт, ставший самым молодым президентом за всю историю страны [Ивановский, 2022: 367].

Выборы 2021 г., как отмечает Л.В. Дьякова, стали самыми острыми и непредсказуемыми за последние 20 лет. На них обозначились новые черты политической жизни страны: поражение традиционных партийных коалиций как левого, так и правого центра; высокий уровень социальных надежд, связанных с ожиданиями большей социальной справедливости; кардинальное изменение неолиберальных основ чилийской модели развития, ориентированной на экономический успех и рынок; запрос на перемены.

События 2020–2021 гг. показали, что перед новым президентом стоит очень трудная задача реализации обещаний, которые были даны участникам протестного движения в 2019 г., – завершение конституционного процесса и проведение общенационального плебисцита по принятию Основного закона. Следует согласиться с Л.В. Дьяковой, что успех развития президентом повестки новых левых сил и разработка новой конституции зависят от многих обстоятельств: продуманности и взвешенности решений, принимаемых властью; способности правительства проводить обещанные реформы с учетом экономической ситуации и интересов различных групп; от соблюдения политическими силами компромисса, ставшего важнейшим результатом протестного движения [Ивановский, 2022: 373].

Несомненный интерес представляет четвертый раздел коллективной монографии «Вызовы и риски сторонников “Социализма XXI века”». В нем рассмотрено положение на Кубе (Н.В. Калашников), в Венесуэле (З.В. Ивановский), Никарагуа (А.В. Харламенко и А.Н. Пятаков) и Боливии (Т.А. Воротникова).

Как отмечает Н.В. Калашников, социалистическая Куба до последнего времени выглядела оазисом стабильности и предсказуемости на фоне политической турбулентности, охватившей с разной степенью интенсивности латиноамериканские государства. Это можно объяснить тем, что Куба в течение длительного времени получала помощь и поддержку стран мировой социалистической системы, а руководство осуществляло государственное строительство, опираясь на опыт СССР. Авторы рецензируемой монографии относят Кубу к странам «социализма XXI века», поскольку она единственный «остров реального социализма» в регионе. Однако Н.В. Калашников отмечает, что в экономической политике Куба отличается от Венесуэлы, Никарагуа и Боливии, власти которых взяли курс на усиление роли государства и снижение удельного веса частного капитала в экономике. Напротив, осуществляемые Гаваной реформы направлены на сокращение роли государственного сектора за счет стимулирования и более активного вовлечения в хозяйственную деятельность частного предпринимательства. Автор главы считает, что при сохранении политической системы Куба взяла курс на создание смешанной экономики, напоминающей боливарианскую модель «социализма XXI века».

Внешнеполитическая турбулентность и ухудшение экономического положения внутри страны – неподходящее время для кардинальных реформ. Кубе предстоит пройти сложный период в ближайшие годы, обновляя и совершенствуя модель политического и хозяйственного управления страной. Внесенные в конституцию из-

менения сделали страну более демократичной и отвечающей современным задачам развития. Как полагает Н.В. Калашников, скорее всего, в течение ближайшего десятилетия инициативы по реформированию экономической и социально-политической жизни будут по-прежнему исходить от руководства страны в соответствии с его пониманием необходимых перемен [Ивановский, 2022: 512].

Освещая проблемы «социализма XXI века», важно проанализировать события в Боливарианской Республике Венесуэла, где идет острая политическая борьба сторонников и противников этой модели. В результате в стране с 2015 по 2020 гг. сосуществовали параллельные структуры власти, каждая из которых претендовала на легитимность. Активные сторонники правительства входят в ряды Единой социалистической партии Венесуэлы, ЕСПВ (*Partido Socialista Unido de Venezuela, PSUV*), задуманной ее основателем и лидером Уго Чавесом как партия авангардного типа с фиксированным членством и жесткой дисциплиной. За годы Боливарианской революции произошло сращивание партийного и государственного аппарата: президент республики возглавляет ЕСПВ и фактически определяет состав ее руководства. В него входят министры, главы госкорпораций и депутаты Национальной ассамблеи от Единой социалистической партии Венесуэлы. Достаточно строгая дисциплина исключает появление внутрипартийных группировок.

Анализируя ситуацию в Венесуэле, З.В. Ивановский приводит партийный состав Национальной ассамблеи, избранной на период 2021–2026 гг. Каждая из сторон внутривластного конфликта имеет свою социальную базу. Например, правящая партия и сторонники власти опираются на беднейшие слои населения, улучшившие положение благодаря социальным реформам; крестьянство; государственных служащих и силовые структуры. Оппозицию поддерживают преимущественно средние городские слои, предприниматели, большая часть интеллигенции и студенчества, католическое духовенство.

Автор главы обращает внимание на то, что в условиях системного кризиса венесуэльское общество расколото, а партийно-политическая система предельно поляризована. Однако, вопреки ожиданиям оппозиции, сложное социально-экономическое положение и гуманитарный кризис, ужесточение американских санкций не помешали президенту страны Н. Мадуро не только сохранить, но и укрепить властные полномочия [Ивановский, 2022: 483]. В то же время параллельно с укреплением властных структур происходит сужение социальной базы режима. Даже по сравнению с проигранными парламентскими выборами 2015 г. «Большой патриотический полюс» потерял более 1,3 млн голосов, в выборах не участвовала половина правящей Единой социалистической партии Венесуэлы. Симптоматично, что из проправительственной коалиции перешли в оппозицию левые партии – Коммунистическая партия Венесуэлы, «Тупамарос» и «Родина для всех» [Ивановский, 2022: 484]. При этом к концу десятилетия оппозиция также заметно ослабла, усилились разногласия между различными течениями. К этому следует добавить отсутствие у оппозиции единого лидера и общей стратегии. Вместе с тем благодаря экономическим мерам, принятым правительством, наметилась стабилизация экономики, резко снизился уровень инфляции и был преодолен товарный дефицит на потребительском рынке.

По мнению З.В. Ивановского, парламентские выборы 2020 г., не признанные в США и ЕС, не исключают возможности для диалога сторон ради совместного поиска приемлемых решений и выхода из сложившейся ситуации. Следует отметить, что после публикации монографии этот диалог действительно начался.

В разделе «Причины и последствия политических сдвигов и социальных потрясений» (З.В. Ивановский) подводятся итоги политических сдвигов на региональном уровне, выясняются их причины и возможные последствия на фоне политической турбулентности и социальных потрясений [Ивановский, 2022: 559–576]. Показательно, что по состоянию на середину 2022 г. в абсолютном большинстве стран региона избиратели в очередной раз отказали в доверии действовавшим главам государств и проправительственным партиям, а 15 из 20 избранных президентов представляли оппозицию. Руководители Венесуэлы, Кубы и Никарагуа были переизбраны на новый срок, а пришедшие на смену лидеры Гаити и Парагвая выдвинуты правящими партиями [Ивановский, 2022: 562–563].

На основании проделанной исследовательской работы авторы делают заключение, что на данный момент судить о перспективах нынешней левой волны преждевременно. Очевидно, что в региональном масштабе появились шансы на решение глубинных социальных проблем, преодоление межгосударственных противоречий и активизацию интеграционных процессов. В случае успеха левых Латинская Америка может сдерживать центробежные тенденции в сфере экономической и политической интеграции, восстановить единство в многообразии и способствовать созданию полицентричного мира [Ивановский, 2022: 580].

Достоинством рецензируемой монографии выступает то, что общие теоретические концепции относительно будущего развития Латинской Америки основываются на детальном анализе ситуации в странах региона. На фоне пандемии и политической турбулентности произошло очередное переформатирование политического ландшафта, определяемое как второе издание «левого дрейфа», или «левая волна низкой интенсивности». В отличие от первой волны, левые политики нового типа сталкиваются с целым рядом объективных трудностей, часто не имеют политического опыта и не располагают необходимыми ресурсами и кадрами. Авторы монографии убедительно показали, что политическая целесообразность вынуждает левых отказаться от радикальных лозунгов за создание альтернативного общества, а вместо этого искать компромисс с более умеренными политическими силами.

Положения и выводы в рецензируемой работе позволяют утверждать, что недовольство социально-экономическим положением, которое спровоцировало массовые акции протеста в странах региона, заставило власти услышать гражданское общество и признать необходимость проведения давно назревших социальных и политических реформ.

По прочтении глубокой и фундированной монографии трудно избавиться от ощущения быстротечности времени и невероятной скорости, с которой меняются картинки в политическом калейдоскопе. Если раньше Латинскую Америку называли «пылающим континентом», то сегодня можно с уверенностью говорить о «континенте в зоне турбулентности».

В заключении рецензируемой монографии (З.В. Ивановский) показано, что соотношение между реализуемыми социально-экономическими и политическими моделями постоянно меняется, а споры относительно их преимуществ по-прежнему доминируют в политологическом дискурсе. В современной Латинской Америке слабо представлены как либеральные демократии, так и авторитарные режимы. Абсолютное большинство составляют несовершенные демократии или гибридные режимы. При этом по мере удаления от центра влево или вправо авторитарные тенденции усиливаются. Центристские партии соблюдают политический плюрализм, гарантируют деятельность оппозиции, обеспечивают конкурентность выборов и допускают смену власти. Напротив, леворадикальные режимы, причисляемые их критиками к авторитарным, считают свою форму правления особой разновидностью демократии (социалистической, инклюзивной, протагонистической и т.д.), отмечая активное участие граждан в принятии решений и распределении материальных благ, а также реализацию социальных миссий для улучшения материального положения широких слоев населения.

Следует отметить, что авторы монографии убедительно показали, что новое поколение левых в Латинской Америке, как и традиционные социал-демократы, выступают за усиление роли государства в экономике, снижение уровня бедности и социальной поляризации и одновременно резко критикуют нарушения прав человека, ограничения свободы печати и деятельности оппозиции, высказываются за проведение многовекторной внешней политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ермольева Э.Г. (2020) Европейская социальная модель и возможности построения государства благосостояния в Латинской Америке. *Современная Европа*. № 7. С. 166–176. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72020166176>

Ивановский З.В. (2020) Политические сдвиги в Латинской Америке и проблемы отношений с ЕС. *Современная Европа*. № 7. С. 144–154. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72020144154>

Ивановский З.В. (ред.) (2022) *Латинская Америка: политический ландшафт на фоне турбулентности*. ИЛА РАН, Москва. 586 с.

Калашников Н.В. (2020) Куба – ЕС: трудный путь к сотрудничеству. *Современная Европа*. № 7. С. 155–165. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72020155165>

Пятаков А.Н. (2020) Чилийские и французские социальные протесты в 2018–2020 гг.: компаративный анализ. *Современная Европа*. № 6. С. 119–128. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62020119128>

Розенталь Д.М. (2020) Особенности конфронтационного взаимодействия ЕС и Венесуэлы. *Современная Европа*. № 6. С. 101–111. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62020101111>

Тайар В.М. (2020) ЕС – Латинская Америка: переход на конструктивную модель сотрудничества. *Современная Европа*. № 6. С. 90–100. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope6202090100>

Чумакова М.Л. (ред.) (2009) *Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации*. Т. 1–2. ИЛА РАН, Москва. 259 с.; 433 с.

Бразилия: смена приоритетов в новом политическом цикле (2019) Отв. ред. В.М. Давыдов, рук. проекта Л.Н. Симонова. ИЛА РАН, Москва, Россия.

Гордиев узел венесуэльского кризиса (2021) Отв. ред. В.М. Давыдов, рук. проекта Д.М. Розенталь. ИЛА РАН, Москва, Россия.

Политическая турбулентность в Латинской Америке: причины и последствия (2020) *Латинская Америка*. № 7. С. 99–100.

Пятаков А.Н. (2020) Феномен социальных протестов в Латинской Америке в 2019 г. Глобальный контекст и эквадорский case-study. *Вестник МГУ. Международные отношения и мировая политика*. Том 12. № 2. С. 30.

Яковлева Н.М., Яковлев П.П. (2020) Президентские выборы в Аргентине. Выбор пути развития. *Свободная мысль*. № 1 (1679). С. 107–120.

Colombia – potencia mundial de la vida. Programa de gobierno 2022–2026. (2022) Bogotá.

Elecciones y partidos en América Latina en el cambio de ciclo. (2018) Ed. por M. Alcántara, D. Bouquet, M.L. Tagina. Centro de investigaciones sociológicas, Madrid.

Evangélicos y Poder en América Latina (2019) Ed. por J.L. Pérez Guadalupe y S. Grundberger. Instituto de Estudios Social Cristianos, Lima.

Martínez R., D'Araujo M.C., Rial J., Salomón L. (2013) Las relaciones civiles-militares en sociedades en transformación: América Latina. *Documentos CIDOB. América Latina*. No. 36. P. 25.

Varieties of Democracy: Measuring Two Centuries of Political Change. (2020) Cambridge University Press, Cambridge.

Zovatto D. (2018) Reforma político-electoral e innovación institucional en América Latina (1978–2016). Tirant lo Branch, México.

Russian View on the Political Landscape of Latin America

A.A. Kanunnikov*

Doctor of Sciences (Politics)

Leading Researcher, Center for Problems of Social Development of Europe

Institute of Europe RAS. 11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009

***E-mail:** soc-eco@yandex.ru

Abstract. The article analyses the collective monograph “Latin America: political landscape against the backdrop of turbulence”, published at the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences, edited by Doctor of Political Sciences Z.V. Ivanovsky. The monograph attempts to answer the questions, what path of development the countries of Latin America will take and how they will build their relations with the outside world in the new geopolitical reality. The answers are of great importance for predicting the nature of future relations between the countries of Latin America and the European Union. The author gives an assessment of the alignment of political forces in the face of new challenges both in individual countries and in the region as a whole. Particular emphasis is placed on the results of the latest election campaigns that are shaping a new political landscape in Latin America. The author notes that there are chances for solving deep social problems in Latin America, overcoming interstate contradictions and intensifying integration processes.

Key words: Latin America, electoral cycles, political processes, massive social protests

DOI: 10.31857/S0201708323030166

EDN: buvcup

REFERENCES

- Braziliya: smena prioritetov v novom politicheskom cikle [Brazil: Changing priorities in the new political cycle] (2019) Ed. by V.M. Davydov, ruk. proekta L.N. Simonova. ILA RAN, Moscow, Russia. (In Russian).
- Chumakova M.L. (ed.) (2009) *Latinskaya Amerika: ispytaniya demokratii. Vektory politicheskoi modernizatsii* [Latin America: Trials of Democracy. Vectors of political modernization], Vol. 1–2, ILA RAS, Moscow, Russia. (In Russian).
- Ermol'eva E.G. (2020) Evropeiskaya sotsial'naya model' i vozmozhnosti postroeniya gosudarstva blagosostoyaniya v Latinskoj Amerike [European Social Model and Opportunities for Establishing Welfare States in Latin America], *Sovremennaya Evropa*, 7, pp. 166–176. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72020166176> (In Russian).
- Gordiev uzal venesuel'skogo krizisa [The Gordian knot of the Venezuelan crisis] (2021) Ed. by V.M. Davydov, ruk. proekta D.M. Rozental'. ILA RAN, Moscow, Russia. (In Russian).
- Ivanovskii Z.V. (2020) Politicheskie sdvigi v Latinskoj Amerike i problemy otno-shenii s ES [Political Shifts in Latin America and the Problems of Relations with the EU], *Sovremennaya Evropa*, 7, pp. 144–154. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72020144154> (In Russian).
- Ivanovskii Z.V. (ed.) (2022) *Latinskaya Amerika: politicheskii landshaft na fone turbulentnosti* [Latin America: political landscape amid turbulence], ILA RAS, Moscow, Russia. (In Russian).
- Kalashnikov N.V. (2020) Kuba – ES: trudnyi put' k sotrudnichestvu [Cuba – EU: the Difficult Way to Cooperation], *Sovremennaya Evropa*, 7, pp. 155–165. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72020155165> (In Russian).
- Politicheskaya turbulentnost' v Latinskoj Amerike: prichiny i posledstviya [Political Turbulence in Latin America: Causes and Consequences] (2020) *Latinskaya Amerika*, 7, pp. 99–100. (In Russian).
- Pyatakov A.N. (2020) Fenomen social'nyh protestov v Latinskoj Amerike v 2019 g. Global'nyj kontekst i ekvadorskij case-study [The phenomenon of social protests in Latin America in 2019. The global context and the Ecuadorian case-study]. *Vestnik MGU. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, 12(2), p. 30. (In Russian).
- Pyatakov A.N. (2020) Chiliiskie i frantsuzskie sotsial'nye protesty v 2018–2020 gg.: komparativnyi analiz [Chilean and French Social Protests of 2018–2020: A Comparative Analysis], *Sovremennaya Evropa*, 6, pp. 119–128. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62020119128> (In Russian).
- Rozental' D.M. (2020) Osobennosti konfrontatsionnogo vzaimodeistviya ES i Venesuely [Features of the Confrontational Interaction Between the EU and Venezuela], *Sovremennaya Evropa*, 6, pp. 101–111. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62020101111> (In Russian).
- Taiar V.M. (2020) ES – Latinskaya Amerika: perekhod na konstruktivnyy model' sotrudnichestva [EU-Latin America: Towards a Constructive Model of Partnership], *Sovremennaya Evropa*, 6, pp. 90–100. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope6202090100> (In Russian).
- Yakovleva N.M., Yakovlev P.P. (2020) Prezidentskie vybory v Argentine. Vybory puti razvitiya [Presidential elections in Argentina. Choosing the path of development]. *Svobodnaya mysl'*, 1(1679), pp. 107–120. (In Russian).
- Colombia – potencia mundial de la vida. Programa de gobierno 2022–2026. (2022) Bogotá.
- Elecciones y partidos en América Latina en el cambio de ciclo. (2018) Ed. por M. Alcántara, D. Bouquet, M.L. Tagina. Centro de investigaciones sociológicas, Madrid.
- Evangélicos y Poder en América Latina (2019) Ed. por J.L. Pérez Guadalupe y S. Grundberger. Instituto de Estudios Social Cristianos, Lima.
- Martínez R., D'Araujo M.C., Rial J., Salomón L. (2013) Las relaciones civiles-militares en sociedades en transformación: América Latina. *Documentos CIDOB. América Latina*. No. 36. P. 25.
- Varieties of Democracy: Measuring Two Centuries of Political Change. (2020) Cambridge University Press, Cambridge.
- Zovatto D. (2018) Reforma político-electoral e innovación institucional en América Latina (1978–2016). Tirant lo Branch, México.

УДК 327

PORTRAYAL OF RUSSIAN FOREIGN POLICY TOWARDS GEORGIA IN 2008 AND UKRAINE IN 2014 IN THE WESTERN AND RUSSIAN ACADEMIA

© 2023 ARSLAN Orkun*

Centre for Mediterranean Studies, Higher School of Economics

**E-mail: orkunars@gmail.com*

Received 12.01.2023

After revision on 27.02.2023

Accepted for publication 12.04.2023

Abstract. This study examines how the Russo-Georgian War in 2008 and the Ukraine Crisis in 2014 were discussed in Western and Russian academic circles. The findings show that historical accounts as well as various theoretical frameworks were used to explain the Russian foreign policy (RFP) regarding these conflicts. In comparison, although mono-theoretical models were utilized in both cases, they are more dominant in the works of Western scholars. On the other hand, inductive historical explanations were used more in the works of Russian scholars. Another important point is that in the latter studies, alternative accounts to the Western unilateralism are more popular. These accounts reveal themselves with concepts such as “multipolar world” or “Eurasianism”. As for the mono theoretical accounts, realist approaches seem to be the dominant framework in both cases. Realist frameworks emphasize the improved material capabilities of Russia and external pressures in its sphere of influence. The later component of the realist approach is stressed more by scholars from both academic circles. Moreover, even the studies that utilize different approaches, such as ideational explanations, domestic political factors, decision-maker related approaches, or the ones that highlight the regional competition, emphasize the role of the strategic or geopolitical imperatives as a factor that cannot be ignored regarding how RFP is formed and implemented.

Key words: Russian foreign policy, Ukraine crisis, Georgian crisis 2008, academic discussion

DOI: 10.31857/S0201708323030178

EDN: bvfjbc

Introduction

In the 2000s, Russia under the leadership of Vladimir Putin followed an assertive foreign policy, particularly in the post-Soviet space. Moscow viewed countries in this region joining NATO, allowing foreign military bases on their territories, and use of force by these countries without Moscow's consent as a threat; and promoted regional integration projects such as the CSTO and the Eurasian Economic Union [Trenin, 2012]. On the other hand, some scholars argued that Russia's primary goal in the post-Soviet space is the *de facto* recreation of the Soviet Union [Kanet, 2022] or the domination of Eurasia and to be treated as if it were the Soviet Union [Stent, 2019]. The movement of some of the former Soviet republics towards the West, away from Russian influence, has resulted in a conflict between Russia and the West in Eastern Europe and the Caucasus. This culminated in the war in Georgia in 2008 and the Ukraine crisis in 2014, which resulted in Crimea joining Russia and the Civil War in the Donbas region. In February 2022, the conflict reached the point of no return when Moscow declared the start of the "Special Military Operation".

This historiographical study aims to reveal the patterns of Western and Russian academic circles regarding the RFP in the post-Soviet space, specifically the conflicts in Georgia and Ukraine. It examines the debates on Moscow's rationale for military and political interventions, and similarities and differences between the two sides. It will not claim that these patterns indicate a distinct camp of scholars, nor that the scholars reflect established narratives. Rather, it seeks to show the variety of arguments that can improve our understanding of these conflicts and Moscow's policies in its neighborhood.

This research takes a qualitative approach to examine the studies that discuss the underlying factors behind Moscow's policy regarding the Russo-Georgian War in 2008 and the Ukraine Crisis in 2014¹. To develop a comprehensive database of studies, relevant keywords were used to search through e-journal databases, Google Scholar, and think-tank websites for scholarly articles and books written by Western and Russian scholars between 2008 and 2022. Initially, articles from journals indexed in databases such as SSCI or Scopus were reviewed, and then additional studies were identified through citation tracking. Websites of think tanks like the Russian International Affairs Council and the Carnegie Moscow Center², where mainly Russian scholars and analysts publish, were also consulted to make the database more representative. After an initial review, main arguments used to explain the cases were determined and categorized. Any source not fitting the criteria was excluded.

The research utilizes descriptive research to identify independent variables (and intervening variables, if any) and existing patterns among these studies, categorize, and later compare the arguments used to explain RFP regarding these two cases. Categories

¹ In this article, "the Ukraine Crisis" refers to the chain of international events that erupted in early 2014. In that sense, it differs from "the Ukrainian Crisis", which refers to the internal political turmoil in Ukraine that started with the Maidan protests.

² The Carnegie Endowment for International Peace Moscow Center was shut down in April 2022.

in this article were determined based on the literature on qualitative content analysis. Accordingly, there are two main approaches to categorization in content analysis: deductive and inductive. In the deductive approach, the researcher begins with established categories based on pre-existing knowledge and expectations. On the other hand, the inductive approach entails the researcher creating categories after an initial analysis of the data [Lamont, 2015]. In this study, an inductive approach was pursued to develop data-driven categories and prioritize the perspectives of those scholars whose studies were analyzed in this article [Drisko, Maschi, 2016: 103]. This approach is quite helpful in covering the rich literature on Moscow's decisions regarding these two conflicts, capturing different approaches, and establishing categories. The preliminary research also enabled the identification of the sources and scholars that could be used to represent each category.

Indeed, the latest developments in Ukraine and the ongoing military conflict constitute an important turning point in the history of Russia, the post-Soviet space and Europe and it will have lasting effects on a global scale. However, the conflict is still ongoing and it is early to comment on the results of it. On the other hand, it is important to understand the reasons behind events Georgia in 2008 and in Ukraine in 2014 for it contributes to our understanding on the ongoing military conflict.

The studies of RFP are divided into two parts. The first part looks at the Western academia's views, and they are broken down into five categories: 1) personality-based explanations, 2) domestic political factors, 3) ideational approaches, 4) realist approaches, and 5) eclectic accounts that combine aforementioned approaches. The second part looks at the Russian academia's views, which are divided into three categories: 1) domestic political factors, 2) regional aspects, such as competition with neighboring countries, and 3) global aspects, including both realist and constructivist approaches. In the end, the similarities and differences of these arguments are compared.

The Portrayal of the Conflicts in the Western Academia

The western literature on RFP with a focus on its assertive policies and interventions in the post-Soviet space can be divided into five categories.

The first category examines the character of President Putin, analyzing how his personal characteristics, ideological beliefs, and professional experience shape and inform the Russian political system and foreign policy. Hill and Gaddy assert that the political system built in Russia by Vladimir Putin is highly personalized [Hill, Gaddy, 2013: 5] and thus the current Russian political system can be explained by his six identities [Hill, Gaddy, 2013: 15]. The first category consists of more generic ones that can be attributed to other figures from the ruling elite: the Statist, the History Man, and the Survivalist. These identities inform us about "Mr. Putin's views on the Russian State, his political philosophy and his conception of his first presidential term in the 2000s" [Hill, Gaddy, 2013: 9]. On the other hand, the second set of identities consists of the Outsider, the Free Marketeer, and the Case Officer. The authors argue that these identities are much more specific to Vladimir Putin [Hill, Gaddy, 2013: 10]. Similarly, Marten argues that the Russian president is an expert on immediate tactics but he is not a long-term

strategist. In both crises, Moscow's decisions to use force or to recognize the independence of the two breakaway republics in the Caucasus and the referendum results in Crimea were unexpected. Along with his KGB past, this explains the unpredictable and surprising decisions [Marten, 2015: 192]. Lastly, Michael McFaul argues that the agency of Vladimir Putin played an essential role in several RFP decisions, including the intervention in Ukraine. Rather than being a predetermined result of the international system's balance of power or of historical and cultural determinants, the return of Russia to a confrontational relationship with the US and the West was a choice made by President Putin [McFaul, 2020: 97].

The second category emphasizes the importance of domestic political factors. Götz further divides this category into two: *diversionary war theory* and *regime-security theory* [Götz, 2017: 233]. Adherents of the first approach argue that the reason behind the assertive policies of Moscow diverts the attention of the Russian public from economic problems and political protests. The second approach emphasizes the security of the regime and the possible democratic spillover arising from the Color Revolutions. Accordingly, Moscow sees the political revolutions and consequent regime changes in its neighborhood as a threat that may result in a similar outcome in Russia [Götz, 2017: 233]. Roy Allison, on the other hand, conceptualizes these two approaches as "*domestic political consolidation*" and argues that it "emerges as an important influence on Russian action in Ukraine", meaning the "intervention" in Ukraine both increased Putin's popularity and prevented aggravation of ongoing protests [Allison, 2014: 1296].

The third category consists of *ideational explanations*. This approach focuses mostly on the perceived identity and status of Russia. Feklyunina provides four main ideational factors: Russia's identity, recognition of Russia's identity by the others, Russia's engagement with international norms, and the role of practices and habits in its foreign policy [Feklyunina, 2018: 6].

Among these categories, the most common one is Russia's identity in the world and recognition of its status. The examination of Russia's status helps one to comprehend international politics and its evolution on a wider scale [Forsberg et al., 2014: 261]. They further state that Russia's endeavor to strengthen and restore its status as a great power in global politics has dominated current studies of post-Cold War RFP. The Ukraine crisis is an ideal example to apply this approach. Thus, they claim that the Russian behavior in this crisis was motivated by its worry of losing its great power status.

In his article about Russian neo-revisionism, Sakwa argues that Russian leaders believe their status as a great power is an inherent part of their character and destiny, and cannot be taken away by external actors. He suggests that when this status is not recognized it leads to *ressentiment* [Sakwa, 2009: 5]. His conclusion is that Russia's neo-revisionism does not mean they are trying to change the international system of the post-Cold War era, but rather they are dissatisfied with the application of these rules. Consequently, they refuse to simply accept EU norms and instead strive to be co-creators of Europe's destiny [Sakwa, 2009: 1]. On the other hand, Laruelle argues that Russia still sees itself as belonging to a European civilization, yet it is against the West-

ern/liberal way of development, creating its own identity based on a conservative comprehension of European values. This has enabled Russia to construct an “ideological language” that can be used to explain its foreign and domestic policy, portraying itself as the anti-liberal force of Europe [Laruelle, 2016: 294].

Moreover, some authors introduce geopolitical vision as a factor that affects foreign policy. Toal's *critical geopolitical analysis* examines and evaluates the discourses and practices of geopolitics by analyzing the geopolitical field (including the *sociospatial* context of statecraft and the social players), the geopolitical culture (the way states view themselves and the world) and the geopolitical condition (the foreign, political, military and cultural policies) [Toal, 2017: 3]. Taking into account the complex geography of the post-Soviet space and the historical ties between the former Soviet states, these three conceptual foundations contribute to the understanding of Moscow's actions in Georgia and Ukraine.

Chrzanowski conceptualizes *ontological security* to explain Russia's “intervention” into the Donbas region in Ukraine and this conflict's protracted nature. According to him, it is the practice of states reinforcing their self-identity through habitualization in relation to other states. This could explain why Russia became so entrenched in the Donbas, despite the fact that it could be detrimental to its long-term goals [Chrzanowski, 2021].

Realist literature typically emphasizes external factors, as well as the country's material capabilities. These theories are often divided into offensive and defensive strategies. Offensive realist approaches argue that the interventions in the post-Soviet space are the result of Russia's desire to expand its territory and increase its influence vis-à-vis its neighbors and the Western states. Karagiannis uses this framework to explain why Russia fought Georgia in 2008. He argues that the US first supported Turkey against Russia in the Caucasus as a balancing power, but after the growing ties and improving relations between the two, the US stepped in to act as an offshore balancer by promising NATO membership to Georgia. This initiative pushed Moscow to react [Karagiannis, 2013]. Following the offensive realist framework, Coyle argues that Moscow has managed to increase its influence beyond its geopolitical boundaries. He suggests this is achieved by exploiting the political confusion of its rivals, using its energy policy, and manipulating ethnic conflicts in the post-Soviet space [Coyle, 2018].

On the other hand, adherents of the defensive realism argue that Russia protects its interests and reacts to external threats. Although one of the leading figures of offensive realism, Mearsheimer perceives Russia as a defensive actor in the face of an expansion of the Western actors via international institutions [Mearsheimer, 2014]. Similarly, Treisman suggests that the “annexation” of Crimea was not a planned move and rather it was improvised after the fall of Yanukovich with the risk of losing the Sevastopol base [Treisman, 2016].

The final category of studies involves combining different theoretical frameworks in an eclectic approach. After evaluating different approaches to RFP in its “near abroad”, Götz argues that to overcome the shortcomings of different approaches, it is better to use eclectic research where the researcher “develops explanations that specify

the relative weight, role, and relationship of different factors at play” [Götz, 2017: 242]. Mankoff explains Russia’s policy in the 2008 Russo-Georgian War using a similar framework. He suggests that while Russia’s desire to increase its power vis-à-vis the West was the main motivation, the aspiration for status and prestige as an intervening variable helps to explain the Russian policy better [Mankoff, 2009]. Splidsboel-Hansen develops this idea further in the Ukraine crisis, using neoclassical realism to explain how collective identity caused Moscow to interpret systemic inputs negatively. The author asserts “Putin framed himself into a corner from which there was only one way out – and that was through the door leading to Crimea” [Splidsboel-Hansen, 2015: 153]. D’Anieri supports this notion by looking at the Ukraine crisis from a neoclassical realist perspective, arguing that both systemic and domestic factors, namely security needs of various actors, the spread of democracy in Russia’s sphere of interest, and domestic costs of a conciliatory policy and state capacity, were in play regarding the sources of conflict [D’Anieri, 2019: 26].

The Portrayal of the Conflicts in the Russian Academia

Although it is possible to trace the theories of International Relations in the studies examined in this section, these theories are not explicitly stated in the majority of them. That is why in this section RFP regarding these conflicts will be examined within domestic, regional, and global aspects. One of the challenges of reviewing the studies of the Russian scholars is that these aspects were quite intertwined in their works. As a result, some of the articles will be mentioned in multiple sections.

To understand the domestic aspects of the conflicts, it is essential to analyze the underlying causes. The conflict in Georgia has been an ongoing issue since the days of the Soviet Union, and it intensified following its dissolution. Markedonov notes this aspect of the conflict between Georgia and Russia, and asserts that after the dissolution, not everyone recognized the borders between newly emerged states as legitimate [Markedonov, 2009: 73]. Similarly, Solov’ev refers to the historical legacies of Abkhazia and South Ossetia and the autonomous status that these two republics had under the Soviet Union. Naturally these republics did not want to give up their autonomous status and reacted when threatened [Solov’ev, 2009: 11]. After the independence of Ukraine, the status of Crimea constituted a problem too. The fact that most of the population of the peninsula is comprised of ethnic Russians; the historical significance of Crimea for the Russian history and the controversial transfer of the peninsula to the Ukrainian republic in 1954 were the main discussion points used by Russians who advocate the “reunification” of Crimea with Russia. Pro-Russian residents of the peninsula showed their will through a couple of actions right after the dissolution of the Soviet Union yet, Yeltsin’s policies prevented a possible reunification [Trenin, 2011: 45]. However, following the Maidan protests, Ukraine *de facto* lost control of the peninsula and two other self-proclaimed republics were born in the Donbas.

The deeply rooted causes of both conflicts, however, do not explain Moscow’s policies. Sushentsov and Neklyudov explore the relationship between Russia’s domestic, regional, and global strategies in the Caucasus, noting that the RFP in the area reflects

the country's grand strategy. Firstly, they argue that Russia only interferes only if it thinks that the ethnic Russians living in a post-Soviet state were subjected to oppression [Sushentsov, Neklyudov, 2019: 130]. In relation to this, considering domestic security, any ethnic strife that may occur in the region poses a danger for Russia because of the multi-ethnic nature of the Caucasus. Markedonov emphasizes a similar point: "Ensuring stability in the former Soviet Republics of Transcaucasia is a prerequisite for Russia's peaceful domestic development and for the preservation of its territorial integrity" [Markedonov, 2012: 63].

Similar to the arguments from the "*regime security theory*", some authors argue that the Color Revolutions and their possible impacts on the security of the regime in Moscow played a role in RFP. These popular protests were seen as an expansion of the space of freedom and democracy in the former Communist countries by the Western world. However, Moscow feared these protests posed a danger to the stability of the government. Trenin suggested the Maidan could revive the anti-government protests of 2011–2012 in Russia [Trenin, 2014: 11–12].

The Russian political elite perceived the Maidan and subsequent events in Ukraine as a provocation from the West to humiliate Russia. The ousting of Yanukovich was interpreted by Moscow as a *de facto* declaration of war. A submissive retreat on the part of Russia would create a systemic risk, with potential opposition from both liberals and ultranationalists. In the end, the majority of the political elite ultimately agreed to the decision of the Kremlin, motivated by the need to restore historical justice, the removal of Yanukovich, and the prospect of a fascist government in Ukraine [Shatilov, 2015: 10].

In terms of regional matters, two primary arguments are closely connected to domestic and global aspects. Solov'ev's article, which was written before Russia's decision to recognize Abkhazia and South Ossetia's sovereignty, emphasizes the need for Russia to defend its interests in the Caucasus. As he puts it, Georgia's nationalist policies towards Abkhaz and Ossetian populations necessitate the recognition of Abkhazia's independence and the integration of South Ossetia into Russia [Solov'ev, 2009: 14].

The second argument considers the regional competition, especially in the Caucasus region. Regarding the ethnic composition of the region, historical enmities, and the interests of neighboring countries in the Caucasus, the existence and motives of external actors should be taken into consideration too. Markedonov suggests that when looking at the geopolitical situation of the Caucasus, the rivalry between the United States and Russia should not be the only factor taken into consideration. It is also important to look at the role of the region's closest neighbors, namely Turkey and Iran, as well as the role of the EU, which has begun its enlargement into the Black Sea area [Markedonov, 2012: 58].

The role of the EU in these conflicts is more visible regarding the Ukraine crisis. As is known, the Maidan Protests started the day Yanukovich abruptly changed his decision to sign the Association Agreement with the EU. The implications of this agreement revealed the clash of interests in the post-Soviet space. Lukyanov explains that Ukraine was at the heart of Russia's Eurasian Union and the integration process of the union was directed towards Europe, not Eurasia [Lukyanov, 2015: 104–107]. In addition, the

Eurasian Union concept became the foundation of the foreign policy in Vladimir Putin's presidential program in 2011 and Ukraine had a key position in this project [Trenin, 2017]. Moreover, Baev states that the real content of the conflict with Ukraine was its movement in the direction of the EU although the rhetoric among the Russian political elite mainly focused on the USA and the NATO as main adversaries [Baev, 2015: 95].

As mentioned above, these aspects are intertwined, and it is difficult to differentiate between them while assessing the motivations of Moscow. Alexandrova-Arbatova highlights how one factor can influence another in regards to Moscow's motivations. In an article about security in the Black Sea after the Ukrainian crisis, she compares the regional effects of the conflict to the boomerang effect and suggests that issues at the strategic level can have repercussions at the regional level, which then further influence the strategic level [Alexandrova-Arbatova, 2015: 129]. In an earlier article, where she discusses the impact of the Caucasus crisis on regional and European security, her arguments go parallel with this view. She states that the war in 2008 was essentially an outcome of a clash of security interests between Russia and the US/NATO, triggered by regional developments [Alexandrova-Arbatova, 2009: 287]. Although regional developments were a factor in the escalation of the conflict, she emphasizes that the conflict was a direct result of the end of the bipolar world and the enlargement of NATO in the post-Soviet space at the expense of Russia would be dangerous as it may provoke a conflict in Ukraine [Alexandrova-Arbatova, 2009: 299].

This argument can be attributed to realist approaches. Trenin argues that most analysts in Russia saw the Georgia conflict as a proxy war waged by the US to limit its influence, with Russia changing its policy from attempting to engage in a partnership with the West to protect its interests in its sphere of influence, and warning of the possible spillover of this competition into Ukraine [Trenin, 2009]. Buzgalin and Kolganov posits that the Saakashvili regime could not have acted without US approval and support, and Russia had to react to the aggressive policies of Saakashvili and Bush [Buzgalin, Kolganov, 2008]. Sushentsov and Neklyudov suggest that Russia's use of hard power and its balancing strategy in the region are a response to its perceived vulnerability, due to geopolitical rivalries and the increasing influence of the EU and the US. This strategy is seen as a formative experience for the Russian grand strategy, demonstrated through its involvement in the Nagorno-Karabakh conflict and its intervention in Syria [Sushentsov, Neklyudov, 2019].

In regards to the Ukraine crisis, Karaganov has argued that Moscow perceived the events following the Maidan as a Western policy of containment against Russia, forcing them to take action in order to protect their strategic position¹. Moreover, he argues that the discord between Russia and the West originates from Moscow's refusal to abide by the rules enforced by the West over the past 25 years. He maintains that Russia must defend its own interests in areas that it views as having a major impact on its security

¹ Karaganov, S., (2014) 'Russia needs to defend its interests with an iron fist', Financial Times, 5 March 2014. URL: <https://www.ft.com/content/1b964326-a479-11e3-9cb0-00144feab7de> (accessed: 26.01.2023).

[Karaganov, 2014]. Russia's main struggle is stopping the West from expanding into its sphere of influence which is vital to Russia's survival¹.

From a broader and theoretical perspective, Kazantsev et al. evaluate RFP regarding the frozen conflicts in the post-Soviet space between 1991 and 2018. They divide these conflicts as first and second-generation conflicts and argue that although these conflicts were considered a reaction to the Western expansion into the Russian sphere of interest, this is only valid for the second-generation conflicts that include Russia's policy towards Georgia in 2008 and Ukraine in 2014. In the 90s, these frozen conflicts were mostly treated as ethno-territorial and ethno-linguistic conflicts and Moscow's policy was simply freezing them. Later, decision-making mechanisms were centralized and the degree of opposition to the West, especially to NATO, increased. As a result, these ethno-territorial conflicts transformed into geopolitical conflicts [Kazantsev et al., 2014]. This trend became more salient after Vladimir Putin's famous speech at the Munich security conference in 2007. Building on this study's categorization, Markedonov argues that these conflicts are transforming from ethnopolitical ones to geopolitical ones between Russian and the West. In parallel with Kazantsev and his colleagues, he advocates that the first-generation *de facto* states are mainly the result of the developments during the late Soviet period and its collapse, and the growing fight for revisiting statuses of former union and autonomous entities. However, from 2008 on these *de facto* states became the subject of the competition between Russia and the West [Markedonov, 2021: 81].

Some studies use ideational approaches to explain the second-generation conflicts in the post-Soviet space, which Kazantsev and his colleagues classify as such, even though constructivist approaches are often thought to provide a better explanation for the first-generation conflicts. For example, according to Tsygankov, much of Russia's reaction considering Georgia and Ukraine can be explained by its perception of threat stemming from the expansion of the NATO because Georgia's and Ukraine's desire to join the NATO exacerbated Russia's sense of vulnerability and isolation by the West [Tsygankov, 2016: 201]; and frustrated Russia with the lack of recognition of its values and interests in Eurasia by the US and NATO, together with Ukraine's role in the Kremlin's foreign policy calculations [Tsygankov, 2015]. Similarly, but from a critical point of view, Pain theorizes that the root cause of the war between Russia and Georgia is due to a shared illusion of imperialism, with Russia believing itself to be a regional superpower in a multipolar world [Pain, 2009: 10].

On the other hand, Lukyanov argues that both the strategic importance of the Russian naval base in Sevastopol and national-cultural and historical factors played a role in the decision to intervene in Crimea [Lukyanov, 2014]. Deliagin, for instance, states that the Crimean people never considered themselves a part of Ukraine. Crimea has been a part of Russia since the 18th century and even the ethnic Ukrainians who inhabit the peninsula perceive themselves as a part of Russian culture [Deliagin, 2015:

¹ Karaganov, S., (2014) 'Western delusions triggered this conflict and Russians will not yield', Financial Times, 14 September 2014. URL: <https://www.ft.com/content/05770494-3a93-11e4-bd08-00144feabdc0> (accessed: 26.01.2023).

7]. In another article, Lukyanov distinguishes Russia's reaction towards Crimea and Donbas and asserts that while realist considerations were more effective in the decision to annex Crimea, the approach to Donbas was more romantic and rooted in nationalist thinking¹. Similarly, Moiseev refers to the "compatriots" in Eastern Ukraine and urges Russia to protect Russian speakers in Ukraine under the auspices of relevant international norms [Moiseev, 2015: 56]. Trenin, on the other hand, while emphasizing the importance of Russia's stance against the expansion of NATO, considers Moscow's position within the perspective of its vision of "Greater Europe". In this respect, winning back Ukraine for the Eurasian integration project is critical because Ukraine constitutes one of the core elements of the reunification of the "Russian World" [Trenin, 2014: 6].

Conclusion

This research examined how the Russo-Georgian War in 2008 and the Ukraine Crisis in 2014 were discussed in Western and Russian academic circles. It was found that historical accounts and various theoretical frameworks were used to explain the Russian foreign policy in both conflicts, with Western scholars more likely to use mono-theoretical models and Russian scholars more likely to use inductive historical explanations. Realist frameworks were the dominant framework used to explain RFP in both cases, and there is an increasing number of studies that utilize theoretically eclectic approaches to better understand the interplay between different potential factors in the formation and implementation of RFP.

Examining the various aspects of RFP separately is not enough to grasp the whole picture. To better understand the issue, it is necessary to look into the interplay between the different elements that shape RFP. Studies which utilize an eclectic approach to investigate the interaction between different factors can help us to comprehend RFP and the developments in Ukraine since February 2022.

REFERENCES

- Alexandrova-Arbatova, N. (2009) The impact of the Caucasus crisis on regional and European security. *Southeast European and Black Sea Studies*, 9(3), pp. 287–300.
- Alexandrova-Arbatova, N. (2015) Security relations in the Black Sea region: Russia and the West after the Ukrainian crisis. *Southeast European and Black Sea Studies*, 15(2), pp. 129–139.
- Allison, R. (2014) Russian 'deniable' intervention in Ukraine: how and why Russia broke the rules. *International Affairs*, 90(6), pp. 1255–1297.
- Baev, P. (2015) Russia Outside the Security System: What Prospects for Confrontation with the West? *Russian Politics and Law*, 53(4), pp. 92–101.

¹ Lukyanov, F., (2014) "Vladimir Putin faces dilemma over Ukraine of empire or nation-state", The Telegraph, 4 August 2014. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/russia/11009727/Vladimir-Putin-faces-dilemma-over-Ukraine-of-empire-or-nation-state.html> (accessed: 26.01.2023).

- Buzgalin, A., & Kolganov, A. (2008) The Caucasian War and Public Interest. *Russia in Global Affairs* (4).
- Chrzanowski, B. (2021) An Episode of Existential Uncertainty: The Ontological Security Origins of the War in Donbas. *Texas National Security Review*, 4(3).
- Coyle, J. J. (2018) *Russia's Border Wars and Frozen Conflicts*. Palgrave Macmillan.
- D'Anieri, P. (2019) *Ukraine and Russia: From Civilized Divorce to Uncivil War*. Cambridge University Press.
- Deliagin, M. (2014) Krym dlya Rossii – Pervyy Shag Vozvrashcheniya v Mir [Crimea: The First Step in Russia's Return to the World]. *Svobodnaya Mysl*, (2), pp. 97–112. (In Russian).
- Feklyunina, V. (2018) International Norms and Identity. In A. P. Tsygankov (Ed.), *Routledge Handbook of Russian Foreign Policy*, pp. 5–21. Routledge, London.
- Forsberg, T., Heller, R., & Wolf, R. (2014) Introduction. *Communist and Post-Communist Studies*, 47(3/4), pp. 261–268.
- Götz, E. (2017) Putin, the State, and War: The Causes of Russia's Near Abroad Assertion Revisited. *International Studies Review*, 19, pp. 228–253.
- Hill, F., & Gaddy, C. G. (2013) *Mr. Putin: Operative in the Kremlin*. Brookings Institution Press, Washington D.C.
- Kanet, R. E. (2022) Russia's Enhanced role in Eurasia: the 'near abroad' three decades on. *European Politics and Society*.
- Karaganov, S., (2014) Time to End the Cold War in Europe. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/time-to-end-the-cold-war-in-europe/> (accessed: 26.01.2023).
- Karagiannis, E. (2013) The 2008 Russian-Georgian war via the lens of offensive realism. *European Security*, 22(1), pp. 74–93.
- Kazantsev, A. A., Rutland, P., Medvedeva, S. M., & Safranchuk, I. A. (2020) Russia's policy in the "frozen conflicts" of the post-Soviet space: from ethno-politics to geopolitics. *Caucasus Survey*, 8(2), pp. 142–162.
- Laruelle, M. (2016) Russia as an anti-liberal European Civilization. In P. Kolstø, & H. Blakkisrud (Eds.), *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–2015*. Edinburgh University Press, Edinburgh.
- Lukyanov, F. (2014) Putin Has Stumbled in Ukraine. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/comments/putin-has-stumbled-in-ukraine/> (accessed: 26.01.2023).
- Lukyanov, F. (2015) The Last Year of Soviet Inertia. *Russian Politics & Law*, 53(4), pp. 102–110.
- Mankoff, J. (2009) *Russian foreign policy: The return of great power politics*. Rowman & Littlefield, Toronto.
- Markedonov, S. (2009) The "Five-Day War": Preliminary Results and Consequences. *Russian Politics & Law*, 47(3), pp. 71–79.
- Markedonov, S. (2012) The Caucasus Region: From the Geopolitical Periphery to an Arena of Competitive Interests. *Caucasus International*, 2(3), pp. 57–76.
- Markedonov, S. (2021) Postsovetskoe De-Fakto Gosudarstvo: Traektorii Bor'by za Suverenitet [Post-Soviet De-Facto States: Trajectories of Their Struggle for Sovereignty]. *Mirovaya Ekonomika I Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 65(12), pp. 79–89. (In Russian).
- Marten, K. (2015) Putin's Choices: Explaining Russian Foreign Policy and Intervention in Ukraine. *The Washington Quarterly*, 38(2), pp. 189–204.
- McFaul, M. (2020) Putin, Putinism, and the Domestic Determinants of Russian Foreign Policy. *International Security*, 45(2), pp. 95–139.

- Mearsheimer, J. J. (2014) Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault: The Liberal Delusions That Provoked Putin. *Foreign Affairs*, 93(5), pp. 77–84.
- Moiseev, A. (2014) O Nekotorykh Mezhdunarodno-pravovykh Pozitsiyakh po Ukrainskomu Voprosu [Concerning Certain Positions on the Ukrainian Issue in International Law]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 5, pp. 53–65. (In Russian).
- Pain, E. (2009) The Russian-Georgian Armed Conflict: An Acute Case of Poisoning with Imperial Illusions. *Russian Politics & Law*, 47(5), pp. 10–25.
- Sakwa, R. (2019) Russian Neo-Revisionism. *Russian Politics*, 4(1), pp. 1–26.
- Shatilov, A. B. (2015) Krymskiy Konsensus» Rossiyskoy Elity: Prichiny i Posledstviya [Crimean Consensus» of the Russian Elite: Causes and Consequences]. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2, pp. 6–13. (In Russian).
- Solov'ev, K. (2009) Thoughts on the Political Map of Europe at the Beginning of the Twenty-First Century. *Russian Politics & Law*, 47(3), pp. 9–18.
- Splidsboel-Hansen, F. (2015) Framing yourself into a corner: Russia, Crimea, and the minimal action space. *European Security*, 24(1), pp. 141–158.
- Stent, A. (2019) *Putin's World: Russia against the West and with the Rest*. Twelve, New York.
- Sushentsov, A., & Neklyudov, N. (2019) The Caucasus in Russian foreign policy strategy. *Caucasus Survey*, 8(2), pp. 127–141.
- Toal, G. (2017) *Near abroad: Putin, the West and the contest over Ukraine and the Caucasus*. Oxford University Press USA, New York.
- Treisman, D. (2016) Why Putin Took Crimea: The Gambler in the Kremlin. *Foreign Affairs*, 95(3), pp. 47–54.
- Trenin, D. (2009) The Post-August World. *Russian Politics & Law*, 47(3), pp. 36–44.
- Trenin, D. (2011) *Post-Imperium: A Eurasian Story*. Carnegie Endowment for International Peace, Washington D.C.
- Trenin, D. (2012, March 2) Russia and CIS Countries: Relations Getting Mature in Evolution of Eurasia. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/russia-and-cis-countries-the-relations-getting-mature> (accessed: 26.01.2023).
- Trenin, D., (2014) The Ukraine Crisis and the Resumption of Great-Power Rivalry. URL: <https://carnegieendowment.org/2014/07/09/ukraine-crisis-and-resumption-of-great-power-rivalry-pub-56137> (accessed: 26.01.2023).
- Trenin, D. (2017) To Understand Ukraine. *Russia in Global Affairs* (4).
- Tsygankov, A. (2015) Vladimir Putin's last stand: the sources of Russia's Ukraine policy. *Post-Soviet Affairs*, 31(4), pp. 279–303.
- Tsygankov, A. (2016) *Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity* (4th ed.). Rowman & Littlefield, London.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 930:94:327.82(47+57):327.7:341.123:94:327(477):94:327(476)«1945»:929

СТРАНИЦЫ БОРЬБЫ СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ЗА ЧЛЕНСТВО УССР И БССР В ООН

© 2023 МЕЗГА Николай Николаевич*

Заведующий кафедрой всеобщей истории

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

246019, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104

***E-mail:** miazgamm65@gmail.com

Поступила в редакцию 19.11.2022

После доработки 20.12.2022

Принята к публикации 09.02.2023

Ключевые слова: СССР, Антигитлеровская коалиция, БССР, УССР, ООН, Вторая мировая война, международные отношения

DOI: 10.31857/S020170832303018X

EDN: bvgyia

В 2022 г. опубликована работа белорусского историка, профессора факультета истории международных отношений Белорусского государственного университета В.Е. Снапковского «Союзные республики и советская дипломатия: из истории борьбы СССР за первоначальное членство УССР и БССР в ООН (1943–1945 гг.)». Автор – известный исследователь истории международных отношений, в частности внешней политики Белоруссии. В.Е. Снапковский обратился к проблеме включения БССР и УССР в число стран-учредителей Организации Объединенных Наций. По этому вопросу шла острая дипломатическая борьба. Автор монографии отмечает, что его замысел заключался в восполнении пробела в ее изучении. Включение советских республик в состав ООН было крупным достижением советской дипломатии в годы Второй мировой войны и имело важное значение для дальнейшего развития белорусской и украинской государственности. Предметом исследования В.Е. Снапковский выбрал дипломатическую историю. Это определя-

ет содержание рецензируемой монографии как историко-дипломатического исследования.

Структурно монография разделена на две главы. В первой главе В.Е. Снапковский проводит детальный анализ дипломатической борьбы вокруг вопроса о включении республик СССР в состав ООН. Он определяет, что начальной точкой усилий советской дипломатии, направленной на придание им международно-правового статуса, является требование Москвы включить республики в состав Комиссии Объединенных Наций по военным преступлениям в июле 1943 г. [Снапковский, 2022: 17–18]. Важнейшим шагом В.Е. Снапковский считает проведение в СССР конституционной реформы в начале 1944 г. В результате республики Советского Союза юридически получили внешнеполитические полномочия. В монографии отмечены противоречивость и неопределенность их международного статуса, несмотря на внесенные в Конституцию поправки [Снапковский, 2022: 30]. Обращаясь к мотивам советского руководства, В.Е. Снапковский делает вывод, что решение о наделении советских республик международной правосубъектностью связано со стремлением сталинской дипломатии использовать их во внешней политике, в частности, для множественного представительства СССР в ООН и других международных организациях [Снапковский, 2022: 17, 41]. Что касается реакции союзников по Антигитлеровской коалиции на выход союзных республик на международную арену, то убедителен изложенный в монографии тезис о подозрительности и тревоге. Дипломатия США не рассматривала главный мотив советского решения – получить при помощи союзных республик голоса на международных конференциях и в международных организациях. Американцы склонялись к тому, что причиной было стремление сделать СССР более привлекательным для инкорпорации в его состав новых стран.

В первой главе монографии подробно изучен переговорный процесс по вопросу включения советских республик в число основателей ООН и освещена тактика советской дипломатии. В.Е. Снапковский отмечает, что предложение СССР 28 августа 1944 г. в Думбартон-Оксе о членстве советских республик в ООН стало неожиданностью для союзников. Первоначально Советский Союз заявил о необходимости включения всех 16 республик в состав организации, что в будущем открывало возможности для уступок с целью достижения компромисса. 7 сентября 1944 г. И. Сталин в послании Ф. Рузвельту обозначил предел уступок – членство Украины и Белоруссии в составе ООН [Снапковский, 2022: 69–70]. В.Е. Снапковский обращает внимание на уязвимость советской позиции, частично созданную Москвой. СССР рассматривал подписание Декларации Объединенных Наций как важнейший критерий для членства государств в ООН, однако союзные республики ее не подписывали. Американская формулировка по этому вопросу была более благоприятной [Снапковский, 2022: 60].

В монографии проиллюстрировано, с какими сложностями столкнулась советская дипломатия по вопросу о членстве союзных республик в ООН. Вплоть до Ялтинской конференции никаких положительных изменений в решении проблемы не было [Снапковский, 2022: 80]. К моменту встречи «большой тройки» в Крыму стороны определились с возможными уступками для достижения компромисса [Снапковский, 2022: 89]. В монографии обосновано положение, согласно которому ос-

новное противодействие советскому предложению оказывали США, а роль Британии была пассивной.

В монографии подробно рассмотрена дискуссия по вопросу о членстве советских республик в ООН на Ялтинской конференции. Полученное на ней Советским Союзом согласие США и Британии поддержать на конференции в Сан-Франциско приглашение Белоруссии и Украины в качестве учредителей ООН имело определяющее значение для решения вопроса. В.Е. Снапковский раскрывает причины, которые побудили Ф. Рузвельта и У. Черчилля пойти на встречу советской стороне. Это было связано с положением на фронте, с заинтересованностью США во вступлении СССР в войну против Японии [Снапковский, 2022: 108–109]. Автор монографии указывает на благосклонную позицию премьер-министра Британии в вопросе включения советских республик в число учредителей ООН. Уступка не была односторонней: взамен СССР принял американскую формулировку по голосованию в Совете Безопасности.

Рассматривая дальнейший ход дипломатической борьбы, В.Е. Снапковский останавливается на новых противоречиях между союзниками после Ялтинской конференции. Они связаны с различными интерпретациями ялтинских соглашений. Советское руководство отстаивало позицию, согласно которой в Ялте участники переговоров договорились о приглашении Беларуси и Украины на учредительную конференцию ООН в Сан-Франциско. Американские и британские дипломаты настаивали на том, что вопрос о включении республик в число учредителей должен быть решен на самой конференции [Снапковский, 2022: 133–134]. Автором монографии обоснован вывод, что к началу работы конференции у СССР и западных союзников сохранились принципиальные расхождения по белорусско-украинскому вопросу [Снапковский, 2022: 140].

Глубокому анализу в монографии подвергнут ход переговоров на конференции в Сан-Франциско. Британская позиция рассматривается как более благоприятная для СССР, что связано с приглашением доминионов Соединенного Королевства в число учредителей ООН. Исследованы дипломатические комбинации, к которым прибегла советская делегация, чтобы добиться положительного решения вопроса об участии Беларуси и Украины в конференции. В частности, показано, как советские дипломаты связывали белорусско-украинский вопрос с аргентинским. Это позволило СССР добиться поддержки латиноамериканских стран [Снапковский, 2022: 159].

В качестве важнейшего результата усилий советской дипломатии следует рассматривать, по мнению автора монографии, не только членство УССР и БССР в составе организации, но и признание республик субъектами международного права [Снапковский, 2022: 159]. В.Е. Снапковский подчеркивает, что инициатива в постановке вопроса о членстве в ООН исходила не от союзных республик, а от центрального советского руководства, стремящегося к более широкой международной поддержке и обеспечению геополитических интересов СССР как великой державы. Несмотря на это, включение УССР и БССР в состав ООН соответствовало национальным интересам их народов [Снапковский, 2022: 162–163].

Вторая глава рецензируемой работы представляет собой подборку документов по теме исследования. Среди 105 публикуемых документов значительная часть –

это материалы, выявленные В.Е. Снапковским в архивах Белоруссии, России, Украины, Великобритании и впервые введенные в научный оборот. Публикуемые документы значительно расширяют знания о процессах принятия решений руководством СССР, США, Великобритании по вопросу включения в состав учредителей ООН Белоруссии и Украины.

Рецензируемая монография подготовлена с использованием широкого круга исторических источников. Ее автор глубоко изучил и обобщил белорусскую, российскую, украинскую и западную историографию по теме. Это позволило В.Е. Снапковскому внести существенный вклад в изучение истории советской внешней политики в годы Второй мировой войны, открыть новую страницу в исследовании такого аспекта советской дипломатии, как борьба за включение Белоруссии и Украины в число учредителей ООН, а также начального этапа внешнеполитической деятельности БССР и УССР в связи с созданием международной организации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Снапковский В.Е. (2022) *Союзные республики и советская дипломатия: из истории борьбы СССР за первоначальное членство УССР и БССР в ООН (1943–1945 гг.)*. БГУ, Институт Европы РАН, Ассоциация внешнеполитических исследований имени А.А. Громыко. «Право и экономика», Минск, Беларусь. 366 с.

Pages of the Struggle of Soviet Diplomacy for the Membership of the Ukrainian SSR and the BSSR in the UN

N.N. Miazga*

*Head of the Department of General History Francisk Skorina Gomel State University
104, Sovetskaya street, Gomel, Belarus, 246019*

**E-mail: miazgamm65@gmail.com*

(Review of the book: Snapkovsky V.E. (2022) The Union Republics and Soviet Diplomacy: from the History of the USSR's Struggle for the initial Membership of the Ukrainian SSR and the BSSR in the UN (1943–1945). BGU, Institut Evropy RAN, Assotsiatsiya vneshnepoliticheskikh issledovaniy imeni A.A. Gromyko, Pravo i ekonomika, Minsk, Belarus. 366 p.)

Key words: USSR, Anti-Hitler Coalition, BSSR, USSR, UN, World War II, international relations.

DOI: 10.31857/S020170832303018X

EDN: bvgyia

REFERENCES

Snapkovsky V.E. (2022) *Soyuznyye respubliki i sovetskaya diplomatiya: iz istorii borby SSSR za pervonachalnoye chlenstvo USSR i BSSR v OON (1943–1945 gg.)* [The Union Republics and Soviet Diplomacy: from the History of the USSR's Struggle for the initial Membership of the Ukrainian SSR and the BSSR in the UN (1943–1945)], BGU, Institut Evropy RAN, Assotsiatsiya vneshnepoliticheskikh issledovaniy imeni A.A. Gromyko, Pravo i ekonomika, Minsk, Belarus.

ФОРУМ «РОССИЯ, ЕВРОПА, МИР»

26-27 апреля 2023 г. Институт Европы РАН и Ассоциация европейских исследований провели Форум «Россия, Европа, Мир», приуроченный к 35-летию ИЕ РАН и к 30-летию АЕВИС. В первый день Форума прошла научная конференция «Европейские исследования: политика, экономика, безопасность», включавшая нескольких пленарных сессий. Форум открыл член-корреспондент РАН Ал.А. Громыко, директор ИЕ РАН. Он рассказал об истории создания Института, его основаниях, исследовательских традициях, ключевых проектах и научных задачах.

Заседание продолжилось приветственным словом академика РАН, А.А. Дынкина, президента ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, академика-секретаря Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН; члена-корреспондента РАН, И.С. Иванова, президента РСМД; А.А. Кубрина, заместителя Государственного секретаря Союзного государства; Н.С. Кобринца, директора Департамента общеевропейского сотрудничества МИД РФ; члена-корреспондента РАН, С.Б. Бодрунова, президента Вольного экономического общества, президента Международного союза экономистов; академика РАН, А.М. Васильева, президента Института Африки РАН; академика РАН, А.Д. Некипелова, директора Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова; А.А. Байкова, проректора МГИМО МИД РФ; Д.М. Розенталя, и. о. директора Института Латинской Америки РАН; О.А. Зимарина, директора издательства «Весь мир».

На пленарной сессии «Политологическая проблематика в современной европеистике» прозвучали выступления академика РАН, В.Г. Барановского, члена Дирекции ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН; члена-корреспондента РАН, И.О. Абрамовой, члена Президиума РАН, директора Института Африки РАН; профессора РАН, Р.Н. Лункина, заместителя директора ИЕ РАН; члена-корреспондента РАН, В.М. Давыдова, научного руководителя Института Латинской Америки РАН; О.Ю. Потемкиной, руководителя Отдела исследований европейской интеграции ИЕ РАН; члена-корреспондента РАН, В.Н. Гарбузова, директора Института США и Канады РАН; А.И. Шумилина, руководителя Центра Европа – Ближний Восток ИЕ РАН.

Пленарная сессия «Экономические исследования о процессах в Большой Европе» включала выступления ведущих российских экономистов: академика РАН,

научного руководителя Института народнохозяйственного прогнозирования РАН Б.Н. Порфирьева; А.Н. Клепача, главного экономиста государственной корпорации развития ВЭБ.РФ; члена-корреспондента РАН, заместителя директора ИЕ РАН О.В. Буториной; члена-корреспондента РАН, А.В. Кузнецова, директора ИНИОН РАН; А.И. Бажана, руководителя Отдела экономических исследований ИЕ РАН; Е.Б. Ленчук, заместителя директора Института экономики РАН; И.Н. Тимофеева, генерального директора РСМД.

На пленарной сессии «Национальные интересы России и вызовы безопасности в Старом Свете» выступили: академик РАН, С.М. Рогов, научный руководитель Института США и Канады РАН; член-корреспондент РАН, Ф.Г. Войтоловский, директор ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН; А.В. Картунов, научный руководитель РСМД; А.В. Загорский, заведующий Отделом разоружения и урегулирования конфликтов Центра международной безопасности ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН; П.А. Шариков, в.н.с. Отдела исследований европейской интеграции ИЕ РАН.

Российская европеистика перед вызовами времени

27 апреля 2023 г. состоялась конференция «Российская европеистика перед вызовами времени», посвященная 30-летию АЕВИС, которая объединяет ведущих российских ученых-европеистов из региональных отделений АЕВИС.

В первой части выступил академик РАН, А.Г. Арбатов, член Дирекции ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО с докладом «Стратегическая стабильность и украинский кризис».

Конференция продолжилась выступлением представителей региональных отделений АЕВИС. Об участии ЕС в переформатировании глобальных цепочек производства и поставок полупроводников рассказал В.И. Михайленко, профессор кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета, председателя Уральского регионального отделения АЕВИС. Эволюцию дискурса ЕС о цифровом суверенитете проанализировала Т.А. Романова, доцент кафедры европейских исследований СПбГУ, председатель Санкт-Петербургского регионального отделения АЕВИС. С докладом о биологическом факторе европейской безопасности выступил профессор РАН, М.И. Рыхтик, директор Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского, председатель Нижегородского регионального отделения АЕВИС.

А.В. Акулышина, начальник Отдела международного сотрудничества Воронежского государственного университета, председатель Воронежского регионального отделения АЕВИС остановилась на трансформации политики «мягкой силы» в контексте геополитических вызовов. Использование опыта ЕС в построении общего научно-образовательного пространства в ЕАЭС рассмотрел В.В. Войников, профессор образовательно-научного кластера «Институт управления и территориального развития» Балтийского федерального университета им. И. Канта, председатель Калининградского регионального отделения АЕВИС. Украинский кризис с точки зрения исторического сравнения представил профессор, Ю.Г. Голуб, директор Ин-

ститута дополнительного профессионального образования Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, председатель Саратовского регионального отделения АЕВИС.

Конфликту ЕС и России через призму концепции темпорального разрыва был посвящен доклад Л.В. Дериглазовой, профессора кафедры мировой политики Томского государственного университета, председателя Томского регионального отделения АЕВИС. Мегарегионы Сибирь и Скандинавия в контексте экономической и геополитической динамики рассмотрел В.И. Супрун, директор Фонда социопрогностических исследований «ТРЕНДЫ», председатель Новосибирского регионального отделения АЕВИС. Перспективы традиционной и возобновляемой энергетики в мегарегионах Сибирь и Скандинавия исследовала Н.В. Горбачева, с.н.с. Института экономики и организации промышленного производства.

Г.Р. Шайхутдинова, профессор кафедры международного и европейского права Казанского федерального университета, председатель Татарстанского регионального отделения АЕВИС рассмотрела категорию суверенитизма. Актуализации теории суверенитета в современном мире был посвящен доклад Г.И. Баязитовой, доцента, заведующей кафедрой новой истории и мировой политики Тюменского государственного университета, председателя Тюменского регионального отделения АЕВИС.

В ходе отчетно-выборного собрания АЕВИС региональные отделения Ассоциации представили протоколы и отчеты о своей работе (2020–2023 гг.). Президентом АЕВИС избран член-корреспондент РАН, Ал.А. Громыко, директор ИЕ РАН, председателем Правления АЕВИС – М.Л. Энтин, профессор МГИМО, посол РФ в Люксембурге в 2012–2016 гг., ответственным секретарем – О.В. Охошин, к.и.н., с.н.с. Центра британских исследований ИЕ РАН. Сформирован новый состав Правления и Бюро АЕВИС, внесены предложения по развитию Ассоциации.

Европа и регионы мира: перспективы глобального развития

27 апреля 2023 г. прошла конференция Совета молодых ученых ИЕ РАН «Европа и регионы мира: перспективы глобального развития». Она собрала ведущих молодых ученых России из: ИЕ РАН, ИМЭМО им. Е.М. Примакова, ИАФР РАН, ИКСА РАН, ИСК РАН им. академика Г.А. Арбатова. В мероприятии приняли участие коллеги из ИНИОН РАН, Института географии РАН, СПбГУ, Финансового университета при Правительстве РФ, МГЛУ им. М. Тореза, МГИМО МИД России.

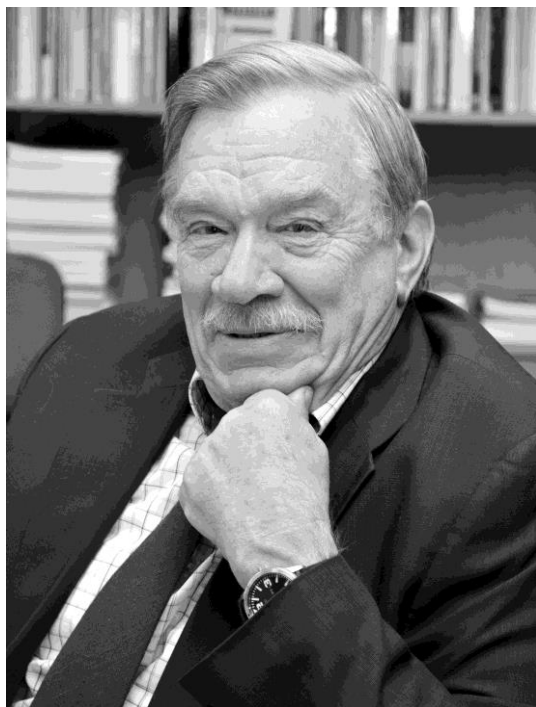
С приветственным словом к собравшимся обратился профессор РАН, Р.Н. Лункин, заместитель директора ИЕ РАН по научной работе. Он отметил, что Институт Европы «открыт для диалога, находясь в эпицентре научной дипломатии и занимаясь налаживанием и сохранением диалога с коллегами из самых разных стран. Институт приветствует дальнейшее развитие научной мысли через самые неожиданные междисциплинарные и межрегиональные сочетания». П.В. Осколков, председатель Совет молодых ученых ИЕ РАН, руководитель Центра этнополитических исследований подчеркнул, что «работа с начинающими научными кадрами, их

поддержка ведется с самого основания Института и является неотъемлемой частью его деятельности». С поздравлениями в адрес Института выступили участвовавшие в конференции руководители и представители Советов молодых ученых.

Установочные доклады сделали А.В. Котов, в.н.с. Отдела страновых исследований ИЕ РАН («Перспективы пространственного развития ЕС») и К.А. Годованюк, в.н.с. Отдела страновых исследований ИЕ РАН («Британия как фактор мировой политики»).

Во второй части конференции (модераторы – Р.Н. Лункин и А.К. Иванова, н.с. Отдела страновых исследований ИЕ РАН) выступавшие поделились мнением о стержневых внешнеполитических и внешнеэкономических тенденций в ключевых регионах мира, о наиболее важных факторах, определяющих поведение крупных политических и экономических игроков. Ученые рассказали о значимых событиях в отдельных регионах мира, важных при прогнозировании развития международных отношений, о процессах в многоугольнике США – ЕС – РФ – КНР.

**80-летие
Владимира Яковлевича
ШВЕЙЦЕРА**

4 июня 2023 г. исполняется 80 лет Владимиру Яковлевичу Швейцеру, главному научному сотруднику ИЕ РАН, доктору исторических наук, руководителю Отдела социальных и политических исследований ИЕ РАН.

Юбилейная дата предполагает осмысление пройденного пути, оценку созданных научных трудов, тем более что практически вся научная карьера Владимира Яковлевича – а это без малого 57 лет! – связана с Академией наук советского и российского периода, куда он пришел после обучения на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова в 1961–1966 гг.

Важным этапом становления В.Я. Швейцера как ученого-политолога стала работа в Институте международного рабочего движения (переименован в начале 1990-х гг. в Инсти-

тут сравнительной политологии). Именно здесь сформировалась главная тематика его научных интересов – исследование западноевропейской, в особенности австрийской, социал-демократии. Теории и практике австрийских социал-демократов посвящены кандидатская и докторская диссертации В.Я. Швейцера, защищенные в 1972 и 1990 гг., а также две монографии, работа над которыми расширила и углубила интерес к избранному предмету исследований.

Важным этапом в научной карьере В.Я. Швейцера стала работа в Институте Европы РАН. За два десятилетия в Институте заметно расширился круг его науч-

ных интересов: они стали охватывать не только партийно-политическую и глобальную проблематику, но и исторические сюжеты, связанные в том числе с отечественной историей. Многочисленные публикации Владимира Яковлевича печатаются на страницах журналов «Современная Европа», «Научно-аналитический вестник ИЕ РАН», в отдельных томах серии «Старый Свет – новые времена».

Своеобразным подведением итогов двадцатилетней работы в ИЕ РАН стала вышедшая в 2023 г. монография В.Я. Швейцера «Россия, Европа, Мир», в которую вошли самые яркие публикации последних лет, ценные воспоминания, связанные с семьей автора. Читателя привлечет не только удачный синтез научного и публицистического жанра этой книги, но и несомненный литературный талант Владимира Яковлевича. Подтверждением этому служат дружеские поэтические экспромты, выходящие из-под его пера.

Характеристика юбиляра была бы неполной без упоминания его замечательных человеческих качеств: доброжелательность и демократичность в общении, уважение чужих мнений и, что немаловажно, прекрасное чувство юмора – словом, всех тех качеств, которые присущи настоящему российскому интеллигенту.

Коллектив Института Европы сердечно поздравляет Владимира Яковлевича Швейцера с юбилеем! Желаем здоровья, благополучия и позитивного настроения. Ждем от юбиляра новых творческих свершений.

Журнал «Общественные науки и современность» – один из ведущих российских научных междисциплинарных изданий.

Учредитель – Российская академия наук. Журнал издаётся под руководством Президиума РАН.

«Общественные науки и современность» посвящён актуальным фундаментальным и прикладным исследованиям в социогуманитарных науках. На страницах журнала представлены статьи по политологии, международным отношениям и праву, экономике и социологии, философии и истории, культурологии и психологии.

«Общественные науки и современность» поддерживает самые высокие стандарты отбора материалов, их рецензирования, публикационной этики.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК по специальностям:

08.00.00 – экономические науки;
22.00.00 – социологические науки;
23.00.00 – политология

Индексирование: **RSCI, РИНЦ**

ISSN (print): 0869-0499

Год основания: 1976

Импакт-фактор: 0,862

Подписной индекс: 70677

Периодичность: 6 раз в год.

